

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Роль организаций по проверке достоверной информации в Бангладеш в борьбе с фейковыми новостями.

Хоссаин Барек, Музыкант В.Л., Нахидуззаман Мд 3

Консервативная повестка как лейтмотив российской публичной дипломатии. *Садовников Н.А.* 9

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопросы совершенствования государственного контроля над экономической деятельностью в цифровом пространстве. *Гильмутдинова А.Ф.* 27

Специализированная государственная корпорация народных художественных промыслов: сущность и особенности правового регулирования отдельных видов отношений. *Жигалова И.В.* 32

Защита прав граждан на социальное обеспечение: правовой аспект. *Холина И.С., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н., Чинаря Е.А., Чижикова В.В.* 37

Правовое обеспечение развития возобновляемой энергетики в России. *Черных Н.А., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н., Лутовинова Н.В., Чижикова В.В.* 43

Защита конкуренции в условиях цифровой экономики на примере стран Европейского Союза. *Чинаря Е.А.* 46

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Принципы организации системы повышения квалификации судей. *Вуколова А.Р.* 49

Способы разрешения конституционно-правовых коллизий: судебные и внесудебные процедуры. *Ячменев Ю.В., Лисаченко С.С.* 53

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

«Злостность» как основной признак составов преступлений, связанных с неисполнением приговора суда, решения суда или иного судебного акта. *Бархо В.Ю.* 56

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Тактико-специальная подготовка сотрудников полиции. *Ковалев С.М., Бордачев А.Ю.* 60

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Личное доверие и его значение в правовом регулировании семейных отношений. *Рутковская О.А.* 65

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru

Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 29.12.2022 Цена свободная Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- The role of fact-checking organizations in Bangladesh in combating fake news. Hossain Barek, Musician V.L., Nahiduzzaman Md **3**
- Conservative agenda as the leitmotif of Russian public diplomacy. Sadovnikov N.A. **9**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

- Issues of improving state control over economic activity in the digital space. Gilmutdinova A.F. **27**
- Specialized State Corporation of Folk Art Crafts: Essence and Peculiarities of Legal Regulation of Separate Types of Relations. Zhigalova I.V. **32**
- Protection of the rights of citizens to social security: legal aspect. Kholina I.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.A., Chizhikova V.V. **37**
- Legal support for the development of renewable energy in Russia. Chernykh N.A., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Lutovinova N.V., Chizhikova V.V. **43**
- Protection of competition in a digital economy on the example of the countries of the European Union. Chinaryan E.A. **46**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Principles of organization of the system of advanced training of judges. Vukolova A.R. **49**
- Methods for resolving constitutional and legal conflicts: judicial and extrajudicial procedures. Yachmenev Yu.V., Lisachenko S.S. **53**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW

- "Malignity" as the main feature of the elements of crimes related to non-execution of a court verdict, court decision or other judicial act. Barkho V.Yu. **56**

CRIMINALISTICS. JUDICIAL EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

- Tactical and special training of police officers. Kovalev S.M., Bordachev A.Yu. **60**

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Personal trust and its importance in the legal regulation of family relations. Rutkovskaya O.A. **65**

Роль организаций по проверке достоверной информации в Бангладеш в борьбе с фейковыми новостями

Хоссаин Барек

кандидат наук, соискатель, Российский университет дружбы народов, barek.kaiser@gmail.com

Музыкант Валерий Леонидович

д.т.н., профессор, Российский университет дружбы народов, vmouzyka@mail.ru

Нахидуззаман Мд

студент магистратуры, Российский университет дружбы народов, nahiduzzamantusher@gmail.com

В последние годы количество пользователей Интернета и информационных технологий в Бангладеш ошеломляюще выросло. Тем не менее, доступность Интернета предлагает отличные возможности для распространения информации, иногда принося неудобства, которые приводят к ложной информации, дезинформации и фальшивым новостям. В данной статье используются методы анализа вторичных данных, в которых рассматриваются статьи, отчеты, интернет-ресурсы и документы. Мы выделили только действующие службы проверки фактов для решения этих проблем в Бангладеш. Мы также рассмотрели агентства по проверке фактов по всему миру и попытались проанализировать агентство по проверке фактов в Бангладеш. Основная цель этой статьи — предоставить обзор организаций по проверке фактов в Бангладеш. Исследование показывает, что фейковые новости — серьезная проблема в Бангладеш. Различные организации по проверке фактов выявили различные фейковые новости, дезинформацию и слухи в Бангладеш, особенно в период распространения коронавируса. Академические исследования медиаграмотности, процессов проверки фактов и институтов все еще новы для этой страны. Кроме того, исследование показало, что недавние организации по проверке фактов в Бангладеш взяли на себя активную роль в борьбе с фейковыми новостями, дезинформацией и недостоверной информацией. **Ключевые слова:** Фейковые новости, проверка фактов, дезинформация, медиаграмотность, Бангладеш.

Introduction

Bangladesh is a densely populated country in South Asia, neighboring India on three sides, Myanmar on the other side, and bordering the Bay of Bengal. Since independence in 1971, over the past decade, this country has made much progress. It deserves tremendous development in the digitization process. Because of the Bangladesh government's vision for 2021, 50 years after independence, Bangladesh has become more Digitalized. In this regard, Bangladesh's internet penetration reached 31.5% of the total population, and internet users increased to 52.58 million in early 2022 (Kemp, 2022). Currently, the number of mobile phone users in Bangladesh is 163.3 million. According to Kepios's analysis, the number of Internet users in Bangladesh will grow by 5.5 million between 2021 and 2022, an increase of 11.6%. As a result of digitization, everyone has an internet-connected smartphone, and the flow of information is increasing tremendously. However, this flow of information also includes fake news and hoaxes. Fake news is wreaking havoc on human and community harmony in various Asian countries around the world, including Myanmar (Rohingya violence), Bangladesh (Ramu violence), and India (Delhi riots, Muslim minority lynchings). An effective way to reduce the spread of fake news and misinformation is to increase media literacy and use fact-checking. Under these circumstances, the primary purpose of this article is to provide an overview of fact-checking organizations in Bangladesh.

Literature Review

Concurring to Ahmed (2019), fake news has ended up being an extreme concern within the Joined together States and other created vote-based systems; that is mainly since those social orders still brag about strong societies of rights and frameworks of equity that guarantee physical security and flexibility from net shapes of badgering. But in places where more coordinated shapes of control are still conceivable but on the rise, there's a small requirement for something as modern and roundabout as fake news to influence open supposition by progressing one's plan or interface. He moreover pushed that, in time, this might alter, particularly on the off chance that fake news sending can become more straightforward to use as a focused and adaptable operation. But in an instrument unit with distant, more brutal disobedience that can be

utilized with virtual exemption, fake news may be an extra alternative for the present.

Islam, Alam, Hossain, Motaleb, Yeasmin, Hasan, and Rahman (2020) have inquired about 'Bengali Fake News Detection,' where an information mining calculation is utilized to classify fake and genuine news. Through this work, they consider Bengali fake news classification considering the South Asian Setting. They, too, presented a web interface based on the classifier to check whether a news article was composed within the Bengali dialect, fake or genuine. The classification show appears to have 85% exactness with an irregular timberland classifier.

After a six-month-long ethnographic ponder in three towns in Bangladesh, Sultana and Fussell (2021) appeared that villagers have seen a need for information and involvement among nearby therapeutic experts and frequently fell for garnish advancements of questionable and unverified cures. Villagers built on their nearby convictions and myths, devout religions, and social equity sensibilities, whereas suspicious fact-checking data. Other than that, they frequently detailed being deluded by deception that caters to these values, and they encourage the spread of this data through discussions with companions and family. They proposed that analysts consider deception and arrange fact-checking together as a collaborative hone to plan fitting well-being innovations and social media for given communities.

Al-Zaman (2021) has conducted an inquiry from a Bangladesh point of view, where he categorizes Coronavirus related online deception into six general topics well-being, legislative issues, religion, wrongdoing, amusement, and differences. Agreeing with this inquiry, to control deception, numerous activities have been taken so distantly that they have created small victories. Even though online deception could be a worldwide wonder, its effect may be more substantial in nations like Bangladesh, with comparatively less effective communication foundations and more carefully ignorant netizens.

In another inquiry, Al-Zaman (2021) centered on the responses of Bangladeshi social media clients to devout deception. That consider utilized a substance investigation strategy and found two critical topics: emotion-driven responses and reason-based responses to social media substance and disinformation. Concurring with the ponder, users' passionate responses (62.02 percent) are more substantial than their cognitive capacities (37.98 percent).

On the other hand, Hossain et al. (2022) examined Bangla News fact-checking instruments, utilizing an explained dataset of 50K news. Moreover, they have conducted an outline of the information set and created a reference framework with state-of-the-art NLP procedures to recognize Bangla fake news utilizing conventional dialect components and unbiased network-based methods. Through this writing audit, we have realized that informative investigative works on the fact-checking situation of Bangladesh are not accessible at all.

Materials and Methodology

In this article, we have tried to underline the primary fact-checking services and tools in Bangladesh using the secondary data analysis method, where articles, reports, online resources, and documents have been considered. Through this process, a literature review has been conducted to understand the related research works in this field. In addition, by reviewing the worldwide history of fact-checking organizations, this study has analyzed Bangladeshi Fact-checking organizations. For this purpose, we have analyzed seven public and private fact-checking organizations in Bangladesh in total. Finally, concise the findings and propose suggestions regarding these organizations and their functioning.

Fake News, Misinformation, Disinformation, Malinformation, and Rumor during the Digital Inclusion Process in Bangladesh

As a creating nation with a moo proficiency rate, Bangladesh has confronted a few occurrences concerning fake news, rumors, and disinformation. The affirmations almost allegations spread with hamburger and pork fat that driven to the Sepoy Resistance, millions of 1857, are among the most seasoned however most predominant rumors individuals develop up hearing in history books (Towhid, 2021). Besides that, there have been various illustrations in Bangladesh all through the final decade where social media mishandling has ended up a security chance. From the Ramu occurrence in 2012 (Sarkar, 2020) to the Bhola occurrence in 2019 (Debnath, 2019), many assaults on nonage communities are fueled by social media criticism and related deception. Too, in 2019, wrong child kidnapping claims started swarm assaults on 30 people, killing eight (Bangladesh lynchings: Eight, 2019).

The rise of computerized news stages and social organizing destinations has affected this. The Shahbagh Development in 2013, the Standard Change Development in 2014, and the Street Security Development in 2018 are three of Bangladesh's critical occasions in which social media played a vital part (Towhid, 2021).

Individuals can create chaos, perplexity, and insecurity with the same rebelliousness that engages them. On the other hand, Bangladesh has been victimized by the widespread extreme coronavirus-related deception, just like the rest of the world. There had once been various trick speculations and deception almost the coronavirus. In addition, incorrect data about antibodies is spreading on social media platforms. Anti-vaccine bunches attempt to extend immunization aversion with their far-brought trick speculations (Kanozia & Arya, 2021, p. 316).

Some Tips to Prevent the Spread of Fake Information or News

Agreeing with other investigations, at slightest 800 individuals have passed on around the world within the, to begin with, three months of 2020 due to incorrect data approximately the coronavirus (Haque, 2020). As

a result, we need to use caution when sharing news and data. Be that as it may, how? Fact-checking site 'Full Fact' has given way to rapidly finding fake data and news. Media specialists propose inquiring three questions sometime recently sharing anything on Facebook (Haque, 2020). They are:

The first question

Who gave the news? To begin with, inquire about this address. If the source is dependable, keep it private. If the equation is modern, attempt to memorize it approximately.

The second question

What? Enter the interface and study the real news. Note the picture, the number utilized, and someone's comment. Comments are frequently utilized without saying the source or given without setting. Pictures or recordings of the news may be fake. The voices utilized within the video may have changed.

The third question

How do you feel after perusing the news? Those who spread false news need to play with people's sentiments. They know you will press on the news if you get irate or worried. So try to know your sentiments before sharing. On the off chance that you are feeling great, share. In addition, on the off chance that you have issues, attempt to confirm by looking at other sources.

Fact-Check

With the development of information technology, information has become more and more available daily. At this time of the 21st century, with the rapid flow of information technology and social media welfare, information is now in our hands. Information is no longer the sole property of the intellectual class of society, but anyone, regardless of class, can collect, store, and disseminate any information. Not only is this free flow of information helping society to move forward, but we are often losing out on the tide of so-called information. Moreover, among the issues involved in this problem, the most talked about is fake News such as fake news, informative or infodemic, deepfake technology, etc.

With the speed of the Web and the notoriety of social media, the development of the two is the most driving drive of the data stream. In addition, as a result, not as it were data but the sum of deception is expanding on the Web. As a result, it is getting to be increasingly important to find the correct data. That is why it is fundamental to confirm the genuineness of the data, objectivity, etc. In addition, this confirmation or testing process is known as fact-checking. Concurring to BTRC information, in Walk 2021, the whole number of Web clients in Bangladesh stood at 11 crores 71 lakh 40 thousand (The number of internets...; 2021). Other than, concurring to the social media administration stage Napoleon cat insights, the number of Facebook clients in Bangladesh till May 2021 is four crores 82 lakh 30 thousand (Afrin; 2021). It recognizes that the deception spread among numerous individuals could be a gigantic errand.

Concerning this, Bangladesh has three organizations: BD Truth Check, Jacchai, and Reality

Observe. The Truth Observe was propelled in 2017; maybe a extend run by a nearby college called the College of Magnanimous Expressions. The two others have been working freely. Jaachai and Truth Observe have their websites, whereas BD Truth Check comes to gatherings of people through its Facebook page. Bangladesh has no legal system for enrollment with autonomous fact-checking organizations. As a result, these organizations are classified as online media outlets. These companies primarily confirm claims posted on social media.

Fact-Checking Organizations in the World

On March 5, 1938, an advertisement in Collier's Weekly magazine appeared in 'Time' where the term 'fact checker' was used. The ad mainly featured various statistics on Time magazine's success and growth. This process of fact-checking the published information continued for decades to come. However, with the advent of the Internet, a new type of fact-checking began. They are now, fact-checking and working on the information or statements someone has already published. Politics has become a critical factor in this new type of fact-checking. Fact-checking tends to be more important in verifying the truth of political information or statements of state political persons and institutions. Lucas Graves, the author of the book 'Deciding Hats Two' and renowned researcher on political fact-checking, says that political fact-checking has evolved continuously. Although it started in the eighties, it has become more refined and regulated in the following decades.

On the other hand, FactCheck.org was launched in 2003 as the first full-fledged political fact-checking initiative. It was initially an initiative of the Annenberg Public Policy Center at the University of Pennsylvania. After that, some other websites started working in America and Europe in political fact-checking. With the emergence of independent fact-checking organizations and the challenge of mainstream media reporting by political bloggers before the 2004 US election campaign, many of America's leading mainstream media outlets sought to strengthen and modernize Tal's traditional fact-checking process.

Although, at first, they did not take the fact check of their statements well, American politicians gradually started to accept it as a part of journalism. The word 'fake news' started to be widely discussed around the 2016 US election campaign at a stage of creating new independent fact-checking initiatives worldwide. Democratic and Republican campaigns used social media to spread fake News before the election. Evidence of a coordinated fake news campaign from outside the US, particularly on behalf of the Republicans, later emerged. Even after being elected, President Donald Trump has made it almost a daily routine to talk about the term. In 2017, the Collegiate Dictionary named 'fake News' the most talked about word of the year. Trump used to call critical reports published about him in leading media "fake news." In January 2018, he even awarded the so-called "Fake News Award" to CNN, The New York Times, and The Washington Post. Fact-checking became popular as

fake News proliferated online and debates on the issue became widespread. According to a 2020 statistic by the Hueck Reporters Lab, the number of globally recognized fact-checking institutions in 2014 was over half a hundred. In 2016 it stood at 105, and in 2020 this number increased to 301. Besides, the number of fact-checking organizations worldwide increased by 200 percent in the four years after Trump was elected in 2016. According to Duke Reporters Lab data, in January 2021, 349 fact-checking organizations were active (Shishir, 2022).

Fact-Checking Organizations in Bangladesh

Fact-checking started institutionalized in Bangladesh at this time of increasing popularity of fact-checking in America and the world. 'BD Fact Check' started its journey at the beginning of 2017 as the first fact-checking organization here. It started with a few young journalists. Another fact-checking initiative called 'Jachai' started shortly. Besides, some other fact-checking organizations are present in Bangladesh. Here, we have discussed seven fact-checking organizations in Bangladesh.

BD fact check

BD fact check (www.bdfactcheck.com) began working in 2016. They moreover have a page on Facebook (<https://www.facebook.com/bdfactcheck/>). The BD fact check confirms data from talks, press conferences, open gatherings, and the media. They, too, check the fake news, pictures, or recordings that go viral on social media. BD fact check has distinctive substance categories: fact check, Facebook Rumor, Legislative issues Check, Wellbeing Check, Media Proficiency, Interactive Media, and Truth Check Ask. Concurring to the Co-founder of BD fact check, Kadruddin Shishir, to begin with, individuals did not get the truth check. In any case, everybody presently gets its significance (Mashum, 2018)." Another co-founder of BD fact check, Zahid Arman, included, "There have been numerous enormous mishaps in our nation within the past due to fake news or rumors. Bad news approximately legislative issues and religion spreads more. We moreover put more accentuation on these two issues (Mashum, 2018)."

Rumor Scanner

Rumor Scanner was formally propelled on Walk 17, 2020, and is the primary fact-checking activity in Bangladesh to begin fact-checking through websites and advanced standards to form more mindful individuals. They clarify the issues by analyzing different viral subjects like politics, society, financial matters, and the well-being of pharmaceuticals. Rumor Scanner is the primary fact-checker in Bangladesh to dispatch a WhatsApp helpline where cognizant citizens can send posts, recordings & news joins to be fact-checked. They receive hundreds of genuine questions week by week through the WhatsApp helpline. Rumor Scanner may be a part of RSB Media & Investigate, enrolled with the Recorder of Joint Stock Companies and Firms. RSB Media & Inquire about could be a for-profit firm headquartered in Dhaka, Bangladesh.

Rumor Scanner Bangladesh has picked up worldwide acknowledgment as a fact-checking organization from the Worldwide Fact-Checking Organize (IFCN), an associate of the Pointer Organized of News coverage (Rumor Scanner Bangladesh; 2021). They have got this acknowledgment as the moment institution of the nation. Besides that, Rumor Scanner has propelled its beginning with the portable app (<https://cutt.ly/HRB6Dk4>) in Bangladesh, which has played a fundamental part in making people aware of the repulsions of rumors within the nation.

Factkhujji (Find the Fact)

Factkhujji is another fact-checked site in Bangladesh. In expanding to the (www.factkhujji.com) site, they also have a Facebook page (<https://www.facebook.com/factkhujji/>). Abul Kalam Azad is the author of Factkhujji; it began its travel at the start of 2020. Keeping in mind the setting of Bangladesh, Factkhujji is creating a few devices with which a citizen can confirm the genuineness of any site, picture, video, or viral social media substance. It will give in-depth preparation for writers to upgrade their fact-checking skills. Factkhujji is a free fact-checking platform run within the Bangladeshi capital city Dhaka. It distributes authentic actualities to fight fake news and disinformation.

Boom Bangladesh

The boom could be a particular advanced news coverage activity, India's to begin with, and a preeminent information verification/fact check site. Be that as it may, this site began its travel in Bangladesh as 'Boom Bangladesh' in April 2019 (www.boombd.com). It has four categories - Fake News, Truth Records, and Body well-being. Besides, Boom's primary site includes a partitioned category called 'Bangladesh.' The Facebook page of the organization is <https://www.facebook.com/Boombangladeshnews>.

On the other hand, Boom Ping is a portion of the Advanced Organize (www.pingnetwork.in) and may be an enrolled privately constrained company in India. Boom Arrange has had a news division since 2014, and since November 2016, Boom has propelled another division as an activity for fact-checking. It is certified by the Universal Fact-Checking Arrange Pointer Established.

Jachai (Verification)

'Jachai' (www.jachai.org) may be a Bangladesh-based fact-checking website. In February 2017, it launched as the primary Bangladeshi fact-checking site within the Bengali dialect. Be that as it may, the activity began in 2012 with a Facebook page called 'Be cautious, share responsibly.' Jachai claims it is an autonomous and self-reliant activity free of political and devout impact. Its reason is to highlight the authenticity of various online news and data and persuade everybody to spread data dependably. Jachai could be an unbiased endeavor conducted on private financing from a sense of social obligation. This location gives

data on fake checks and rumors in expansion to fact-checking. There is, moreover, a list of rumored media. These media have given a few rumored news discharges. 'Jachai' takes after an NGO Demonstrate and shows up with well-informed, almost modern fact-check commerce capacities. In reality, 'Jachai' comes from the conventional journalistic fact-checking demonstration and embraces research-based announcing instep (Mohammad, 2019). 'Jachai' too produces posts recognizing fake news and rumors on social media.

Fact Watch

Fact Watch (www.fact-watch.org) may pioneer making Media Information Literacy in Bangladesh. The organization points to open mindfulness of deception, fake news, and rumors; the travel started on November 1, 2016, with introductory monetary bolster from the American Center. Fact Watch may be a venture of the College of Generous Expressions, or ULAB, with the Center for Basic and Subjective Ponders (CQS) support. The organization communicates information confirmation comes about to everybody through its site and Facebook page. It also organizes different workshops, workshops, available addresses, etc.

AFP Fact Check

AFP's digital verification service was propelled in France in 2016 and has become one of the world's driving fact-checking organizations. The organization's writers have secured online substances distributed in neighborhood dialects like Amharic (Ethiopian's official dialect), Hindi, Clean, Portuguese, and so on. They work with different AFP bureaus worldwide to recognize and invalidate hurtful, compelling, and deluding data from this substance, considering neighborhood culture, dialect, and legislative issues. Kadruddin Shishir is an editor at the AFP Dhaka bureau who is in charge of the Bangla site of AFP Truth Check. Sometime recently joining AFP, he was the editor of Boom Live in Bangladesh. He has already worked for BD FactCheck, one of Bangladesh's driving TV channels.

Findings and Discussions

➤ There are fact-checking sections in the mainstream media in neighboring India. However, in Bangladesh, only two mainstream media outlets have fact-checking sections.

➤ The general public needs to learn fact-checking. As a result, they believe rumors about various communal conflicts in society.

➤ There is also the risk of political bias in fact-checking in countries like Bangladesh. For example, if some fact-check results violate the balance of power, they may be manipulated as fake news or misinformation.

➤ Fact-checking journalism can be a great career, but people still need to learn about this opportunity.

➤ Fact-checking is not just about fake news, rumors, misinformation, disinformation, and misinformation. On the contrary, all types of discourse

can be fact-checked, for example, written and published documents, speeches, audio, videos, or recordings.

➤ Political party leaders and their supporters may spread misinformation and disinformation for political gain.

Conclusion and Recommendations

Recently, there have been disturbing incidents in Bangladesh, including fake news, misinformation, and disinformation-based attacks on minority communities. Many people have died in clashes rigged up from misinformation. In this context, fact-checking is essential for smartphone-vulnerable children, youth, and seniors in Bangladesh. Fact-checking and verifying the authenticity of information is complex, but the need for it cannot be denied, and it is gradually increasing. Fact-checking is a method of verifying the truth of information using some method. Just as information can be verbal, audio, written, data, statistics, images, video, and so on. There are many different ways to verify the information. Everyone is constantly seeking, giving, and using the information in this vast world of information technology. As a result, it is difficult to understand who is providing accurate information or misleading people with false or fabricated information. Verification of information has also become one of the most critical problems in getting to the bottom of the fake news and misinformation circulating in networks of all kinds. Social media platforms such as Facebook, Twitter, and YouTube have updated their disinformation policies and launched several significant initiatives. Extreme criticism from various organizations for the role of social media platforms in conflicts, such as the Rohingya violence in Myanmar (2017), the Delhi riots in India (2020), and the Rumu riots in Bangladesh (2012).

The study found that fake news has severely impacted the harmony of communities in Bangladesh and has had a profound impact on the beliefs and behavior of people in rural and urban areas. Various fact-checking organizations have detected various cases of fake news, misinformation, and rumors in Bangladesh, especially during COVID-19. Fact-checking and media literacy are relatively new phenomena in Bangladesh, so there needs to be more academic research. In this regard, we hope this study can contribute to media and communication-related research in Bangladesh. The survey also found that recent fact-checking organizations in Bangladesh have taken a proactive role in combating fake news, disinformation, misinformation, and rumors. However, in this research, we found that fact-checking remains complex and inconvenient for the general public.

Recommendations

✓ Bangladesh's mainstream media should play a more active role in this issue. All media must include a mandatory fact-check section.

✓ Before any information, news or content is shared or disseminated; people should be aware to ensure its accuracy.

✓ Like journalism, fact-checking has its hurdles. In this regard, we must organize fact-checkers and hold governments accountable.

✓ Young professionals should recognize that fact-checking can be a great profession to explore.

✓ Political statements must be subject to fact-checking to hold political leaders accountable.

✓ Mandatory training, workshops or seminars on media literacy, fake news, and fact-checking should be organized by relevant authorities for all public and private institutions. B. Press Institute Bangladesh (PIB) and Management and Resources Development Initiative (MRDI).

✓ According to various studies in Bangladesh, the age group of social media users is she is between 14 and 35 years old, so compulsory media literacy courses should be included in secondary and upper-secondary school curricula. The National Curriculum Board of Bangladesh should pay attention to these issues.

Roles of Fact-checking Organizations in Bangladesh to Tackle Fake News

Barek Hossain, Muzykant V.L., Nahiduzzaman Md
Peoples' Friendship University of Russia

In recent years, internet and information technology users have grown staggeringly in Bangladesh. Nonetheless, the Internet's availability offers excellent information dissemination opportunities, sometimes bringing disadvantages that cause misinformation, disinformation, and fake news. This article uses secondary data analysis methods in which articles, reports, online resources, and documents are considered. We have highlighted only running fact-checking services to address these issues in Bangladesh. We also reviewed worldwide fact-checking agencies and attempted to analyze the fact-checking agency in Bangladesh. The primary purpose of this article is to provide an overview of fact-checking organizations in Bangladesh. The study shows that fake news is a severe problem in Bangladesh. Various fact-checking organizations have uncovered various fake news, misinformation, and rumors in Bangladesh, especially during the coronavirus period. Academic research into media literacy, fact-checking processes, and institutions is still new in this country. Besides, the study found that recent fact-checking organizations in Bangladesh have taken a proactive role in combating fake news, disinformation, misinformation, and malformation.

Keywords: Fake news, Fact-check, Misinformation, Media Literacy, Bangladesh.

References

1. Ahmed, K. A. (2018). In Bangladesh: Direct Control of Media Trumps Fake News. *The Journal of Asian Studies*, 77(4), 909–922. <http://doi.org/10.1017/S0021911818002516>
2. Al-Zaman, M. S. (2021). Social media and COVID-19 information in Bangladesh. *Media Asia*, DOI: 10.1080/01296612.2021.1920114
3. Kanoa, R. & Arya, R. (2021). "Fake news", religion, and COVID-19 vaccine hesitancy in India, Pakistan, and Bangladesh. *Media Asia*, Vol.48. No.4, pp.313-321. DOI: 10.1080/01296612.2021.1921963.
4. Sultana, S. and Fussell, S. R. (2021). Dissemination, Situated Fact-checking, and Social Effects of Misinformation among Rural Bangladeshi Villagers During the COVID-19 Pandemic. *Proc. ACM Hum.-Comput. Interact.* 5, CSCW2, Article 436 (October 2021), 34 pages. <https://doi.org/10.1145/3479580>
5. Towhid, A. B. (2021). Misinformation in Bangladesh: A Brief Primer. *LIRNEasia*. Retrieved from: <https://lirneasia.net/wp-content/uploads/2021/10/Misinformation-in-Bangladesh-A-Brief-Primer.pdf> (Access date: 20. 03.2022).
6. F. Islam et al., "Bengali Fake News Detection," 2020 IEEE 10th International Conference on Intelligent Systems (IS), 2020, pp. 281-287, doi: 10.1109/IS48319.2020.9199931.
7. Hossain, M. Z., Rahman, M. A., Islam, M. S. & Kar, S. (2020). BanFakeNews: A Dataset for Detecting Fake News in Bangla. In Proceedings of the 12th Language Resources and Evaluation Conference, pages 2862–2871, Marseille, France. European Language Resources Association. Access from: <https://arxiv.org/pdf/2004.08789.pdf>
8. *Mohammad, D.* FactWatch: Towards a Sustainable Model for Fact-Checking in Bangladesh. International Conference Elections In Asia, 10-12 July 2019, pp.152.
9. Shishir, K. (2022). *Fact Checking and Verification Handbook*. Fojo:Media Institute & MRDI.
10. *Arin, S.* (June 9, 2021). The number of Facebook users in the country has increased to about one crore. *ProthomAlo*. Retrieved from: <https://www.prothomalo.com/education/science-tech> (Access date: 19. 03.2022).
11. Bangladesh lynchings: Eight killed by mobs over false child abduction rumors. (July 25, 2019). *BBCNews*. Retrieved from: <https://www.bbc.com/news/world-asia-49102074> (Access date: 20. 03.2022).
12. Bangladesh ranks first in South Asia in the national cyber security index. (August 23, 2021). *The Daily Star*. Retrieved from: <https://www.thedailystar.net/bytes/news/bangladesh-advances-27-stages-the-national-cyber-security-index-foundation-2159166> (Access date: 31.07.2022).
13. *Debnath, B.* (October 23, 2019). Communal Attacks Over FB Posts: Instigators still on the loose. *The Daily Star*. Retrieved from: <https://www.thedailystar.net/frontpage/bhola-incident-communal-attacks-over-fb-posts-all-unfurled-eerily-similar-way-1817413> (Access date: 19. 03.2022).
14. *Haque, J.* (August 14, 2020). How to understand fake information or news? *DW*. Retrieved from: www.dw.com/bn/g-54541280 (Access date: 19. 03.2022).
15. *Islam, T.* (March 3, 2022). Why SEO is the Most Cost-Effective Way to Market Online in Bangladesh. Retrieved from: <https://digitomark.com/why-seo-is-the-most-cost-effective-way-to-market-online-in-bangladesh/> (Access date: 20. 03.2022).
16. Kemp, S. (2022). Digital 2022: Bangladesh. *Datareportal*. Access from <https://datareportal.com/reports/digital-2022-bangladesh?rq=Bangladesh>
17. *Mashum, S.I.* (November 27, 2018). *risingbd.com*. BD Fact Check will detect online rumors. Retrieved from: <https://www.risingbd.com/scienceand-technology/news/282082> (Access date: 19. 03.2022).
18. Rumor Scanner Bangladesh got recognition in fact-checking. (August 02, 2021). *ProthomAlo*. Retrieved from: <https://www.prothomalo.com/education/science-tech> (Access date: 19. 03.2022).
19. *Sarkar, A.* (September 29, 2020). Eight Years of Ramu Attack: Buddhists still wait for justice. *The Daily Star*. Retrieved from: <https://www.thedailystar.net/backpage/news/eight-years-ramu-attack-buddhists-still-wait-justice-1969173> (Access date: 19. 03.2022).
20. The number of internet users in the country has increased to 11 crores 81 lakh. (May 7, 2021). *KalerKantho*. Retrieved from: <https://www.kalerkantho.com/online/info-tech/2021/05/07/1031251> (Access date: 19. 03.2022).

Консервативная повестка как лейтмотив российской публичной дипломатии

Садовников Никита Алексеевич

аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), st043079@student.spbu.ru

В российской политической повестке в 2010-е годы произошёл «консервативный поворот», что повлекло за собой и изменение внешнеполитического курса с аксиологической точки зрения, а значит, и повлияло на корпоративную идентичность России, транслируемую на других акторов. После «Русской весны» 2014 года консервативная повестка выходит «на экспорт», обозначая собой начало формирования нового ядра публичной дипломатии. К 2021 году, когда во многих ведущих странах мира произошёл т. н. «консервативный дрейф» как попытка занявшего господство в конце 2000-х-начале 2010-х годов класса удержать власть в разгар кризисного десятилетия, в России консерватизм в качестве политической повестки уже занял доминирующие позиции, и, несмотря на отсутствие официальной идеологии, его популярность среди большинства населения Российской Федерации является подавляющей, т. е. имеет смысл говорить о создании особого «национального бренда», основанного на «традиционных ценностях», о которых часто заявляют высшие должностные лица.

Данная статья призвана оценить степень применимости «традиционалистского» российского консерватизма в качестве составляющей «национального бренда» и выявить наиболее «доступных» реципиентов основанной на этом бренде «мягкой силы» на начало третьего десятилетия XXI века, а также выявить противоречия между «популярным» пониманием консервативной идентичности и «официальной» версией «консервативного бренда». Временные рамки исследования – 2012-2020 годы. Нижняя граница обусловлена «постановкой» российской внешнеполитической повестки «на консервативные рельсы» верхняя граница обусловлена окончанием Седьмого цикла исследований Всемирного фонда исследования ценностей, определяющей уровень подверженности консервативным идеям различных акторов на мировой арене на прошедшее десятилетие. Автор приходит к выводу, что на начало третьего десятилетия XXI века у консерватизма «Российского образца» есть шансы добиться популярности даже среди тех акторов, которые находятся с Россией в политической конфронтацией, но «наступательные» действия посредством ценностного сближения в рамках инструментария публичной дипломатии затруднены необходимостью отстаивать корпоративную идентичность, над которой явно имеет примат социальная, сконструированная другими акторами.

Ключевые слова: консерватизм, традиционные ценности, публичная дипломатия, национальный бренд, консерватизм российского образца.

Введение

Конструктивизм как теоретическая школа международных отношений изначально особое внимание уделял нематериальным факторам, оказывающим влияние на положение акторов на международной арене: идеологии, норм и, разумеется, *ценностей*. Аксиологический аспект является собой одну из составляющих политической идентичности – концепта, который наряду с государственным интересом является изменчивым социальным конструктом.

Российская Федерация, внешнеполитическая самоидентификация которой носит ярко выраженный мегалотимический характер, направленный на чёткое противопоставление себя остальным участникам международного процесса. Корпоративная идентичность, основанная на консервативных ценностях, зачастую противопоставляется социальной идентичности других акторов, ценности которых объявляются чуждыми и враждебными. Вместе с тем, аксиологическая составляющая идентичности России, понимаемая как способ выстроить «идеологическую оборону», не так уж и уникальна, и несмотря на зачастую декларируемую враждебность со стороны других акторов, по данным исследований Фонда Исследования Ценностей, имеет общие ценностные ориентиры даже среди населения прямых конкурентов на мировой арене. В рамках развивающейся Российской публичной дипломатии на «низовом уровне», а также «консервативного поворота», сопровождающего большинство крупных игроков на международной арене на рубеже 2010-2020-х годов, эти ценности имеют хотя бы теоретический шанс создать конкурентоспособную идентичность и снискать популярность со стороны других акторов. Таким образом, консерватизм «российского образца» в том числе мог бы стать не только «щитом», но и «ключом» к поиску единомышленников в том числе и среди тех акторов, идентичность и составляющие её ценности которых провозглашаются диаметрально противоположными. Однако взять на вооружение этот «ключ» не так просто, поскольку составляющие его противоречивы, ибо единого понимания между элитой, обладающей достаточными ресурсами для воплощения политики «мягкой силы» основанной на консервативных ценностях, и населением, способным претворять в жизнь «публичную дипломатию», всё ещё нет, не говоря уже о том, что тенденции для сохранения консерватизма далеко не так однозначны, как кажется на первый взгляд. Вышеупомянутая проблема вкупе с отставанием в деле реализации про-

грамм публичной дипломатии и, как следствие, недостаточный уровень трансляции российской корпоративной идентичности, приводит к тому, что примат над ней получает конструируемая другими акторами идентичность социальная, олицетворяющая совершенно другие ценности[39], нежели те, что составляют корпоративную идентичность России, а тем более те, что способны привлечь единомышленников за рубежом. Решение проблемы «унификации» ценностей, пересмотр их «тимической составляющей» и роли в формировании корпоративной идентичности гипотетически позволило бы заполнить идеологическую лакуну и, как следствие, окончательно утвердить одну из составляющих Российской «мягкой силы» (привлекательность политических ценностей).

Все вышеперечисленные факторы обеспечивают **актуальность** данного исследования.

Цель данного исследования: определение российской корпоративной идентичности и место консервативной идеологии в ней, а также возможность использования «консерватизма российского образца» в качестве национального бренда.

Методология: результаты и выводы, сделанные автором данной работы в процессе исследования, были получены путём применения таких методологических приёмов и методов научного познания, как сравнительный качественный и логический анализы. При анализе идеологического содержания заявлений высших должностных лиц и программных документов был задействован контент-анализ, при анализе исследований общественного мнения – статистический. В рамках теории конструктивизма, подразумевающей сравнительное тестирование концепции идентичности, автор использовал кейс-стади, подразумевавшее анализ государственной политики

Структура: данная работа представляет собой материал, разделённый на введение и четыре главы, заключения, списка используемых источников и литературы. Во введении поставлена цель и определены основные задачи данного исследования, установлена композиция исследовательской работы. Главы основной части данной работы разделены на две неравные части по принципу «теоретическая часть + эмпирические данные». В заключении приведены основные выводы.

Аксиологический аспект в конструировании идентичности. Консерватизм как часть корпоративной идентичности.

Ценности как один из маркеров поведения акторов на международной арене были введены в оборот конструктивистами в 1990-е годы. Основываясь на работах французской социологической школы, прежде всего, Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социальный этюд», в которой известный социолог излагал воззрения о *моральном идеале* как базе для складывания ценностей разного рода, в том числе и политических [10, с. 304], а также исследованиях его последователя М. Мерля «Социология международных отношений», выведшего в качестве акто-

ров т. н. транснациональные силы, где особое место уделялось «мировому общественному мнению»[66, с. 91 – 92] (что по существу соответствует социальной идентичности актора – прим. авт.), были сделаны выводы о влиянии ценностей на международные процессы. В дальнейшем А. Вендт, один из видных представителей конструктивистской школы, в работах «Социальная теория международной политики» и «Государство как Личность в Теории международных отношений» развивал теорию об антропологизме акторов на международной арене, проводя параллель между формированием идентичности актора на международной арене и политической социализацией индивида. Механизм этот, согласно Вендту, состоит в первичной, вторичной политической социализации и ресоциализации, т. е. аналогичен политической социализации индивида[68, с. 170]. Отсюда и аспекты поведения индивида переносятся на государства с учётом поведения на международной арене (к примеру «групповые» эмоции и когнитивные функции, «национальное самосознание»[68, с. 162 – 163]). «Организмы вовлечены в постоянное воспроизведение субъективных смыслов из объективного контекста. Смыслы эти не возникают полностью внутри организмов, поскольку они получают информацию извне. Но то, что организмы делают из этой информации, зависит от их идентичности и, как таковая, не полностью определяется окружающей средой <...> опять же, это не означает, что информация вне государства не влияет на смыслы внутри него, но только то, что последние [смыслы – прим. авт.] не могут быть сведены к первой» – писал Вендт об механизме политической социализации[69, с. 309]. Именно это «воспроизведение субъективного смысла из объективной реальности» и влияет на формирование социальной идентичности актора, так как позволяет осознать свое «я» через соприкосновение с «иным» в том числе и в плоскости усвоения определённых политических ценностей.

Наибольший же вклад в выведение аксиологического аспекта в международно-политическую плоскость сделали американские социологи Р. Инглхарт и У. Велцель, основатели «Всемирного фонда исследования ценностей» (World Values Survey, WVS). Инглхарт и Велцель считают, что транслируемые «извне» ценности напрямую взаимосвязаны с экономическим, политическим и социальным фактором, являясь также отражением и институциональной структуры общества [58, с. 28]. «Если принять во внимание алгоритм последовательностей «третьей волны», взаимосвязь между либеральной демократией и ценностями самовыражения невозможно интерпретировать как влияние демократических институтов на массовые ценности <...> Факты подтверждают «культурную», а не «институциональную» интерпретацию взаимосвязи между массовыми ценностями и демократическими институтами»[61, с. 186] – пишут авторы в работе «Модернизация, культурные изменения и демократия». Таким образом, выводя развитие политических институтов и режимов в качестве след-

ствия эволюции ценностей, можно говорить и о прямом участии ценностей в формировании социальной и корпоративной политической идентичности акторов на международной арене, так как зачастую именно режим и институты наделяются смыслом как изнутри актора, так и со стороны других участников международного процесса.

Исследователь, пользуясь введённой в 1981 году в оборот WVS «Диаграммой Инглхарта», оценивает ценности по двум критериям. Первый напрямую относится к иерархии потребностей, так или иначе распространённым в обществе; согласно ему ценности делятся на витальные, к которым принадлежит низшая ступень иерархии потребностей (физиологические потребности, потребность в безопасности) и эмансипативные входящие в верхнюю ступень иерархии (потребности в личностном росте). Вторым критерием является отношение к социальной иерархии, разделяющей ценности на традиционные (признающие авторитеты, основанные на силе и господстве) и секулярно-рациональные (признающие авторитеты, основанные на рациональном мышлении)[61, с. 16]. Согласно соответствию обоим критериям, акторы на международной арене распределены между Цивилизационно-культурными группами (далее по тексту – ЦКГ), воплощающих их историческую и социокультурную общность. Положение как ЦКГ, так и акторов в них не статично и меняется от цикла к циклу, что связано с трансформацией их корпоративной идентичности, на которую влияет, главным образом, уровень удовлетворения определённых групп общественных потребностей, (вызывающие последовательную трансформацию ценностей), а также поведение других акторов на мировой арене и транслируемые ими смыслы (и, следовательно, содержащиеся в них ценности).

Однако воплощение аксиологического подхода при переходе к практике публичной дипломатии по Диаграмме Инглхарта может вызвать затруднения – несмотря на кажущуюся простоту в определении ЦКГ, именно «двумерность» этой системы и порождает ложную дихотомию выбора в процессе конструирования чётко заданного направления внешней политики, не основанной на «традиционной» дипломатии. Являясь, прежде всего, отражением корпоративной идентичности *объекта* внешней политики, эти ценности могут вступить с транслируемой *субъектом* внешней политики социальной идентичностью в конфликт, что сведёт поиск ценностных общностей на нет. Проблема заключается в разработанной Инглхартом теории социологического постматериализма, согласно которой радикальный сдвиг в приоритете потребностей обусловлен стадией экономического развития общества, но не с точки зрения *отношения к форме собственности* (здесь постматериализм расходится с диалектическим материализмом), а с точки зрения *распределения общественных благ*. Автор данного исследования основывает вывод на том, что эмпирическим примером Инглхарту служит деятельность поколений, рождённых в годы послевоенного

экономического подъёма, а потому воспринимавших значительно упростившееся удовлетворение базовых потребностей как норму бытия, и заинтересованная в ценностях, соответствовавших «высшим» потребностям, а потому считающей материальную безопасность менее существенной, чем предыдущие поколения, но при неизменном господстве капиталистического базиса [59, с. 884 – 885]. В качестве практической реализации концепции постматериализма Инглхарт видит постиндустриальное общество, начавшее складываться в начале 1980-х в развитых странах. «Марксистская идеология, основанная на экономическом детерминизме, была чрезвычайно влиятельным руководством для интерпретации перехода от аграрного к индустриальному обществу, или “обществу Модерна”. Для анализа “общества Постмодерна” [т. е. постиндустриального общества] она устарела» [58, с. 31]. Впрочем, несмотря на расхождение с диалектическим материализмом, в этом случае также можно наблюдать практическую реализацию иерархической модели потребностей человека: представляющие собой воплощение «высших» потребностей эмансипативные ценности начинают доминировать над витальными лишь в условиях удовлетворения «низших» потребностей, представляющих собой ценности витальные.

Однако, если Инглхарт и признаёт, что если выбор между витальными ценностями и ценностями самовыражения напрямую зависит от уровня благосостояния населения и удовлетворения базовых потребностей, то взаимосвязанность популярности определённой группы ценностей и целенаправленного политического курса на их поддержания не является тождественной. Исследователь называет это «гипотезой ценностной значимости недостающего (далее по тексту – ЦЗН)», когда в обществе существует запрос именно на те ценности, удовлетворить которые не представляется возможным [58, с. 39]. «Официальная правда», распространяемая доминирующей элитой, обычно имеет большое влияние, - пишет Инглхарт, - но жизненный опыт простых людей, часто полученный «из первых рук», не менее значим, а в конечном итоге может иметь даже большее доверие, чем та самая «официальная правда» [58, с. 39]. В качестве эмпирического примера ЦЗН исследователь приводит Советскую идеологическую компанию, которая за 70 лет существования не смогла в полной мере сформировать новое мировоззрение у населения страны без контроля над СМИ, системой образования и иными средствами коммуникации, а в последние десятилетия советской власти коммунистическая идеология не находила отклика даже у руководства страны, и после распада СССР его жители вернулись к ценностям и идеалам, которые в Стране Советов находились под запретом [58, с. 27].

Также рост популярности тех или иных ценностей напрямую связан с мировыми тенденциями поддержки ценностей, характерных для всех четырёх «координат». Практика показывает, что с аксиологической точки зрения наиболее способствуют сближению универсальные или базовые ценности,

закладывающие изотимию [потребность в равном уважении] и мегалотию [потребность во всеобщем признании исключительности] акторов независимо от их принадлежности к той или иной ценностной системе координат. Гл. 1 ст. 4 Итоговой декларации Всемирного саммита ООН 2005 года определяет базовые ценности как «свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав человека, уважение к природе и общую ответственность», гл. 4 ст. 135 добавляет в общий список демократию[16]. По Диаграмме Инглхарта этот ценностный набор больше соответствует секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения, так как основано на неприятии идеалов, связанных на господстве и силе. На момент принятия вышеупомянутого документа близился к завершению пятый цикл исследований WVS, продемонстрировавший наибольшее число приверженцев как секулярно-рациональных, так и эмансипативных ценностей, что и отметил в статье «Так ли эгоистичны ценности самовыражения?» К. Велцель, прямо указывая на альтруизм и гуманизм как на «ядро» данной ценностной группы, ибо ценности эти направлены на достижение равенства между людьми и создание сильного социального капитала[67, с. 2 – 3]. Однако действительное ли это иллюстрирующая постматериалистическую эволюцию акторов тенденция, или же ЦЗН в условиях «ценностного дефицита», на момент окончания седьмого цикла исследований сказать трудно.

Таким образом, имея представление о ценностях, популярных в том или ином обществе, о природе их зарождения, можно судить и об идентичности актора, о природе её изменений. Кроме того, аксиологический аспект в международных отношениях можно использовать и для определения и прогнозирования поведения акторов на международной арене, сопоставляя декларируемые ценности с доминирующими на практике. В качестве же инструмента публичной дипломатии ценности стали использоваться ещё на момент её зарождения, так как именно они играли роль в формировании общностей между объектом внешней политики и субъектом, несмотря на то, что публичная дипломатия долгое время находилась в тени «реальной политики» и дипломатии традиционной: в анархичной среде международных отношений ценностный аспект казался несущественным, и был лишь второстепенным по отношению к государственному интересу. К тому же, внятный концепт идентичности и механизм её формирования ещё не были в проработаны в той мере, в которой это сделали конструктивисты. Лишь с оформлением концепции «мягкой силы» в полноценную теорию благодаря трудам неоллиберала Дж. Ная, который напрямую указал политические ценности в качестве одной из трёх составляющих успеха на международной арене[65, с. 27], аксиологическая составляющая «мягкой силы» вышла из тени. В «пост-наевское десятилетие» в публичной дипломатии ценности оказались напрямую связаны с феноменом Национального брендинга С. Анхольта, в котором аксиологический аспект выражен в виде человеческого и культурного

критериев (терпимость к противоположным ценностям и их трансляция соответственно)[51, с. 6]. Будучи в достаточной мере развиты, оба критерия позволяют обладающим конкурентоспособной идентичностью акторам обеспечить примат её корпоративной составляющей над социальной, а значит, добиться наибольшего успеха в трансляции выгодных субъекту международной политики ценностей средствами «мягкой силы», в том числе и через инструментарий публичной дипломатии.

Таким образом, исходя из вышеперечисленных условий, а также представленной теоретической базы, автор данного исследования рекомендует использовать в анализе ценностной ориентации Российской Федерации и её пригодности к «экспорту» социально-конструктивистский подход.

Консерватизм «Российского образца».

Мегалотимическая роль традиционных ценностей.

Теперь же оценим Россию как объект нашего исследования с точки зрения ценностной ориентации. Согласно Диаграмме Инглхарта, Россия входит в Православную ЦКГ, характеризуемую относительно других акторов большей приверженности к витальным, нежели ценностям самовыражения – наряду с Африкано-исламской, Балтийской (выделена в шестом цикле) и частично – Конфуцианской ЦКГ. Относительно оси, отражающей традиционные и секулярно-рациональные ценности, положение России колеблется на протяжении трёх циклов, однако к окончанию седьмого цикла исследований можно однозначно сказать о преобладании последних, и даже более того – о постепенном росте популярности секулярно-рациональных ценностей. Аналогичной информацией помимо WVS располагает и подконтрольная ему Лаборатория сравнительных социальных исследований на базе НИУ ВШЭ (далее – LCSR), демонстрирующая также некоторое движение и в сторону эмансипативных ценностей по ряду показателей на начало седьмого цикла исследований, в 2017 году[1, с. 107]. Однако даже принимая во внимания все вышеприведённые условия, невозможно отрицать, что в период с начала 2010-х годов, а далее – и с 2014 года по настоящее время в России заметен чётко выраженный курс на построение корпоративной идентичности, основанной на консервативных (традиционных) ценностях, «сверху».

Прежде чем перейти к содержанию данной главы, оговоримся: в ней мы намеренно не анализируем программы политических партий и неправительственных организациях, так как речь пойдёт именно об участии традиционных ценностей в деле конструирования мегалотимической (нацеленной на признание не равенства, но исключительности) составляющей российской корпоративной идентичности.

Согласно Конституции Российской Федерации, в стране признаётся идеологическое многообразие, и никакая идеология не может быть навязана в качестве обязательной или государственной, однако,

несмотря на этот факт, время от времени предпринимались попытки «заполнить идеологическую лакуну» разного рода ценностными конструктами, и большинство из них относились именно к «традиционалистской» координате. Так, с начала второго десятилетия и в политической риторике, и в деле конструирования корпоративной идентичности России, «традиционные ценности» прошли период эволюции в несколько лет. Впервые в значении, близком к современному использованию их в политической риторике, они были упомянуты в 2012 году в статье В. Путина «Россия: национальный вопрос». В этой статье тогда ещё премьер-министр, Путин затрагивал вопрос идеологических основ национальной консолидации. «...Но вариативность [образовательной политики – прим. авт.] должна опираться на *незыблемые ценности*, базовые знания и представления о мире»[36]. Под незыблемыми ценностями подразумевались милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда, также характеризуемые как «базовые и всеобщие». В качестве их источника Путин напрямую указал традиционные религии, распространённые среди населения России. Также в данной статье Путин объявил, что задача русского народа – «Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а *принцип распознавания «свой–чужой» определяется общей культурой и общими ценностями*»[36], то есть, по сути, классическом выявлении «тимоса» и конструировании на его основе корпоративной идентичности.

Далее вышеупомянутые «незыблемые ценности» уже прямо именованные «традиционными» появились в политической риторике в послании президента к Федеральному Собранию 2013 года, но не столько как консолидирующий элемент, сколько в качестве уже неотъемлемой черты политики формирования «русской идентичности». Говоря о международных и межэтнических отношениях [в данном случае ситуации на Ближнем Востоке – прим. авт.], Путин заявил, что попытка навязать в обход традиций «более прогрессивную модель развития на деле оборачивались регрессом, варварством, большой кровью», а межэтническое напряжение провоцируют «не представители каких-то народов, а люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим», а потому следует «не допустить разрушения *традиционных ценностей* “сверху”». [28] Идейным источником для Путина послужила «Философия неравенства» Н. Бердяева, которого президент, прямо назвав свою позицию «консервативной», процитировал: «...смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он *препятствует движению назад и вниз*, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма – в *препятствиях*, которые он ставит *проявлениям зверино-хаотической стихии* в человеческих обществах»[3, с. 130]. В конце того же года в интервью Associated Press президент охарак-

теризовал свои политические взгляды как «прагматические, с консервативным уклоном». Также он снова обозначил своё понимание консерватизма, как «опору на традиционные ценности, но с обязательным элементом, нацеленным на развитие»[35], подтвердив приверженность «Бердяевской» модели консерватизма.

Как можно заметить, и в статье 2012 года, так и в Послании Федеральному Собранию 2013 года традиционные ценности рассматривались скорее, как консолидирующий фактор, нежели современный изо- и мегалотимический элемент корпоративной идентичности России, как участника международного процесса, то есть пока ещё выявить основу этой идентичности, а не использовать её в качестве уникальной черты полноценного национального бренда. Начало превращения «традиционных ценностей» в неё началось лишь в 2014 году на фоне обострения международной обстановки. Крымский кризис вызвал резкую необходимость не только консолидировать общество, но и создать полноценную конкурентоспособную корпоративную идентичность, способную отстаивать позицию Российской Федерации уже не на изотимических, а мегалотимических основах, так как кризис был противостоянием в том числе и идеолого-аксиологическим. Одновременно с внутренним процессом продолжалось конструирование идентичности социальной со стороны других акторов, стремящихся противопоставить российскую идентичность идентичности западной. Исследователь информационного противостояния во время Крымского кризиса И. Даржевска пишет, что «на Западе существует только одна доминирующая идеология. Эта идеология – либерализм, основанный на индивидуализме, технократии и глобализме <...> однако в сегодняшнем виде либерализм исчерпал свои возможности, и единственной причиной его существования является борьба с Россией: Россия как враг *придает смысл борьбе за открытое общество и делает возможным для либералов консолидироваться*»[52, с. 18]. Российскую идеологию и предпринятые под её знаменем действия (присоединение Крыма) Даржевска характеризовала как «“консервативную революцию”, а на деле – деамериканизацию мира, включая Европу»[с. 35]. Дж. Миршаймер, в свою очередь, пишет, что «либеральный взгляд на мир [в плане и ценностей, и теории международных отношений – прим. авт.] – общепринятая догма в американской администрации. В марте президент Б. Обама выступил с речью о ситуации в Украине, в которой он непрестанно говорил об “идеалах”, которые мотивировали бы западных политиков, и тому, как эти идеалы “часто подвергались угрозе со стороны более традиционной силы, исповедующей устаревшие взгляды на политику”»[63, с. 84]. Таким образом, попытка консолидировать «Коллективный Запад» вокруг либеральной идеологии и, в свою очередь, выстроить русскую социальную идентичность вокруг более консервативных, устаревших, отживших свой век ценностей и взглядов на мировую политику, также послужила катализатором построения корпоративной идентичности, основанной на

тех самых консервативных ценностях – иными словами, сказалось то самое «усвоение смыслов извне», о котором писал Вендт. К нему же отсылает автор феномена «Русская весна», ультраконсервативный публицист Е. Холмогоров. Он отметил, что именно тема «небратства» и отчуждения со стороны украинцев позволила русским сформировать уже собственную идентичность[47].

Уже в послании федеральному собранию 2014 года традиционные ценности как составляющая идентичности обрели современное – мегалотимическое – звучание: «Переданные нам предками *традиционные ценности в сочетании с устремлённостью в будущее*, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном *обеспечении безопасности России и отстаивание её законных интересов* – вот наши приоритеты»[29].

22 марта 2015 года произошло ещё одно событие, имевшее возможность способствовать укреплению корпоративной идентичности, основанной на «консерватизме русского образца», «изнутри». Так называемый «Международный русский консервативный форум». Декларативная цель – демонстрация международной поддержки России в период давления, оказываемого на страну в связи с кризисом на Украине, фактическая – консолидация всех консервативных сил на основе единых ценностных ориентиров, в том числе и с единомышленниками из Европы. В качестве ценностного лейтмотива была выбрана речь Владимира Путина во время заседания дискуссионного клуба «Валдай», произнесённая в 2013 году, где президент заявлял об отходе западного мира от традиционных ценностей, «отрицании нравственных начала и любой традиционной идентичности – национальной, культурной, религиозной или даже половой», что по мнению Путина, вело бы «к глубокому нравственному кризису»[11]. Источником же тех самых ценностей, составлявших духовно-нравственную основу Западной цивилизации, Путин также указал христианство. Эта речь задавала тон всей конференции, Идеологическая миссия форума была заявлена как «выработка новой концепции развития человечества, как ответ разрушающей его либерально-транснациональной идеологии», цели – «учреждение движения по объединению консервативных и национально-ориентированных сил Европы и России и создание постоянно действующей площадки по обсуждению и выработке решений по вопросам взаимодействия национально-консервативных сил и противодействию внутренним и внешним угрозам суверенитета стран Европы и России в условиях взаимных экономических санкций», задачи – «формирование новой объединённой национальной консервативной доктрины России и Европы в условиях взаимных экономических санкций, объединение всех здоровых сил Европы против размывания национальной идентичности, учреждение постоянно действующего координационного совета с целью выработки порядка и механизмов реализации национальных и консервативных концепций, приня-

тых на форуме, Выработка порядка взаимодействия в борьбе за традиционные и национальные ценности»[22]. Срыв форума не помешал принятию так называемого «Меморандум об объединении консервативных сил Европы». Сама позиция официальных властей в отношении форума оставалась сдержанно-нейтральной, не в последнюю очередь – из-за массово участия в составе представленных 12 политических партий ультраправых политиков неонацистского толка, одобрение действий которых могло бы вызвать удар не только по репутации правительства, но и традиционных ценностей и консервативной идеи как таковых. Федеральные СМИ, в том числе и информационное агентство Russia Today, отреагировало сдержанно-негативно, назвав участников форума «сомнительными друзьями»[33]. «Последней ночью либерализма», как характеризовали форум в медиасфере, он не стал, однако привлёк значительное внимание СМИ к проблеме традиционных ценностей и опасности размывания границ между правыми и ультраправыми идеологиями. Более того, форуму удалось стать одним из примеров реализации российской публичной дипломатии в ситуации эскалации международной изоляции, одновременно ставящим во главу угла консервативную идентичность участников, и осуществляющий сближение на её основе, впрочем, завершившийся крайне неудачно.

Тем не менее, столь одиозный проект не оказал заметного негативного влияния на восприятие самой идеи традиционных ценностей, и далее не происходит ни их исчезновения из политической риторики, ни потери ими их мегалотимической сущности, обретённой во время Крымского кризиса. Так, указ президента «О Национальной Безопасности» 2015 года признавал осознание необходимости «защиты традиционных духовно-нравственных ценностей», а в общих положениях документа подчёркивалось их возрождение[46], что даже в условиях отсутствия государственной идеологии является показателем значимости для сохранения корпоративной идентичности в её мегалотимическом виде. Подтверждение подобному выводу автора мы можем найти и в других публичных речах президента, как, к примеру, речи на Архиерейском соборе 2017 года. Путин заявлял, что «размытие традиционных ценностей во многих странах ведёт к деградации, взаимному отчуждению общества, обезличиванию людей», что оборачивается «ростом радикализма, ксенофобии, конфликтами на религиозной почве»[38]. В послании Федеральному Собранию 2018 года (которое, по заявлению президента носило «особый, рубежный характер»), Путин вновь ссылается на «бердяевскую» природу консерватизма в России, заявляя, что именно сплав традиций и ценностей обеспечил «преемственность в нашей тысячелетней истории»[30]. Лишь период 2018 – 2020 годов оформление мегалотимической роли традиционных ценностей в корпоративной идентичности России завершается, также всё больше появляясь в виде традиционных *семейных* ценностей, явно намекая на вектор смещения

внимания на более мелкие задачи, нежели формирование конкурентоспособной идентичности – таково содержание вопроса и в Посланиях Федеральному Собранию 2019[31] и 2020[32] годов. Последним наиболее значимым событием, окончательно закрепившим их негласный идеологический статус и основополагающую роль в «русской идентичности», стала конституционная реформа 2020 года. Несмотря на сохранение в иной формулировке статьи, запрещающей установку всякой идеологии в качестве государственной, черты «консервативного крена» очевидны. Это и упоминание о Боге в ст. 67, и позиционирование русского народа как государствообразующего в ст. 68 ч. 4, установившая защиту института брака как союза мужчины и женщины ст. 72 ч. ж, наконец, ст. 114 ч в, напрямую указавшая роль Правительства РФ в деле поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей[18]. Таким образом, формирование мегалотимической роли традиционных ценностей в конструировании русской корпоративной идентичности на государственном уровне можно считать полностью завершённым.

Особняком здесь стоит деятельность Русской Православной Церкви, отделённой от государства, а потому номинально имеющего право выстраивать свою политическую линию. В отличие от светской власти, РПЦ является не политическим, но *социальным* институтом, а значит, её отличает деюре аполитичность, следствием которой является значительно более низкая угроза политической изоляции, а также выстроенный на протяжении столетий инструментарий реализации «мягкой силы», и именно на основе традиционных ценностей[23, с. 163]. Мегалотимическая же направленность РПЦ существует с момента провозглашения концепции «Москва – Третий Рим», нас же интересует деятельность её в рамках «консервативного крена», который испытывает Российская идентичность в 2010-е. В 2013 году, когда же началось вхождение традиционных ценностей в политическую риторику, на Рождественских чтениях Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл объявил об опасности двойкой трактовки самого явления «традиционных ценностей», особенно при использовании его в качестве элемента политической парадигмы. «...ценности традиционные – это те, что создаются традицией, и те, которые традицией сохраняются. И это не одно и то же <...> есть ценности, которые традиция создать не может, потому что они не проистекают напрямую из человеческого опыта. Более того, они нередко этому опыту противостоят, но с другой стороны, заключая в себе требования к человеку, эти ценности воспринимаются как нечто *находящееся в согласии с человеческой совестью*. Речь идет о *нравственных ценностях, источником которых является Бог*, а не человек. Следует отличать ценности, придуманные человеком, от ценностей, которые открыл Господь <...> Первые зачастую основаны на личных интересах человека и ставят целью достижение земного благополучия и получение сиюминутной выгоды. Вторые призывают презреть

блага земной жизни ради высших целей и ценностей»[9] – такова официальная позиция главы РПЦ, и именно из неё истекает частая ссылка должностных лиц, включая президента, на религию в качестве источника традиционных ценностей. К вопросу о роли в конструировании идентичности, Н. Ткач заявляет, что, несмотря на факт принадлежности культурно-историческому наследию, актуальная роль РПЦ состоит не в воздании почестей прошлому, а активному влиянию на идентификационные стратегии в российском обществе[44, с. 353], и поддерживает нравственное обновление общества, преодоление духовного кризиса и связанных с ним тревог и смятений в рамках сотрудничества с другими российскими религиями[44, с. 354], что, опять-таки, соответствует по духу «Бердяевскому» пониманию консерватизма, принятого за основу корпоративной идентичности.

«Высокий» и «низкий» консерватизм. Ценностная значимость недостающего и дилемма источников традиционных ценностей в постсоветском обществе.

В данной главе автором будет рассмотрена проблема взаимопонимания народа и власти в отношении консерватизма и традиционных ценностей в контексте конструирования идентичности. Для упрощения понимания различий в трактовке идеологии, им приводятся понятия «*высокий*» и «*низкий*» консерватизм, которые он настоятельно просит считать авторскими неологизмами, не претендующими на статус научной терминологии.

Если говорить об источниках традиционных ценностей как идеологическом концепте, формируемом «сверху», то помимо традиционных же религий, официально объявленными таковыми в 2012 году, во главу угла следует поставить произведения русских консервативных философов начала XX века.

Помимо многократно упомянутого Бердяева, на которого ссылается как президент, так и многие другие высшие должностные лица, главным источником вдохновения являются произведения И. Ильина, которого Путин называет своим любимым мыслителем, впрочем, не конкретизируя, какой из множества трудов философа является источником мировоззрения и политических ценностей, однако о причинах приверженности его идеям объясняя тем, что Ильин «думал о России и её будущем»[40]. Единственные сведения, которые позволяют выделить какой-либо источник – прямая цитата из работы «Наши Задачи», глава «России необходима свобода», прозвучавшая в Послании Федеральному собранию 2015 года: «Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего, свободы для самой России, ее международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»[15, с. 163]. С одной стороны, цитата вполне абстрактна, и на первый взгляд, близка к воззрениям

Бердяева, как к консерватизму, равно уважающему и традиции, и стремление к свободе. Однако далее Ильин расшифровывает понятие свободы следующим образом: *безмерная свобода есть или ребяческая мечта или соблазн дьявола*, а в жизни – то и другое вместе. Зло скрывается совсем не в “принуждении” и не в «государственности», как проповедовал Лев Толстой, а в безбожной и злой человеческой воле, которой безумно предоставлять “свободу”. И потому всякая свобода должна иметь свою меру и форму, и притом *у каждого народа – свою особую*[15, с. 165]». Далее Иван Александрович делает описание того, что можно было бы охарактеризовать как русскую корпоративную идентичность «...опасность анархии всегда была в России больше, чем возможность авторитарного зажима; что самое дыхание Православной Церкви обеспечивало нам признание личного начала и вовлечение сердца в строительство государства; что наши многоплечность, многоязычность и многоверие – делали у нас самоуправление неискоренимым»[15, с. 167] – антилиберализм и антикоммунизм.

Таким образом, основываясь на представленной выше информации, российская корпоративная политическая идентичность, опирающаяся на т. н. «высокий» (государственнический) консерватизм в своей идейной основе представляет собой следующие черты: *религию, как источник морально-нравственных ценностей* и, следовательно, *религиозное мировоззрение, отказ от резкого, скачкообразного развития* в пользу поступательного, *индивидуализм, примат образующих идентичность ценностей* над общечеловеческими, патриотизм в его *реактивной (охранительской)*[19, с. 159] форме, *скептицизм в отношении человеческой свободы* и следующий из него *этатизм*. К тому же, если исходить из того, что приведённая в Послании 2015 года цитата является не вырванной из контекста для создания нужного консолидирующего посыла, а является прямым следствием разделения убеждений Ильина, то можно опционально добавить такие черты, как *антилиберализм* и особенно *антикоммунизм*, причём первый – скорее, как реакция на попытку других акторов навязать примат социальной идентичности над корпоративной уже в ходе противостояния на мировой арене.

Однако, несмотря на вполне чёткий курс на построение консервативной корпоративной идентичности, существует препятствие в виде так называемого «низкого» консерватизма, как ценностно-идеологической модели, популярной не имеющей доступа к принятию политических решений части населения России. Не повторится ли в этом случае приведённый Р. Инглхартом исторический пример о расхождении между «официальной» и «народной правдой», независимой от воззрений элит. Дабы определить наличие этой дихотомии и её возможный уровень, воспользуемся материалами статистических исследований.

Первым годом, когда в обществе была затронута проблема отношения к консервативной идеологии, был 2003 год. Вводные, к которым автор дан-

ной работы будет в дальнейшем отсылать, составили 1600 респондентов, опрошенных в 130 населенных пунктах на территории 42 субъектов федерации. Статистическая погрешность не превышала 3,4%. «Базовые» показатели составили 44% – сторонников консервативной идеологии и ценностей, 27% – его противников, 13% – респондентов, испытывающих затруднения при однозначном ответе. Тезис, преобладавший среди условных консерваторов, заключался в том, что «Консерватизм – это то, что позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться вперед без рывков и потрясений», у условных противников консерватизма – «Консерватизм – это то, что не позволяет обществу двигаться вперед»[17].

Исследования ВЦИОМ 2014 года, проведённые при *равных вводных*, весьма удачно хронологически совпавшие с мегалотимизацией русского консерватизма, выявили рост сторонников консерватизма: в «кризисный» год они составили 56% респондентов, что на 12% выше, чем в 2003 году. Состав респондентов следующий: среди «консерваторов» – 45% – респонденты в возрасте от 18 до 24 лет, 54% – от 25 до 34, 53% – от 35 до 44, 56% – от 45 до 59, 68% – свыше 60 лет; среди «антиконсерваторов» – 31%, 41%, 33%, 36%, 31% и 20%; среди затруднившихся ответить – 13%, 14%, 13%, 11%, 14% и 12% соответственно[17]. Автор данного исследования связывает рост сторонников консерватизма как с мегалотимизацией консервативных ценностей, ставшей результатом столкновения социальной идентичности, навязываемой извне, с корпоративной, так и с произошедшим в первой половине 2010-х годов запросом на традиционные ценности, которые Инглхарт называл «Тихой революцией» и последовавшей в её рамках «материалистической реакцией» на возрастающее значение постматериализма[57, с. 176].

Помимо ВЦИОМ особое заслуживает и деятельность Левада-центра, ещё одного крупного социологического хаба, исследования которого имеют отношения к взаимосвязи составляющих «консерватизма российского образца» и мегалотимической направленностью корпоративной идентичности. Так, в 2017 году специалисты Левада-Центра организовали исследование по теме национальной гордости. К консервативным ценностям оно имеет отношение в рамках того феномена, которое директор Института проблем национальной политики и межнациональных отношений В. Энгель впоследствии назовёт «державностью», как одной из черт «низкого» консерватизма[49]. В самом же исследовании проблема была проиллюстрирована снижением разрыва в отношении гордости за российскую историю и современную Россию, а также уверенность в особой роли русского народа в мировой истории, сторонники которой составили 64% (налицо проявление мегалотимии) против респондентов, уверенных в том, что русский народ – такой же народ, как и другие – 32% (здесь – проявление изотимии). Аналогичным образом ситуация обстоит

с ролью России как великой державы: великодержавны 82% респондентов, в то время как только 13% относятся к статусу России как великой державы скептически[8]. Подобная «державность» также говорит о мегалотимической составляющей корпоративной идентичности, а в аксиологическом плане – о приверженности разделяемому сторонниками «высокого» консерватизма реактивному патриотизму.

Наконец, наиболее масштабные исследования в 2019 году провел социологический хаб «Циркон», целью которого было выявление степени солидаризации российского общества. По их результатам были выявлены следующие смыслы, вкладываемые народом в само понятие консерватизма и традиционных ценностей:

- *религиозный консерватизм* в значении «определяющее значение религиозного мировоззрения для различных сфер жизни общества». Авторы исследования делают оговорку, что «большинство российских граждан нерелигиозны, и этот фактор не находится у них в приоритете», однако 57% опрошенных относят такие ценности, как уважительное отношение к семье, власти и воспитанию детей именно к религиозным[14]. Это во многом совпадает и с воззрениями представителей «высокого» консерватизма, и с исследованиями Левада-Центра 2015 года, согласно которому 69% респондентов высказались за примат религиозных чувств над правами и свободами на примере анализа нападения на редакцию издания Charlie Hebdo[24].

- *коллективизм* в виде примата коллективистских начал над индивидуалистическими, причём под коллективом понимается не народ, а государство, интересы которого и считаются общественными. Подобные воззрения несколько отличаются от «высокого» консерватизма, отдающего предпочтение индивидуализму и ассоциирующему коллективизм с охлократией, но и не вступает с ним конфликт, поскольку следствием из такого коллективизма является этатизм[14, с. 8].

- *традиционализм*, в значении *постоянства и стабильности над новизной и переменами*. Под новизной и переменами зачастую подразумевается *радикальное и скачкообразное* изменение общества, о чём говорит исследование: хотя и сторонники традиционализма составляют 61% респондентов, только 12% их настроены *решительно против любых перемен*, а 49% как раз идентичны во взглядах «высокому» консерватизму как способу двигаться вперёд постепенно, не совершая резких рывков[14, с. 25].

- *патернализм* в значении передачи государству функции «старшего партнера», ответственного за поддержание существование народа и скепсис в отношении личных свобод, демократии и личной ответственности за благосостояние, причём и в качестве такого «старшего партнёра» выступают далеко не все государственные институты. Согласно исследованиям высоким авторитетом пользуются только армия (64%), президент (54%) и Русская православная церковь (50%)[14, с. 21]. Среди представителей «высокого» консерватизма подобным

взглядам так же, как и в случае с коллективизмом, соответствует этатизм, воззрения о примате государственных интересов над общественными.

- *социальная справедливость*. Это один из случаев противоречий между «высоким» и «низким» консерватизмом, так как первый видит в ней божественный порядок вещей, источником которого является религиозное понятие о справедливости, а второй – именно равенство людей перед законом и равенство возможностей, пусть и обеспечивать его должно всё то же государство (что связывает её с коллективизмом и патернализмом). Феномен социальной справедливости во многом объясняет крайне выборочное доверие государственным институтам, а также даёт основание 76% граждан считать, что в стране существует конфликт между богатыми и бедными [14, с. 13 – 14].

По словам всё того же Энгеля, на основе вывода, сделанного из исследований «Циркона», «По аналогии с концом XIX века, когда в качестве жизненных приоритетов россиян были определены самодержавие, православие и народность, сегодня я бы выделил в качестве базовых следующие общественные ориентиры: *консерватизм, патриотизм, державность*»[49].

Вместе с тем, приверженцы этих ценностных ориентиров, зачастую пытаюсь охарактеризовать своё «идеологическое ядро» дают весьма спорные характеристики указанных ценностей. Исследование ВЦИОМ с красноречивым названием «Туманный образ российского консерватизма», выпущенное в «низком» консерватизме сильное расхождение во взглядах на то, что можно считать консерватизмом: с одной стороны в 49% респондентов убеждены, что традиции и преемственность – это опора в жизни (против 43% сторонников, что перемены необходимы)[45]. Если, однако, анализировать сторонников консервативных ценностей с точки зрения опоры на определённые политические силы, среди «традиционалистов» присутствовали в большинстве своём сторонники КПРФ, составившие 61% из подобных «традиционалистов» против сторонников Единой России (38%), более точно отражающей идеалы «высокого» консерватизма. В политической плоскости также 1% респондентов приравнивал консерваторов к коммунистам, ещё 1% – просто к «людям, связанными с властью»[45]. Дополняет столь противоречивую ситуацию исследование Левада-Центра 2015 года, демонстрирующее тот факт, что монархизм свободно соседствует с гордостью за советское прошлое: «Положительная оценка Сталина — это прежде всего запрос общества на порядок, безопасность, на роль отца народов, которая ассоциируется с ролью действующего президента, а Николай II – это традиционная монархистская и патриотическая модель, это запрос на традиционные ценности, русский патриотизм, связь с православием, “за царя и Отечество”»[13], что хоть и укладывается в «державность» и «патернализм», всё-таки является в корне противоречивым. Некоторые исследователи, к примеру, Н. Лак-

тионова, объясняют его т. н. «идеей империи», в которой СССР называется «имперской державой» и соседствуют с поддержкой идеей И. Ильина [21, с. 35], только подтверждают деидеологизированность такого «консервативного синкретизма». Вместе с тем, несмотря на статус России как государства-правопреемника СССР, «высокий» консерватизм в идеологической своей базе целиком и полностью антикоммунистичен. Это подтверждается как идейной опорой на антисоветских по духу философов (вышеупомянутые Н. Бердяев и И. Ильин), так и политикой «избирательной памяти» [2], в которой антикоммунизм при попытке «вычленения» достижений советской эпохи, вполне переключается с политикой десоветизации на постсоветском пространстве [41, с. 33], пусть и, по большому счёту, не антикоммунистической, но антироссийской в своей идеологической сути.

Между тем, как мы можем убедиться по опыту анализа речей высших должностных лиц, подобный «консервативный синкретизм» также присущ и «высокому» консерватизму, но уже в форме этатизма, в советском прошлом опирающемся исключительно на идею сильного государства, но при этом стремясь также к деидеологизации истории и попытке выстроить единую ценностную линию «Российская Империя – СССР – Российская Федерация» [6]. В этих условиях объединения малосовместимых идеологий «в консервативной упаковке» соответствует больше не «почвенничеству», но концепту «изобретённой традиции» Э. Хобсбаума, понадобившейся для срочной консолидации [54, с. 104] весьма эклектично трактующего консерватизм народа в условиях необходимости конструирования мегалотимической идентичности, дабы не допустить примата социальной её составляющей над корпоративной. Такие тенденции дают некоторым исследователям повод усомниться в «историческом предопределении» ценностей, которые с высоких трибун продолжают именоваться «традиционными», и в качестве идейной основы у критиков и противников «консерватизма российского образца», выступает, как это ни странно, вновь Николай Бердяев. В своей ранней работе «Судьба русского консерватизма» философ заявлял, что «Русский консерватизм невозможен потому, что ему нечего охранять. Славянофильская романтика выдумала те идеальные начала, которые должны быть консервированы, их не было в нашем историческом прошлом. Поэтому консерватизм наш не утверждал какую-то своеобразную культуру, а отрицал творчество культуры, перерождался в нигилистическое реакционерство» [3, с. 227 - 236]. Л. Поляков неспроста допускает мнение о том, что «консерватизм российского образца» - лишь «политический симулякр»: опасность превращения консерватизма в то самое «нигилистическое реакционерство»: «...Появление консерватизма как своего рода “национальной идеологии” рассматривается одновременно и как естественный процесс, подготовленный всей постсоветской эволюцией России, и как “противоестественный” процесс – результат властной манипуляции массовым сознанием» [27, с.

14]. Также Поляков указывает на то, что такой «синкретический» консерватизм и опора на него, тем не менее, выгоден с точки зрения консолидации общества: «Власть обращается к обществу как к “конституционному суверену” с принципиально новой целью, предлагая ему формат политического участия не в качестве только раз в несколько лет голосующего статиста, а в качестве реального заказчика собственного политического курса» [27, с. 17], вновь реализуя таким образом патерналистско-этатистскую модель взаимоотношений.

Однако не забудем и слова Т. Хопфа: «Чтобы понять своё “я”, необходим “иной”» [55, с. 183] и такой показатель, как «антилиберализм/либеральный скептицизм». Если выстраивание консервативной консолидации на основе антикоммунизма сталкивается с ностальгией по советскому прошлому, и, так или иначе, принимается через трансформацию в этатизм и патернализм, то в случае ценностями, исполняющие роль «иного», как уже писала Й. Даржевка, либеральные ценности подходят как нельзя лучше. Вновь возвращаясь к посланию Федеральному Собранию 2013 года, президент сообщает о том, что «...От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и *обязательного признания равноценности*, как это не покажется странным, *добра и зла*, противоположных по смыслу понятий» [28]. Аналогичного мнения придерживается и министр иностранных дел С. Лавров. Так, в интервью на канале Россия 24, что ценности суверенитета, добра и справедливости, правды, в то время как под противопоставляемыми им либеральными ценностями подразумевается *вседозволенность*. К тому же, министр подчеркнул, что ценности эти «впитанные еще с молоком матери и завещанные нашими предками» [20]. Зачастую подобный подход часто встречался в критике «чистого» либерализма, как идеологии, ставящей свободу политическую выше свободы нравственной. Тот же «Туманный образ» так же демонстрирует негативное отношение к либерализму, так как 44% респондентов воспринимают статус «либерала» как оскорбление (в то время «коммуниста» в оскорбительном ключе воспринимают 42%) [45], а годом ранее также ассоциируя либерализм со *вседозволенностью*, *толерантностью* (в значении «попустительства»), «проще говоря, *анархией*» и «антиправительственными идеями», впрочем и сам будучи довольно эклектичным в понимании 52% респондентов [25]. Таким образом, вновь отсылая к работе Даржевской, как «консерватизм российского образца» оказался способом консолидации носителей либеральной идеологии, так и сам либерализм на российской земле стал способом солидаризации носителей эклектичных представлений о том, что являют собой традиционные ценности и консервативная идеология, тем более, что – возвращаясь к исследованию Полякова – для подобной консолидации уже была подготовлена почва.

Впрочем, наивно было бы полагать, что ценностная значимость недостающего в таких условиях

обошла стороной российское общество. Так, результаты всё того же исследования ВЦИОМ 2014 года позволяют говорить и о росте однозначного неприятия консерватизма как *тормоза общественного развития* с 27% до 31% [17]. А. Селезнёва указывает, что среди молодёжи даже несмотря на рецессию, обострение международной обстановки, присутствует нацеленность на борьбу за мир во всём мире и права человека, политическую свободу, социальную справедливость и законность [42, с. 24] – те самые ценности, которые Р. Инглхарт называл «постматериалистическими». Исследования Левада-Центра 2020 года демонстрируют аналогичную ситуацию, также привнося в список популярных постматериалистических ценностей равенство, независимость, большую открытость миру и инициативность, однако при этом указывает на большую аполитичность молодёжи [48]. Впрочем, популярные среди «консерваторов» патриотизм и державность тоже не чужды молодому поколению, однако это не реактивный, но *проактивный*, нацеленный на перемены даже вопреки «национальным ценностям», если эти изменения пойдут на благо Родины. Однако, здесь проявляется не мегалотимия, но изотимия – молодёжь куда более заинтересована на установление партнёрских, если не дружественных отношений с зарубежными странами, а «державность» также демонстрируется через признание России как равного участника международного процесса [48].

Однако ЦЗН коснулась далеко не только молодого поколения, пусть и существует в несколько другой форме. Так, при вышеупомянутой негласно-антикоммунистической позиции властей (учитывая идеологическо-аксиологические источники «высокого» консерватизма) и «избирательной памяти» о советском прошлом, значительная доля населения возрастом старше 25 лет склонна относиться положительно уже к СССР, о чём говорят всё те же исследования Левада-Центра 2020 года. Положительно к СССР относятся 76% респондентов, в то время как только 7% – исключительно негативно, а о распаде СССР сожалеют 65% [43]. 59% подчёркивают социальную справедливость и заботу обо всех членах общества, 46% – отсутствие этнических конфликтов, 43% – отсутствие безработицы и 31% – передовая наука [48] – практически все ценности, которые на этот раз транслируются при «ретроактивной ностальгии», кроме одного, также можно назвать секулярно-рациональными, однако, как было сказано выше, большинство респондентов (52%) сожалеет о распаде, прежде всего, из-за потери принадлежности к великой державе, что позволяет эксплуатировать «избирательную память» в отношении СССР в рамках «державности» со стороны сторонников «высокого консерватизма».

Таким образом, даже принимая во внимание все описанные выше факторы, указывающие на рост популярности консервативных ценностей, движение России в сторону консервативного экстремума за прошедшие три цикла исследований WVS нельзя назвать значительным. То же самое можно

сказать и про выбор между ценностями выживания и самовыражения: за прошедшие 12 лет даже несмотря на рецессию и сравнительное падение уровня благосостояния населения, наблюдается дрейф в сторону именно последних, и происходит он в рамках теории постматериализма: родившееся во второй половине 1990-х – начале 2000-х поколение, не заставшее экономический спад после распада СССР, также склонно считать «естественным» удовлетворение «низших» потребностей, и больше заинтересовано в удовлетворении «высших», несмотря на то, что условия, в которых они существуют, должны располагать к опасениям как раз о невозможности удовлетворить потребности базовые. Другим, помимо ценностной значимости недостающего, но куда менее значительным «тормозом консервативного дрейфа» может считаться факт некоторого расхождения во взглядах между «высоким» и «низким» консерватизмом. С одной стороны, элитам удаётся использовать инструментарий для «конвертирования» советской ностальгии, завязанной как раз на традиционных ценностях (в виде уважения к авторитетам) в этатизм, с другой – антисоветская модель сталкивается с такой мегалотимической составляющей корпоративной идентичности, как статус правопреемницы СССР, потому борьба с лояльным отношением к социалистическому прошлому грозит разрушением не только корпоративной идентичности, но потерей позиций на международной арене. Наконец, последней, и главной причиной низкого движения в сторону «консервативного экстремума» является тот факт, что разрабатываемая «сверху» корпоративная идентичность легла на уже готовую для её принятия почву, и носила характер не насаждения ценностей сверху, но «общественного договора» при котором эта идентичность стала способом самопрезентации народа как актора на международной арене. [27, с. 17]

«Консерватизм на экспорт?»

Итак, «консерватизм российского образца» представляет собой весьма интересную попытку сконструировать корпоративную идентичность мегалотимического характера, нацеленную на решение. Несмотря на некоторый «эклетицизм», общие взгляды на сущность «традиционных ценностей» между вносящей наибольший вклад в их конструирование элитой, и их реципиентом в виде народа, способного осуществлять трансляцию этих ценностей на других акторов посредством механизмов публичной дипломатии, всё-таки есть. Именно они требуют поиска ценностных общностей среди возможных реципиентов вовне.

Приводя всё сказанное во второй главе, можно сказать, что консерватизм «Российского образца», как минимум, с 2018 года во многом является «визитной карточкой» российской корпоративной идентичности, в том же виде он может стать и основой «культурно-идеологического экспорта» посредством публичной дипломатии РФ в том виде, в котором она существует на данный момент. Таким образом, он способен стать одной из основ формирования нового «национального бренда».

С другой стороны, существует интересная ситуация с тем, что многие общества, даже те, которым российская корпоративная идентичность напрямую противопоставляется, на самом деле имеют схожие ценностные приоритеты. Более того, на протяжении двух циклов исследования WVS, совпавшими с «мегалотимизацией» консерватизма «российского образца», число приверженцев традиционных ценностей на мировой арене, особенно среди «центров силы», успело увеличиться настолько, что впору стало говорить о «консервативном повороте». В работе «Модернизация, культурные изменения и сохранение традиционных ценностей» Р. Инглхарт и У. Бейкер ещё в самом начале века предсказали этот феномен и объясняли его тем, что после «Конца Истории» и «Золотого века постматериализма» в обществе, перешедшем из индустриальной в постиндустриальную эпоху, всё ещё существует запрос на универсальные моральные нормы, отношение к которым ввиду большей «толерантности и открытости» постматериальных обществ становится более лояльным, чем в обществах индустриальных, что не исключает кросс-культурного диалога, в том числе и в обход официальной политики. К тому же, Инглхарт отмечает, что «постматериализация» обществ не представляет собой полный отказ от традиционных ценностей в пользу секулярно-рациональных, и зачастую выросшие на смене эпох когорты также весьма синкретичны относительно приверженности ценностям[60, с. 49 – 50]. Об этом, но с других позиций, также говорит и И. Даржевска, описывающая «антироссийский либеральный интернационал» как вынужденный политический ход, не имеющий прямого отношения к корпоративной идентичности акторов, обратившихся к нему как к средству борьбы на международной арене. Отсюда мы можем увидеть акторов, конструировавших свою корпоративную мегалотимическую идентичность «сверху» на основе либеральных ценностей, по результатам трёх циклов исследований WVS в «традиционно-консервативном лагере».

Распространённым контраргументом в сторону ценностной близости населения США/«Коллективного Запада» и России может выступать «американизация»/«вестернизация» последней, произошедшая в 1990-е годы и всё ещё отзывающаяся среди определённой части общества, как раз подверженной тем самым постматериальным ценностям. Более того, в 2014 году, когда «традиционные ценности» обрели свой мегалотимический характер, появились сведения о «ценностном сближении» с ультраконсервативными кругами США[12], к примеру, известным проповедником-евангелистом С. Лайвли, утверждавшим причастность к запрету гей-пропаганды среди несовершеннолетних в России[62], а также Б. Браун, лидер американской национальной ассоциации «За брак», принимавший, по его словам, участие в редакции поправок об иностранном усыновлении[64]. Однако аргументу об американизации препятствует как сама официальная позиция властей, где отношение к за-

падным странам, переживающим «упадок нравственных начал» скорее можно охарактеризовать, как сочувствие, но не пример для подражания[11], так и результаты статистических исследований Левада-Центра 2020 года, согласно которым американская культура считается большинством как чуждая, а отношение к США расценивается 46% респондентов как негативное против 42% позитивных (из них 18% и 4% резко негативно и позитивно соответственно)[26]. Более того, даже С. Хантингтон упоминал тот факт, что наибольший период «цивилизационного сближения» России и Запада был достигнут именно в советскую эпоху, поскольку усвоение коммунистической идеологии, изначально порождения Западной цивилизации, отдалило её от собственной цивилизационной идентичности: «Приняв западную идеологию и используя её, чтобы бросить Западу вызов, русские в каком то смысле получили более тесные и прочные связи с Западом, чем в любой иной период своей истории <...> крах коммунизма и Советского Союза *завершил это политико идеологическое взаимодействие* между Западом и Россией. Когда *русские перестали вести себя как марксисты и стали вести себя как русские*, разрыв между ними и Западом увеличился. После развала этого синтеза споры об истинной идентичности России возобновились со всей прежней силой. Нужно ли России перенимать западные ценности, институты, практики и *попытаться стать частью Запада?* Или Россия воплощает *отдельную православную и евразийскую цивилизацию*, которая отличается от западной и имеет уникальную судьбу – стать связным звеном между Европой и Азией?»[56, с. 142 – 143] Таким образом, о ценностном сближении мы можем говорить лишь в контексте сходного содержания их идейной составляющей, но никак не в усвоении зарубежного опыта. Ценностная близость – та сфера международных отношений, которая часто остаётся вдалеке от конфронтации. Так, победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 года была однозначно положительно воспринята как российским обществом, так и руководящими кругами. В. Путин охарактеризовал это событие весьма положительно: «...это хорошо, что есть люди, которые нам симпатизируют в этих наших представлениях о традиционных ценностях. Потому что это хорошая предпосылка выстраивать отношения между двумя такими мощными странами, как Россия и Соединенные Штаты, вот на этой базе. На базе взаимной симпатии народов друг к другу»[37]. К тому же, если и воспринимать участие представителей американских ультраконсервативных кругов в консервативном законодательстве, то скорее как «жест доброй воли» и один из примеров американской публичной дипломатии, основанной на консервативных лейтмотивах. К тому же, и политические предпосылки развития «консервативного дрейфа» в России 2010-х со стороны исследовательским хабом *Democracy* сравниваются ровно с теми же экономическими причинами и сценариями, которые сопровождали приход к власти М. Тэтчер и Р. Рей-

гана, сочетавшие в себе неолиберальную экономику с «консерватизмом ценностей»: «демократический протест был преподнесен как направляемый внешними силами бунт гедонистических верхов среднего класса против русского “культурного кода”». Такова природа консерватизма в трёх рассматриваемых странах, ибо «Свобода для консерваторов означает возможность нации оставаться верной себе и своей истории»[50], что так же сближает Россию и «Коллективный консервативный Запад» если не на политической арене, то с точки зрения корпоративных идентичностей.

Определённое влияние здесь играет и высокая религиозность западных обществ, особенно американского. Как уже сказано выше, в России часть функций по реализации «мягкой силы» взяла на себя Русская Православная Церковь, объявившая монополию православной религии на источник традиционных ценностей. Как уже писал в «Национальном вопросе» В. Путин, «В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма – при всех различиях и особенностях – лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить, и их нам надо укреплять»[36]. К тому же, несмотря на идеологическое противопоставление консерватизма и либерализма, в религиозной плоскости эти противоречия куда менее острые, чем кажутся на первый взгляд. Не стоит забывать, что либерализм также имел в своей основе религиозное начало, исходящее из ценностей протестантизма, таких как духовная свобода человека и свобода убеждений. Ценности эти носят общехристианский характер и имеют большую ценность, в том числе и для русской культуры, поскольку так или иначе, православная культура является неотъемлемой частью культуры общехристианской[7, с. 162].

Заключение

Таким образом, к 2022 году в мире сложилась весьма двоякая обстановка для экспорта консерватизма «российского образца». С одной стороны, присутствует вполне жизнеспособный национальный бренд, который мог быть универсален, и одинаково приемлем для большинства государств-реципиентов, так как отражает и принятые ими ценности. С другой стороны, этот национальный бренд не может выйти из мегалотимической «оборонительной» позиции. Позиция эта обусловлена весьма эклектичной комбинацией, размывающей идеологические рамки между социализмом и консерватизмом. Во многом это связано как с позицией России как геополитического правопреемника СССР, так и некоторыми сходными ценностно-идеологическими аспектами, позволяющими охарактеризовать Советское Государство времён «Холодной Войны» (а именно этот опыт в большинстве своём используется как основа внешнего имиджа СССР) как «красный консерватизм»: коллективизм, авторитет партии как проявление патернализма, и консерватизм

в узком смысле как сопротивляемость значительным переменам, что соответствует как раз периоду наибольшего культурного обмена СССР и США в эпоху Разрядки – вот «типовой набор» правопреемника СССР в глазах западной пропаганды и неотъемлемые составляющие русской социальной идентичности[53]. Даже несмотря на крайне критичную по отношению к коммунистической идеологии позицию действующего правительства, элит и некоторого числа граждан, считающих себя противниками консерватизма, уравниваемого в их представлении с «коммунизмом», именно вышеупомянутый заявленный статус правопреемницы СССР затрудняет диалог на антикоммунистических позициях, и вынуждает искать лейтмотивы сотрудничества и донесения основ российской корпоративной идентичности. Другие акторы, также заинтересованные в усилении собственного влияния, характеризуют «гибридный режим», а результаты исследований WVS трактуют в контексте ценностной значимости недостающего[36]. Мегалотимическая направленность аксиологической составляющей во многом объясняется, главным образом, социальной идентичностью (те самые «усваиваемые извне смыслы»), конструирование которой со стороны других акторов, иной раз принимая вид «образа врага», активно идёт с 2012 года, и в этом существующем примате социальной идентичности над корпоративной, с которой столкнулась Россия во второй половине 2010-х годов, а не в расхождениях во взглядах «высоких» и «низких» консерваторов, и кроется главная проблема. Не успев создать эффективный национальный бренд к моменту Крымского кризиса, и оказавшись на краткое время в изоляции, на данный момент Россия вынуждена бороться за сохранение примата своей корпоративной идентичности, конструируемой «сверху» от идентичности социальной, конструируемой «извне».

В то же время, положительной чертой «консерватизма на экспорт» является наличие «универсальной» составляющей, расширяющей его аудиторию. Уважение к демократии, человеческой свободе в контексте свободы нравственной, понимание необходимости эволюционного развития общества, терпимость, солидарность во многом перекликаются с «базовыми ценностями». Однако и в этом случае проблема – восприятие консервативной идентичности в качестве мегалотимического аспекта, позволяющему выявить исключительность России как актора и противопоставить социальную идентичность идентичности корпоративной. К примеру, мегалотимическую же направленность имеют и воззрения о «третьем особом пути», которые разделяют 58% населения согласно исследованиям Левада-Центра 2020[43] – 2021 годов[34]. Это отношение подобно долговременному укреплению, отлично предназначено для отражения «атаки» на существующую корпоративную идентичность, но затрудняет переход к контратаке, а тем более – препятствует «вылазкам для заключения договора о дружбе», особенно если в лагере предполагаемого

противника так же присутствуют жаждающие мира, как ещё одной универсальной ценности, люди.

Литература

1. Алмакаева А., Мавлетова А. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, №6. 2018, с. 91 – 112;

2. Антикommунизм и коммунизм в России и СССР: итоги // Regnum, 2021 – 6 июня [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://regnum.ru/news/polit/3289445.html> (дата обращения – 25.10.2021);

3. Бердяев Н. Судьба русского консерватизма // СПб, Новый путь. 1904, декабрь, с 227 – 236 [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1904_sudba_russkogo_konservatizma.shtml (дата обращения – 5.11.2021);

4. Бердяев Н. Философия неравенства. Москва, Институт русской цивилизации. 2012, 624 с.;

5. Блохин К. Революционный messiанизм и проблема генезиса американского неоконсерватизма. // PolitBook, №3. 2018, с. 143 – 156;

6. Большая пресс-конференция Владимира Путина, 2021 – декабрь, 23 [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (дата обращения – 26.12.2021);

7. Власов В., Городнина О. Русская Православная Церковь в политическом процессе в условиях кризиса современного либерализма. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, №9. 2019, с. 158 – 163;

8. Гордость за страну и народ. // Левада Центр, 2017 – 21 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/2017/12/21/17311/> (дата обращения – 30.01.2021);

9. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Международных Рождественских чтений // Русская Православная Церковь, 2013 – 24 января [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2746897.html> (дата обращения – 09.11.2021);

10. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. Пер. с французского А. Ильинского под ред. А. Базарова. М.: Мысль. 1994, 399 с.

11. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай», 2013 – 19 сентября [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения – 27.10.2021);

12. За спиной Мизулиной. Как американские пасторы влияют на российскую Думу // Republic, 2014 – 4 июля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://republic.ru/posts/42609> (дата обращения – 30.10.2021);

13. За Сталина, Царя и Отечество. // Левада Центр, 2015 – 21 января [Электронный ресурс]. Ссылка на источник:

<https://www.levada.ru/2015/01/21/za-stalina-tsarya-i-otechestvo/> (дата обращения – 30.10.21);

14. Измерение степени ценностей солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе. // Zircon, 2019 – 26 марта [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d20/Doverie_i_cennostnaja_solidarizacija_Prezentacija.pdf (дата обращения – 30.10.2021);

15. Ильин И. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2, Книга 1. Москва, Русская книга, 1993, 496 с.

16. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 года. [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch1.shtml (дата обращения – 25.10.2021);

17. Консервативные настроения в российском обществе усиливаются // Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2014 – 4 апреля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/konservativnye-nastroeniya-v-rossijskom-obshhestve-usilivayutsya> (дата обращения – 08.11.2021);

18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения – 10.11.2021);

19. Кошкин А. Горизонты диалектики. Санкт-Петербург, Аврора. 2020, С. 176;

20. Лавров рассказал, чем отличаются российские ценности от западных. // Info24, 2019 – 2 ноября [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://info24.ru/news/lavrov-rasskazal-chem-otlichajutsya-rossijskie-cennosti-ot-zapadnyh.html> (дата обращения – 05.11.2021);

21. Лактионова Н. Антисоветизм как преграда на пути усиления России и интеграции Евразии // Социально-гуманитарные знания, 2017, с. 32 – 45;

22. Международный русский консервативный форум, 22 марта 2015 года. Программа мероприятия [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://rusnandom.ru/mezhdunarodnyiy-russkiy-konservativnyiy-forum/> (дата обращения – 02.11.2021);

23. Морозов К. Концепт идентичности в социально-политическом дискурсе Русской Православной Церкви. // Вестник Московского Государственного Университета, Социология и политология. Серия 18, Том 23, №4. 2017, с. 147 – 168;

24. Мы не Шарли. Большинство россиян считает, что защита религиозных чувств граждан важнее свободы слова. // Левада-Центр, 2015 – 29 января [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/2015/01/29/my-ne-sharli/> (дата обращения – 15.11.2021);

25. О либерализме как системе идей. Что россияне понимают под либерализмом? И как к нему

относятся // Фонд Общественного Мнения, 2013 – 13 ноября [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://fom.ru/obshchestvo/11190> (дата обращения – 02.10.2021);

26. Отношение к странам. // Левада-Центр, 2020 – 18 февраля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/2020/02/18/otnoshenie-k-stranam-6/> (дата обращения – 17.11.2021);

27. Поляков Л. Консерватизм в России: полит-технологический симулякр или исторический выбор? // *Russie.Nei.Visions*, № 90. 2015 – декабрь, 22, с. 1 – 20;

28. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2013 – декабрь, 12. [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения – 01.06.2021);

29. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2014 – декабрь, 4 [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения – 01.10.2021);

30. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2018 – 1 марта [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения – 01.10.2021);

31. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2019 – 20 февраля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения – 1.10.2021);

32. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 2020 – [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения – 01.10.2021);

33. Правые радикалы со всей Европы слетелись в Петербург // *Russia Today*, 2015 – 23 марта [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://russian.rt.com/inotv/2015-03-23/Pravie-radikaliso-vsej-Evropi> (дата обращения – 24.10.2021);

34. Прощай Европа? Россияне больше не считают Россию европейской страной // Левада-Центр, 2021 – 16 апреля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/2021/04/16/proshhaj-evropa/> (дата обращения – 13.10.2021);

35. Президент взял курс на консерватизм // *Независимая газета*, 2013 – 30 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: https://www.ng.ru/politics/2013-12-30/3_conservative.html (дата обращения – 26.10.2021);

36. Путин В. Россия: национальный вопрос. // *Независимая газета*, 2012 – 23 января [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения – 20.10.2021);

37. Путин: традиционные ценности — предпосылка к дружбе народов. // *ИА Красная весна*, 2016 – 23 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: [https://rossaprimavera.ru/news/tradicionnye-](https://rossaprimavera.ru/news/tradicionnye-cennosti-predposylka-k-druzhbe-narodov/)

[cennosti-predposylka-k-druzhbe-narodov](https://rossaprimavera.ru/news/tradicionnye-cennosti-predposylka-k-druzhbe-narodov/) (дата обращения – 23.10.2021);

38. Путин заявил о размывании традиционных ценностей в мире // *РИА Новости*, 2017 – 1 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://ria.ru/20171201/1510024956.html> (дата обращения – 20.10.2021);

39. Путин определился с идеологией – он консерватор. // *Русская служба ВВС*, 2013 – 12 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/12/131212_putin_address_analysis (дата обращения – 23. 10. 2021);

40. Путин рассказал, книги каких философов читает // *Газета.ru*, 2021 – октябрь, 21 [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/21/n_16729477.shtml (дата обращения – 3.11.2021);

41. Русаков В., Русакова О. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, № 2 (39). 2020, с. 27–47;

42. Селезнёва А. Политические ценности российской молодёжи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // *Общество. Коммуникация. Образование*, Т. 11. № 3. 2020, с. 20 – 32;

43. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении // Левада-Центр, 2020 – 24 марта [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения – 8.11.2021);

44. Ткач В. Православная традиция в формировании российской идентичности // *Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право»*. Том 44, № 2. 2019, с. 351 – 356;

45. Туманный образ российского консерватизма. // *Всероссийский центр изучения общественного мнения*, 2014 – 16 мая [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.slideshare.net/wciom/16052014-35965741> (дата обращения – 5.11.2021);

46. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения – 31.05.2021);

47. Холмогоров Е. Воздух Русской весны. // *Взгляд*, 2014 – 10 апреля [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://vz.ru/columns/2014/4/10/681367.html> (дата обращения – 23.10.2021);

48. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. // Левада Центр, 2020 – 30 июня [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения – 23.11.2021);

49. Энгель В. Консерватизм – патриотизм – державность, или что объединяет россиян? // Коммерсантъ, 2019 – 23 декабря [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.kommersant.ru/doc/4205791> (дата обращения – 12.11.2021);

50. Является ли режим в России консервативным? // Од «Русская версия», 2018 – 8 августа [Электронный ресурс]. Ссылка на источник: <https://www.opendemocracy.net/ru/rossiyskiy-konservativniy-rezhim/> (дата обращения – 12.10.2021);

51. Anholt S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. London, Palgrave Macmillan. 2007, P. 134;

52. Darczewska J. The anatomy of Russian information warfare. // Point of View, №42. Warsaw, 2014, pp. 1 – 37;

53. George Beebe: “Les Russes n’ont cessé d’envoyer des signaux que nous n’avons pas compris” // Le Figaro, 2022 – Janvier, 9 [Ressource Electronique]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/george-beebe-les-russes-n-ont-cesse-d-envoyer-des-signaux-que-nous-n-avons-pas-compris-20220109> (date d'accès – 9.01.2022);

54. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, New York. 1983, P. 320;

55. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory. // International Relations. Vol. 23, No. 1. 1998, pp. 171 – 200;

56. Huntington S., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, NY: Simon and Schuster. 1996, P. 368;

57. Inglehart R. Cultural Evolution. People’s Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press, New York. 2018, P. 239;

58. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1997, P. 464;

59. Inglehart R. Post-Materialism in an Environment of Insecurity // The American Political Science Review, Vol. 75, No. 4. December, 1981, pp. 880 – 900;

60. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, Vol. 1, №65. February, 2000, p. 19 – 51;

61. Inglehart R., Welzel W., Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, NY: Cambridge University Press, 2005, P. 333;

62. Lively S. My Letter to the Hungarian People // Scott Lively Ministries, 2013 – July, 22 [Electronic Source]. URL: <https://www.scottlively.net/2013/07/22/my-letter-to-the-hungarian-people/> (access date – 21.10.2021);

63. Mearshimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs, Vol. 93, No. 5. 2014, pp. 77 – 89;

64. NOM's Brown Traveled to Russia to Support Bill That Would Deny Adoption to “Abnormal” Gay Parents // Human Rights Campaign, 2013 – October, 3 [Electronic source]. URL: <https://www.hrc.org/press-releases/noms-brown-traveled-to-russia-to-support-bill-that-would-deny-adoption-to-a> (access date – 2.11.2021);

65. Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York, Public Affairs, 2005, P. 208;

66. Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris, Dalloz. 1974, P. 436;

67. Welzel K. How selfish are self-expression values? // Journal of Cross-Cultural Psychology, Vol. 20, №10. February, 2010, pp. 1 – 23;

68. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999, P. 430;

69. Wendt A. The State as Person in International Theory. // Review of International Studies, Vol. 30, No. 2. 2004, pp. 289 – 316.

The Conservative Agenda as the Leitmotif of Russian Public Diplomacy Sadovnikov N.A.

St. Petersburg State University

In 2013 Russian political agenda was marked by “the conservative turn”, caused axiological changes in foreign policy and, therefore, influenced Russian corporative identity sent to other actors on the world arena. After the “Russian Spring” in 2014 the conservative agenda becomes an “exported product”, signifying a formation of the core of the public diplomacy. Up to 2021, while “the conservative drift” has touched a number of the lead countries, as an attempt to preserve power in the crisis decade by a ruling class, empowered at the end of 2000s, the conservative agenda became dominating in Russia. Despite the official absence of political ideology, conservatism has gained popularity among the vast majority of the Russians, and it is meaningful to say about a creation of the special nation-brand based on “the traditional values” usually claimed by the officials.

The aim of the article is to estimate the usability of Russian “traditionalistic” conservatism as a component of nation brand, to identify the most convenient recipients for this soft power brand, and also to reveal controversies between “popular” and “governmental” conservatism, used as a part of national identity. The temporal scope of the research commenced on 2012 and ended on 2020. The lower bound is explained by turn of Russia’s international politic agenda on the conservative path, the upper one is explained by the end of 7th wave of the World Values Survey, which undergirds actors’ commitment to conservative values and ideas for the upcoming decade. Author drives to the conclusion, that at the beginning of 2020s “conservatisme a-la russe” has a chance of gaining popularity even among those actors who are in political confrontation with Russia, but “active” actions through value convergence within programmes of public diplomacy are complicated by the need of defense of Russian corporate identity, being constantly suppressed by the social identity constructed by other actors clearly has primacy.

Keywords: conservatism, traditional values, public diplomacy, nation brand, conservatism a-la russe.

References

1. Almakaeva A., Mavletova A. Modernization processes in Russia: should we expect a shift towards emancipative values? // Monitoring of public opinion: Economic and social changes, №6. 2018, p. 91 - 112;
2. Anti-communism and communism in Russia and the USSR: results // Regnum, 2021 - June 6 [Electronic resource]. Link to source: <https://regnum.ru/news/polit/3289445.html> (accessed 10/25/2021);
3. Berdyaev N. The fate of Russian conservatism // St. Petersburg, New Way. 1904, December, pp. 227 - 236 [Electronic resource]. Link to source: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1904_sudba_russkogo_konservatizma.shtml (accessed 11/5/2021);
4. Berdyaev N. Philosophy of inequality. Moscow, Institute of Russian Civilization. 2012, 624 pages;
5. Blokhin K. Revolutionary messianism and the problem of the genesis of American neoconservatism. // PolitBook, No. 3. 2018, p. 143 - 156;
6. Big press conference of Vladimir Putin, 2021 - December 23 [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (accessed 12/26/2021);
7. Vlasov V., Gorodnina O. Russian Orthodox Church in the political process in the conditions of the crisis of modern liberalism. // State and municipal management. Scientific Notes, No. 9. 2019, c. 158 - 163;
8. Pride for the country and people. // Levada Center, 2017 - December 21 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/2017/12/21/17311/> (accessed 01/30/2021);
9. Report of His Holiness Patriarch Kirill at the opening of the XXI International Christmas Readings // Russian Orthodox Church, 2013 - January 24

- [Electronic resource]. Link to source: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2746897.html> (accessed 09.11.2021);
10. Durkheim E. Suicide. Sociological study. Per. from the French by A. Ilyinsky, ed. A. Bazarova. M.: Thought. 1994, 399 p.
 11. Meeting of the international discussion club "Valdai", 2013 - September 19 [Electronic resource]. Link to the resource: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 27.10.2021);
 12. Behind Mizulina. How American Pastors Influence the Russian Duma // Republic, 2014 - July 4 [Electronic resource]. Link to source: <https://republic.ru/posts/42609> (accessed 30.10.2021);
 13. For Stalin, the Tsar and the Fatherland. // Levada Center, 2015 - January 21 [Electronic resource]. Link to the source: <https://www.levada.ru/2015/01/21/za-stalina-tsarya-i-otechestvo/> (accessed 10/30/21);
 14. Measurement of the degree of solidarization values and the level of public trust in Russian society. // Zircon, 2019 - March 26 [Electronic resource]. Link to source: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d20/Doverie_i_cennostnaja_solidarizacija_Prezentacija.pdf (accessed 30.10.2021);
 15. Ilyin I. Collected works in 10 volumes. Volume 2, Book 1. Moscow, Russian Book, 1993, 496 p.
 16. Outcome Document of the 2005 UN World Summit. Adopted by General Assembly resolution 60/1 of 16 September 2005. [Electronic resource]. Link to source: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch1.shtml (accessed 25.10.2021);
 17. Conservative sentiments in Russian society are growing // All-Russian Center for the Study of Public Opinion, 2014 - April 4 [Electronic resource]. Link to source: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/konservativnye-nastroeniya-v-rossijskom-obshchestve-usilivayutsya> (accessed 08.11.2021);
 18. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) [Electronic resource]. Link to source: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 11/10/2021);
 19. Koshkin A. Horizons of Dialectics. St. Petersburg, Aurora. 2020, p. 176;
 20. Lavrov told how Russian values differ from Western ones. // Info24, 2019 - November 2 [Electronic resource]. Link to source: <https://info24.ru/news/lavrov-rasskazal-chem-otlichajutsya-rossijskie-cennosti-ot-zapadnyh.html> (accessed 05.11.2021);
 21. Laktionova N. Anti-Sovietism as an obstacle to the strengthening of Russia and the integration of Eurasia // Social and Humanitarian Knowledge, 2017, p. 32 - 45;
 22. International Russian Conservative Forum, March 22, 2015. Program of the event [Electronic resource]. Link to the source: <http://rusnardom.ru/mezhdunarodnyiy-russkiy-konservativnyiy-forum/> (accessed 02.11.2021);
 23. Morozov K. The concept of identity in the socio-political discourse of the Russian Orthodox Church. // Bulletin of the Moscow State University, Sociology and Political Science. Series 18, Volume 23, No. 4. 2017, p. 147 - 168;
 24. We are not Charlie. Most Russians believe that protecting citizens' religious feelings is more important than freedom of speech. // Levada-Center, 2015 - January 29 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/2015/01/29/my-ne-sharli/> (accessed 11/15/2021);
 25. About liberalism as a system of ideas. What do Russians understand by liberalism? And how they treat him // Public Opinion Foundation, 2013 - November 13 [Electronic resource]. Link to source: <https://fom.ru/obshchestvo/11190> (accessed 02.10.2021);
 26. Attitude towards countries. // Levada-Center, 2020 - February 18 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/2020/02/18/otnoshenie-k-stranam-6/> (accessed 11/17/2021);
 27. Polyakov L. Conservatism in Russia: a political technological simulacrum or a historical choice? // Russie.Nei.Visions, No. 90. 2015 - December, 22, p. 1 - 20;
 28. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2013 - December, 12. [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed 06/01/2021);
 29. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2014 - December, 4 [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed 01.10.2021);
 30. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2018 - March 1 [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 01.10.2021);
 31. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2019 - February 20 [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 1.10.2021);
 32. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. 2020 - [Electronic resource]. Link to source: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed 01.10.2021);
 33. Right-wing radicals from all over Europe flocked to St. Petersburg // Russia Today, 2015 - March 23 [Electronic resource]. Link to source: <https://russian.rt.com/inotv/2015-03-23/Pravie-radikali-so-vsej-Evropi> (accessed 10/24/2021);
 34. Goodbye Europe? Russians no longer consider Russia a European country // Levada Center, 2021 - April 16 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/2021/04/16/proshhaj-evropa/> (accessed 10/13/2021);
 35. The President headed for conservatism // Nezavisimaya Gazeta, 2013 - December 30 [Electronic resource]. Link to source: https://www.ng.ru/politics/2013-12-30/3_conservative.html (accessed 10/26/2021);
 36. Putin V. Russia: national question. // Nezavisimaya Gazeta, 2012 - January 23 [Electronic resource]. Link to source: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (accessed 20.10.2021);
 37. Putin: traditional values are a prerequisite for the friendship of peoples. // IA Red Spring, 2016 - December 23 [Electronic resource]. Link to source: <https://rossaprimavera.ru/news/tradicionnye-cennosti-predposylka-k-druzbe-narodov> (accessed 10/23/2021);
 38. Putin announced the erosion of traditional values in the world // RIA Novosti, 2017 - December 1 [Electronic resource]. Link to source: <https://ria.ru/20171201/1510024956.html> (accessed 10/20/2021);
 39. Putin has decided on an ideology - he is a conservative. // BBC Russian Service, 2013 - December 12 [Electronic resource]. Link to source: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/12/131212_putin_address_analysis (Accessed 23.10.2021);
 40. Putin told which books of philosophers he reads // Gazeta.ru, 2021 - October, 21 [Electronic resource]. Link to source: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/21/n_16729477.shtml (accessed 3.11.2021);
 41. Rusakov V., Rusakova O. Infrastructure of the new policy of national memory in the post-Soviet space. To the formulation of the problem // Scientific journal "Discourse-Pi", No. 2 (39). 2020, p. 27-47;
 42. Selezneva A. Political values of the Russian youth: sociocultural features and identification potential // Society. Communication. Education, Vol. 11. No. 3. 2020, p. 20 - 32;
 43. Structure and reproduction of the memory of the Soviet Union in Russian public opinion // Levada Center, 2020 - March 24 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (accessed 11/8/2021);
 44. Tkach V. Orthodox tradition in the formation of Russian identity // Scientific sheets. Series "Philosophy. Sociology. Right". Volume 44, No. 2. 2019, p. 351 - 356;
 45. A hazy image of Russian conservatism. // All-Russian Center for the Study of Public Opinion, 2014 - May 16 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.slideshare.net/wciom/16052014-35965741> (accessed 11/5/2021);
 46. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource]. Link to the source: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed 05/31/2021);
 47. Kholmogorov E. The air of the Russian spring. // Look, 2014 - April 10 [Electronic resource]. Link to source: <https://vz.ru/columns/2014/4/10/681367.html> (accessed 10/23/2021);
 48. Values, orientations and participation in the political life of the Russian young generation. // Levada Center, 2020 - June 30 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (accessed 11/23/2021);
 49. Engel V. Conservatism - patriotism - sovereignty, or what unites Russians? // Kommersant, 2019 - December 23 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.kommersant.ru/doc/4205791> (accessed 11/12/2021);
 50. Is the regime in Russia conservative? // OD "Russian version", 2018 - August 8 [Electronic resource]. Link to source: <https://www.opendemocracy.net/ru/rossiyskiy-konservativny-rezhim/> (accessed 10/12/2021);
 51. Anholt S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. London, Palgrave Macmillan. 2007, P. 134;
 52. Darczewska J. The anatomy of Russian information warfare. // Point of View, #42. Warsaw, 2014, pp. 1 - 37;
 53. George Beebe: "Les Russes n'ont cessé d'envoyer des signaux que nous n'avons pas compris" // Le Figaro, 2022 - Janvier, 9 [Ressource Electronique]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/george-beebeles-russes-n-ont-cesse-d-envoyer-des-signaux-que-nous-n-avons-pas-compris-20220109> (date d'accès - 01/09/2022);
 54. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, New York. 1983, P. 320;
 55. Hopf T. The promise of constructivism in international relations theory. // International relations. Vol. 23, no. 1. 1998, pp. 171 - 200;
 56. Huntington S., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, NY: Simon and Schuster. 1996, P. 368;
 57. Inglehart R. Cultural Evolution. People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press, New York. 2018, P. 239;
 58. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, Princeton, New Jersey. 1997, P. 464;
 59. Inglehart R. Post-Materialism in an Environment of Insecurity // The American Political Science Review, Vol. 75, no. 4 December, 1981, pp. 880 - 900;
 60. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, Vol. 1, #65. February, 2000, p. 19 - 51;
 61. Inglehart R., Welzel W., Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, NY: Cambridge University Press, 2005, p. 333;
 62. Lively S. My Letter to the Hungarian People // Scott Lively Ministries, 2013 - July, 22 [Electronic Source]. URL:

- <https://www.scottlively.net/2013/07/22/my-letter-to-the-hungarian-people/> (access date - 10/21/2021);
63. Mearshimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*, Vol. 93, no. 5. 2014, pp. 77 - 89;
 64. NOM's Brown Traveled to Russia to Support Bill That Would Deny Adoption to "Abnormal" Gay Parents // *Human Rights Campaign*, 2013 – October, 3 [Electronic source]. URL: <https://www.hrc.org/press-releases/noms-brown-traveled-to-russia-to-support-bill-that-would-deny-adoption-to-a> (access date - 2.11.2021);
 65. Nye J. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. New York, Public Affairs, 2005, p. 208;
 66. Merle M. *Sociologie des relations internationals*. Paris, Dalloz. 1974, P. 436;
 67. Welzel K. How selfish are self-expression values? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 20, no. 10. February, 2010, pp. 1 - 23;
 68. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999, P. 430;
 69. Wendt A. The State as Person in International Theory. // *Review of International Studies*, Vol. 30, no. 2. 2004, pp. 289 - 316.

Вопросы совершенствования государственного контроля над экономической деятельностью в цифровом пространстве

Гильмутдинова Алина Фаритовна,
аспирант, Института права, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Sergeev_ab@bk.ru

Формирование финансового цифрового пространства - очередной промежуточный этап развития денежных средств, формой проявления которого явилось возникновение и развитие криптовалюты. Межгосударственная криптовалюта (цифровые деньги) воспринимается как вызов национальным валютам. Поэтому представляется очевидным стремление России создать собственные национальные криптовалютные платформы, создать государственный контроль над цифровым денежным обращением.

Задача исследования - на основе анализа дать оценку существующему федеральному законодательству, регулирующему применение IT-технологий в обращении ценных бумаг (цифровых финансовых активов) и установившему (законодательству) основы функционирования цифровой валюты на территории Российской Федерации. Определить способность находящегося в стадии становления законодательства способствовать своевременному выявлению, возбуждению уголовных дел, раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности (в том числе налоговых) в цифровой сфере обращения криптовалюты и цифровых финансовых активов.

В исследовании использован ряд методологических средств познания. Среди них системно структурный анализ. Сравнительно правовой метод позволяет посредством сопоставления законодательства, регулирующего существующую материальную экономическую деятельность, спроецировать на аналогичную деятельность с активным применением IT-технологий.

В заключении высказываются суждения о том, что федеральный закон ФЗ 259 определил правовой механизм, способный обеспечить государственный контроль за функционированием финансовых активов в цифровой среде, а следственным органам, оперативным подразделениям создал благоприятные условия для выявления преступных действий, раскрытия преступлений (в том числе налоговых), доказывание преступного умысла. Этим же законом не удалось создать правовой механизм, который решил бы задачу государственного контроля над децентрализованной цифровой валютной (криптовалютной) платежной системой.

Ключевые слова: криптовалюта, налоговое преступление, поводы возбуждения уголовного дела, цифровые финансовые активы

Введение

Обязательным условием реализации государством своих внутренних и внешних функций является успешная политика в налоговой сфере. Налоговая политика определяет структуру налоговой системы, перечень налогов, которые должны перечисляться налогоплательщиками; распределение налогов по уровням (муниципальный, субъекта федерации, Федеральный) и пр. и пр. Важной составляющей налоговой политики является создание правового режима, обеспечивающего контроль за выполнением обязанностей налогоплательщиками; исключение вариантов ухода от уплаты налога; разработка карательных мер уголовно-правового характера при существенном нарушении обязанностей по уплате налогов (ст. 198-199.2 УК РФ).

Вместе с карательными мерами налоговая политика применяет и меры поощрительного характера. Государство активно формирует атмосферу благоприятствования развитию и сохранения предпринимательской деятельности в сфере экономики. Создана основа поддержания бизнеса (график налоговых проверок, фиксированный срок между налоговыми проверками, ограничение по видам проверок, и пр.). Наблюдается тенденция либерализации предельной налоговой задолженности, превышение которой может повлечь уголовное преследование. На современном этапе с 01 апреля 2020 года уголовные дела по ст. 198-199.2 УК РФ возбуждаются при 15 миллионах денежных средств, умышленно не перечисленных налогоплательщиком в бюджетные фонды за трёх летний финансовый период. Для юридических лиц такой размер налоговой задолженности составляет 45 миллионов рублей. До указанного времени этот потолок составлял: для физических лиц – 5 миллионов рублей, для юридических лиц – 15 миллионов.

Либерализация уголовной политики проявилась и в том, что государство готово отказываться от уголовного преследования и наказания виновных в случае осознания ими своей противоправной деятельности, раскаяния и готовности возместить государству ущерб от преступных действий. В соответствии стратегией уголовной политики активно реализуется институт освобождения от уголовной ответственности в отношении обвиняемых совершивших налоговых преступлений (и в целом преступлений в сфере экономической деятельности), если преступление лицо совершило впервые; возместило причинённый преступлением ущерб: величину недоимки; пеню и штраф (ч. 2 ст. 28.1 УПК РФ).

Положительный результат применения данного института распространён и на лиц, которые умышленно причинили ущерб крупный ущерб в результате незаконного предпринимательства (п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ; незаконной банковской деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ); не исполнение обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте (п «а» ч.2 ст. 193 УК РФ).

Налоговая политика и разработанная система мер по контролю, за исполнением законодательства в налоговой сфере деятельности, мер государственно-правового воздействия на нарушителей - реализуется на недостаточном уровне, а в ряде ситуаций вообще не реализуется в случаях, когда денежный оборот переносится в развивающуюся область IT-технологий. Развитие IT-технологий большой сегмент сферы экономики перевело в виртуальное пространство. Для недобросовестных участников это позволяет выйти из под государственного контроля и, таким образом, уклоняться от уплаты налогов и совершать преступления различных категорий (наркофинансирование, продажа оружия, легализация преступно приобретенных денежных средств [1], преступлений в сфере спорта [2, с.93] и пр.).

Изложенное раскрывает существо задачи - найти способы распространения государственного контроля над цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, сделками с ними и обеспечить налоговые поступления от результатов экономической деятельности с использованием It-технологий. Одно из направлений решение задачи заключается создании качественной законодательной базы. Чёткая законодательная база существенно облегчит выявление нарушителей закона, осуществляющих расчётные финансовые операции вне государственного контроля и, таким способом уклоняющихся от выполнения конституционной обязанности уплачивать налоги. Решение задачи имеет высокий уровень актуальности и практической значимости.

Решить столь сложную задачу законодатель пытается посредством создания правового режима функционирования виртуального пространства и системы контроля (отслеживания) над цифровой экономической активностью.

Цель исследования - на основе анализа дать оценку существующему федеральному законодательству, регулирующему применение IT-технологий в обращении ценных бумаг (цифровых финансовых активов) и установившему (законодательству) основы функционирования цифровой валюты на территории Российской Федерации. Определить способность находящегося в стадии становления законодательства способствовать своевременному выявлению, возбуждению уголовных дел, раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности (в том числе налоговых) в цифровой сфере обращения криптовалюты и цифровых финансовых активов; перспективы развития законодательного регулирования названной сферы. Анализ показывает, что существующая правовая

база фрагментальна, а следовательно, содержит пробелы, противоречия, недостаточно апробирована.

Методика проведения исследований. Для того, что бы определить состояние правовой системы регулирования, выявить направления развития используются такие методологические средства познания, как анализ содержания законодательства с применением способов грамматического толкования с использованием буквального, лингвистического приёмов, правил выявления явного смысла терминов неюридического характера, но всё более широко используемых (терминов) в редакциях норм закона. Качество анализа закладываемой законодателем правовой основы регулирования цифрового пространства во многом определяет следование системному методу. Системно структурный анализ позволяет углубить знания о цифровых технологиях, цифровых носителях и пр. элементов, которые определяют категорию «цифровое пространство», развитие которого сформируют экономические процессы, перенаправленные из привычной «физической» деятельности в деятельность виртуальную. Сравнительно правовой метод позволяет посредством сопоставления законодательства, регулирующего существующую материальную экономическую деятельность, попытаться спроецировать на аналогичную деятельность с активным применением IT-технологий.

Результаты исследования и их обсуждение. На федеральном уровне правовое регулирование (законодательное ядро) было предпринято в 2006 году федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Самостоятельной частью направления применения информационных технологий является ценные бумаги. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (далее - ФЗ-39) и последние изменения регулируют отношения, связанные с функционированием ценных бумаг в исследуемой специфической сфере.

Последним законодательным шагом стал федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - ФЗ 259 от 31.07.2020).

ФЗ-259 от 31.07.2020 сделана попытка урегулировать два направления цифровой активности в экономической сфере деятельности.

Первое направление – регулирование применение IT-технологий в обращении ценных бумаг (цифровых финансовых активов); второе направление установить основы функционирования цифровой валюты на территории Российской Федерации.

Изучение суждений ученых и специалистов позволяет заключить, что более высокая оценка дается первому направлению. [3, с.29] Второе направление реализации норм на практике в ближайшей перспективе потенциала не имеет

С позиции правоохранительной деятельности [4., с.262] довольно чёткое регулирование деятельности с цифровыми финансовыми активами (первое направление) создало благоприятные предпосылки для противодействия преступным действиям

с использованием It-технологий Закон устранил долго существовавшую неопределённость, отнеся финансовые активы к правам. С достаточной чёткостью законом выдержаны и теоретические постулаты права (право требовать, право пользоваться, право притязания).

Для выявления преступных действий и лиц, их совершающих, существенным положительным моментом стало требование закона ведения распределительного реестра. Необходимые для выявления, раскрытия и расследования преступлений сведения концентрируются в распределённом реестре. Эти сведения содержат информацию о выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, размещённых в информационной системе.

Сама информационная система также содержит сведения об используемых информационных технологиях (программах, программном обеспечении), технических средствах обслуживания (аппаратное обеспечение – оборудование). Нормативная регламентации позволяет правоохранительным органам использовать такое процессуальное действие как наложение ареста на финансовые цифровые активы (ст.115 УПК РФ) [5, с.312]

Следует признать удачным адаптирование ряда положений ФЗ-39 «О рынке ценных бумаг» к цифровой среде. ФЗ 259 определены следующие элементы механизма эмиссии (выпуска и обращения) цифровых финансовых активов.

1. Субъекты правоотношений цифровых финансовых активов

а). Правообладатели финансовых активов – физические и юридические лица

б). Оператор информационной системы - юридическое лицо (гражданин).

в). Приобретатели финансовых активов. Такими становятся с момента внесения в информационную систему записи о совершении такого перехода.

г). Оператор обмена цифровых финансовых активов (ст.10 ФЗ-259).

2. Средства обеспечения (фиксации) эмиссии цифровых финансовых активов в цифровом пространстве.

В криминалистическом плане информативны

1. *Распределительный реестр.* Посредством учета формируются сведения о выпусках цифровых эмиссионных ценных бумагах в информационной системе Интернет;

2. *Реестр пользователей владельцев ценных бумаг* (ведёт оператор информационной системы) (ст.8 ФЗ 259).

Учёт владельцев ценных бумаг в системе в необходимых случаях помогает их идентифицировать, установить содержательную составляющую участия (владелец активов или оператор активов)

Законом определён основной орган контроля. Таковым является Банк России. Его контрольная функция распространяется на эмиссию цифровых финансовых активов; соблюдение правил заполнения реестров; охватывает деятельность операторов информационных систем.

Изучение названных направлений контроля позволяет систематизировать контрольные действия Банка на контрольные мероприятия общего и специального характера.

Общий характер мероприятий охватывает: проверку кандидата на соответствие требованиям установленным законом к операторам информационной системы. Положительная оценка является основанием для включения лица (физического, юридического) в реестр операторов информационной системы. (ч.2 ст5 ФЗ-259). Оцениваются качественные характеристики используемой информационной системы, в которой осуществляется выпуск и обращение цифровых финансовых активов : степень соответствия правилам функционирования (работы) системы (ч.3 ст.5 ФЗ-259); уровень защиты от криминального проникновения; наличие/отсутствие факторов, влекущих сбой системы (ч.4 ст. ФЗ-5 259). Под контроль подпадает проверка своевременности внесения в реестр владельцев ценных бумаг, раскрытия содержания прав на ценные бумаги, информация о проведённых сделках с цифровыми финансовыми активами, выпущенными в информационной системе (ст. 6. ФЗ-259)

ФЗ 259 закреплены мероприятия специального характера. Перечень показывает, что разработчики закона рассматривали вопросы, связанные с созданием благоприятных условия для противодействия преступности в цифровыми активами. Так, на оператора информационной системы возложена обязанность по требованию правоохранительных органов направлять сведения относительно владельцев цифровых и самих активов, размещённых на его счете ч.3. ст.6 ФЗ. Внесены изменения и в закон «О банковской тайне». Органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность кредитные организации обязаны предоставлять информацию о счетах физических и юридических лиц, а также информацию относительно проводимых операций (ст.26 ФЗ 395-1)

Второе направление правового регулирования – создание механизма функционирования цифровой валюты на территории России.

№ 259-ФЗ – это первая попытка решения задачи урегулировать названный процесс создания и обращения цифровой валюты. Было бы ошибкой утверждать, что законом задача решена. Статья 14 ФЗ-№ 259 только обозначает наличие проблемы. Без какого либо нормативного регулирования нет. Раскрываются ряд положений, которые нужны для предприятия дальнейших попыток нормировать криптовалютную сферу деятельности.

Так, в правовой оборот вводится понятие «организация выпуска цифровой валюты в Российской Федерации». Понятие раскрывается как услуги по выпуску цифровой валюты. Указывается, что выпуск цифровой валюты основан на использовании доменных имён и сетевых адресов. [6, 68]

Определяются условия организации выпуска: доменная зона должны быть образована на территории Российской Федерации. Информационная

система, технические средства, программно-аппаратные доменные имена и сетевые адреса так же должны находиться на территории России. (п.1 ст.14 ФЗ-359).

Специалисты скептически относятся к попыткам ограничить цифровое пространство функционирования цифровой валюты границами одного государства [7, с.107, 8, с.117] В то же время Повысить качество расследования преступлений с криптовалютой без наличия национального законодательства очень сложно [9,с.32; 10, с.52; 11, с.21]. Поэтому должен продолжаться поиск законодательного регулирования криптовалютного обращения в отдельно взятом государстве - России

Представляется обоснованным суждения: в настоящее время сформированы факторы, которые ещё долгое время не позволят банку России обеспечивать контроль за крипто валютными операциями и соответственно сбор налогов; препятствовать обороту криминальных средств; противодействовать легализации денежных средств, и пр.

Фактор 1-й. Крипто валютные операции происходят не на национальном, а на международном уровне,[12, с.68] используется криптография – блокчейн

Фактор 2. Процесс протекает децентрализованно вне контроля государств. Не контролируемые Международные криптовалютные операции привлекательны тем, что они децентрализованы, реализуются минуя контроль государства. [13, с. 114] Соответственно существенно затрудняют правоохранительным органам противодействовать преступности в цифровом пространстве. Цифровая валюта переводится и обменивается на денежные знаки на территории любого государства. Она не имеет географических или политических границ, формируется вне независимости от какого-либо государства и его экономики [12,с.67]

Заключение.

1. Федеральным законом ФЗ 259 определён правовой механизм, способный обеспечить государственный контроль за функционированием финансовых активов в цифровой среде. Использование следственными органами, оперативными подразделениями положений ФЗ-259 позволяют получать сведения необходимые для выявления преступных действий, раскрытия преступлений, доказывание преступного умысла

2. В настоящее время ФЗ-259 не создал правовой механизм, который решил бы задачу государственного контроля над децентрализованной цифровой валютной (криптовалютной) платежной системой. Дальнейшее совершенствование редакции ФЗ-259 может опровергнуть утверждения о невозможности выявления преступных действий в области обращения цифровой валюты. Первые разработки криминалистических методик выявления, раскрытия и расследования преступлений в названной области подтверждают это.

Литература

1.Сергеев А.Б. Порог легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, как критерий уголовной ответственности // Социум и власть. 2012. № 1 (33). С. 85-87.

2. Драничникова Н.В., Захарова С.А., Сергеев А.Б. Проблемы развития спортивного права в России // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 91-95.

3.Сергеев А.Б. Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3 (50). С. 25-33.

4. Янин Д.Г., Сергеев А.Б. Совершенствование уголовно-процессуального права по вопросу передачи лица, осужденного судом российской федерации за особо тяжкие преступления, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 258-264.

5.Зайцев В.П., Мелешко В.В.Наложение ареста на имущество или арест имущества в уголовном процессе республики беларусь: за и против В книге: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД. Ответственный редактор Ю.А. Матвейчев. 2018. С. 311-313.

6. Сергеев А.Б. "Цифровое" доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 66-72.

7. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 С. 103-113

8. Жуков А.З., Абазов И.С., Битов А.А. Проблемы нормативно-правового регулирования обращения цифровых валют в Российской Федерации В сборнике: лучшая научная статья 2021. сборник статей XLIV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. С. 116-118.

9. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30 - 35.

10. Долгиева М.М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3. С. 50 – 54.

11 Перов В.А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20 – 22

12. Рябинин В.В. Правовое регулирование цифровой валюты и цифровых финансовых активов // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2021. № 3. С.67-64

13. Глухова Е.В., Сергеев А.Б. Международное право и решения европейского суда в развитии отечественного уголовного судопроизводства Учебное издание / Челябинск, 2018.

Issues of improving state control over economic activity in the digital space

Gilmutdinova A.F.

Chelyabinsk State University

The formation of the financial digital space is another intermediate stage in the development of funds, the form of manifestation of which was the emergence and development of cryptocurrencies. Interstate cryptocurrency (digital money) is perceived as a challenge to national currencies. Therefore, it seems obvious that Russia is striving to create its own national cryptocurrency platforms, to create state control over digital money circulation.

The objective of the study is to assess, based on the analysis, the existing federal legislation regulating the use of IT technologies in the circulation of securities (digital financial assets) and establishing (legislation) the basis for the functioning of digital currency on the territory of the Russian Federation. To determine the ability of the legislation in the process of formation to facilitate the timely detection, initiation of criminal cases, disclosure and investigation of economic crimes (including tax crimes) in the digital sphere of circulation of cryptocurrencies and digital financial assets.

A number of methodological means of cognition were used in the study. Among them is a system-structural analysis. The comparative legal method allows, by comparing the legislation regulating the existing material economic activity, to project on similar activities with the active use of IT technologies.

In conclusion, judgments are made that Federal Law FZ 259 has defined a legal mechanism capable of ensuring state control over the functioning of financial assets in the digital environment, and has created favorable conditions for investigative bodies, operational units to detect criminal acts, disclose crimes (including tax crimes), and prove criminal intent. The same laws failed to create a legal mechanism that would solve the problem of state control over a decentralized digital currency (cryptocurrency) payment system.

Keywords: cryptocurrency, tax crime, reasons for initiating criminal proceedings, digital financial assets

References

1. Sergeev A.B. The threshold of legalization of funds acquired by criminal means as a criterion for criminal liability // *Socium and power*. 2012. No. 1 (33). pp. 85-87.
2. Dranichnikova N.V., Zakharova S.A., Sergeev A.B. Problems of development of sports law in Russia // *Socium and power*. 2012. No. 5 (37). pp. 91-95.
3. Sergeev A.B. Investigative actions and typical mistakes in detecting and seizing evidence of criminal acts in the field of computer information // *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2022. No. 3 (50). pp. 25-33.
4. Yanin D.G., Sergeev A.B. Improving criminal procedure law on the issue of transferring a person convicted by a court of the Russian Federation for especially grave crimes to serve a sentence in the state of which this person is a citizen // *Eurasian Law Journal*. 2016. No. 2 (93). pp. 258-264.
5. Zaitsev V.P., Meleshko V.V. Seizure of property or seizure of property in the criminal process of the Republic of Belarus: pros and cons In the book: *Combating crime: theory and practice. Abstracts of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs*. Managing editor Yu.A. Matveychev. 2018. S. 311-313.
6. Sergeev A.B. "Digital" Evidence Law in Proceedings of Criminal Cases on Crimes in the Sphere of Computer Information: Expediency Issues // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2022. No. 3 (61). pp. 66-72.
7. Sitnik A. A. Digital currencies: problems of legal regulation // *Actual problems of Russian law*. 2020. Vol. 15. No. 11 C. 103-113
8. Zhukov A.Z., Abazov I.S., Bitov A.A. Problems of regulatory and legal regulation of the circulation of digital currencies in the Russian Federation In the collection: *the best scientific article 2021. collection of articles of the XLIV International Research Competition*. Penza, 2021, pp. 116-118.
9. Yani P.S. Fraud using electronic means of payment // *Legitimacy*. 2019. N 4. S. 30 - 35.
10. Dolgieva M.M. Legalization of cryptocurrency: judicial practice // *Legality*. 2021. No. 3. P. 50 – 54.
11. Perov V.A. Problematic issues arising in the investigation of criminal cases on crimes using cryptocurrency // *Russian investigator*. 2020. No. 7. P. 20 – 22
12. Ryabinin V.V. Legal regulation of digital currency and digital financial assets // *Actual issues of accounting and taxation*. 2021. N 3. P.67-64
13. Glukhova E.V., Sergeev A.B. International law and decisions of the European court in the development of domestic criminal justice Educational edition / Chelyabinsk, 2018.

Специализированная государственная корпорация народных художественных промыслов: сущность и особенности правового регулирования отдельных видов отношений

Жигалова Ирина Валерьевна

директор филиала ООО «Юридическая фирма Городисский и Партнеры» (г. Нижний Новгород), zhigalova-ira@mail.ru

Народные художественные промыслы - особая сфера материального и нематериального творческого труда. В этой связи народные художественные промыслы, несмотря на их актуализацию вне времени и пространства, в настоящее время приобретают особый правовой статус как комплексная сфера общественных отношений, находящаяся в постоянной трансформации на основе современных требований к ней. В статье предлагается создать Государственную корпорацию развития народных художественных промыслов и ремесел (ГКРНХПиР) на федеральном уровне. Роль ГКРНХПиР должна состоять в осуществлении ее деятельности в качестве института развития сферы НХП и представлять собой ключевой элемент инфраструктуры поддержки предпринимательской деятельности в сфере НХП. Основными задачами ГКРНХПиР должны являться: поддержка программ, проектов, мероприятий и субъектов деятельности в сфере НХП.

Ключевые слова: государственная корпорация, художественные промыслы, регулирование, специализация.

Народные художественные промыслы - особая сфера материального и нематериального творческого труда. Различные бытовые предметы, преобразуясь от предметов утилитарного назначения к особым произведениям искусства, на протяжении веков отражают национальные представления о прекрасном, находясь в тесной взаимосвязи с историей и самобытностью российского народа и народностей, населяющих Россию, условиями их жизни и особенностями национальной культуры. В этой связи народные художественные промыслы, несмотря на их актуализацию вне времени и пространства, в настоящее время приобретают особый правовой статус как комплексная сфера общественных отношений, находящаяся в постоянной трансформации на основе современных требований к ней.

В отличие от других видов искусства, именно народные художественные промыслы строятся на преемственности изготовления изделий преимущественно ручным способом, основанном на традиционных приемах и способах, сформированных в течение продолжительного периода времени. Кроме того, ручное производство как раз и позволяет развиваться промыслу за счет импровизации, творческих вариаций мастера в отношении традиционных форм НХП, отличаясь тем самым от других мастеров своим «фирменным» почерком.

Это предполагает адекватную правовую защиту народного искусства, чтобы предотвратить моральное, культурное и экономическое присвоение, а также с тем, чтобы нельзя было извлечь экономическую выгоду от ценности творческой интеллектуальной деятельности промыслов, принадлежащих, прежде всего истории российского народа. Действительно, права интеллектуальной собственности позволяют защищать традиционные выражения культуры посредством регистрации авторских и смежных прав, географических указаний, наименований мест происхождения товаров, товарных знаков и образцов.

Право интеллектуальной собственности предоставляет исключительные имущественные права, позволяющие контролировать коммерческую эксплуатацию традиционных выражений культуры создателями, и устанавливают моральную защиту тех же товаров, избегая их экспроприации третьими лицами и предотвращая недобросовестную конкуренцию. Однако защита традиционных выражений культуры с помощью права интеллектуальной собственности сопряжена с риском превращения этих

товаров в простые товары, что ставит на второе место важность культурных выражений на символическом и идентичностном уровнях. В этой связи необходимо обеспечить единый правовой режим на национальном уровне, способном ответить на все вызовы, которые охватывает эта проблема.

Правовые нормы, регламентирующие сферу народных художественных промыслов, образуют систему нормативно-правового регулирования, так как содержатся в различных нормативных правовых актах, которые имеют как прямое отношение к сфере народных художественных промыслов, так и (в большинстве случаев) являются комплексными и содержат нормы, касающиеся различных сфер деятельности вовлеченных в эту сферу лиц, оборота объектов интеллектуальной собственности и т.п. Данная система состоит из нескольких уровней в силу наличия в ней нормативных актов различной юридической силы. При этом сложившаяся в настоящее время ситуация с нормативно-правовым регулированием в сфере народных художественных промыслов отдает приоритет региональному законодательству, которое служит основанием для принятия органами государственной власти подзаконных актов, осуществляющих непосредственное регулирование правоотношениями в этой сфере.

Признание произведений народных художественных промыслов объектами интеллектуальных прав опирается на их восприятие как самостоятельного вида результатов творческой деятельности. Их специфика исходит из определенной художественной формы, ее взаимосвязью с традиционным содержанием, определенной социально-экономической ценностью и соответствующим правовым режимом. При этом в качестве самостоятельного объекта авторского права может быть признана часть произведения НХП, его наименование, конструктивные особенности, цветовые решения, технологии производства и т.п. в случае признания их самостоятельным результатом творческого труда автора и возможности самостоятельного использования, наличия новизны и оригинальности.

Правовое регулирование сферы народных художественных промыслов играет определенную роль в социально-культурной жизни современной России в силу того, что обеспечение единообразного и комплексного подхода к объективной регламентации как производства и оборота изделий народных художественных промыслов, так и творческой деятельности субъектов народных художественных промыслов существенно влияет на развитие не только культурного потенциала определенных регионов, но и народного искусства в России в целом [1, с. 9]. Являясь воплощением многовекового художественного восприятия окружающей действительности, НХП отражают наравне с художественными традициями авторский самобытный замысел и уникальность не только самих произведений народных промыслов, но и исключительность техник и технологий их производства в России [2, с. 26].

НХП является разновидностью творческой деятельности, в результате которой создаются куль-

турные ценности, материальным выражением которых можно считать изделия народного художественного промысла. Рассматривая применимость защиты интеллектуальных прав к «культурным ценностям», каковыми выступают изделия НХП, следует обосновать необходимость подобной защиты. Прежде всего, поскольку речь идет о «культурных ценностях», важно отметить, что это понятие не существует в сфере права интеллектуальной собственности.

Хотя способы и методы осуществления защиты интеллектуальных прав достаточно разнообразны, содержание самого понятия «защита» обычно понимается как совокупность определенных действий, нашедших свое закрепление в российском законодательстве и имеющих своей целью восстановление нарушенных прав. При этом к наиболее распространенному способу защиты интеллектуальных прав следует отнести применение мер гражданско-правовой защиты.

Согласно положениям российского гражданского законодательства в качестве основных субъектов интеллектуальных прав обычно признаются автор и правообладатель. Согласно общему правилу, выбор способа защиты составляет прерогативу правомочного лица. Тем не менее, существует ряд случаев, когда выбор способа защиты может быть осуществлен не обладающими исключительными правами субъектами. Такими, например, выступают осуществляющие коллективное управление правами организации. При этом положения ст. 1250, 1252, 1253 ГК РФ в их новой редакции только подтверждают усиление защиты авторских прав.

Основная цель создания государственного предприятия четко определена как «осуществление социальной, административной или иной общественно полезной деятельности», в отличие от других некоммерческих организаций.

На формально-институциональном уровне государственная корпорация (ГК) представляет собой разновидность государственно-частного партнерства в форме государственных инвестиций в предприятия приоритетных отраслей. Фактически гражданское право является средством перераспределения государственной собственности.

Создание бизнес-организаций также положительно влияет на создание конкурентной среды. Он в первую очередь апеллирует к общественно необходимой части экономики, а не к частным компаниям. Это связано с преимуществами государственных предприятий как организационно-правовой формы, например: обеспечивают наилучший учет интересов общества; партнеры не имеют материальных или иных прав на свое имущество, но могут заниматься бизнесом; прибыль направляется на создание компании.

Поэтому создание хозяйствующего субъекта с особым правовым статусом является разумным и осмысленным ответом на вызовы, стоящие перед органами власти с учетом современных тенденций технологического развития. Это обновление инсти-

тутов развития, которое компенсирует несостоятельность национальной системы управления в процессе диверсификации экономики [3, с. 9].

Еще одно потенциальное преимущество государственных предприятий может проявиться в контексте посткризисного развития. Он поддерживает развитие государственно-частного партнерства. Их правовой статус в Гражданском кодексе позволяет им быть учредителями различных государственных и частных компаний и представлять интересы государства.

В связи с этим предлагается создание Государственной корпорации развития народных художественных промыслов и ремесел (ГКРНХПИР) на федеральном уровне, целью которой является реализация основных направлений политики страны в области промыслов, повышения эффективности деятельности в этой сфере и оказания финансовой и иной поддержки, а также для иных целей, указанных в уставе [4, с. 87].

При этом важно учитывать, что ограниченность полномочий органов власти является сдерживающим фактором инновационного процесса в системе отношений государственной собственности. Это проявляется, среди прочего, в ужесточении бюджетных ограничений и чрезмерной зависимости от бюрократии.

Создание государственных предприятий на местах имеет правовой статус, позволяющий им расширить свою экономическую свободу по сравнению с другими предприятиями и эффективно работать, не ориентируя свою деятельность на максимизацию прибыли.

Роль ГКРНХПИР должна состоять в осуществлении ею деятельности в качестве института развития в сфере народных художественных промыслов и вхождении в состав инфраструктуры поддержки деятельности в области народных художественных промыслов в качестве основного института. Следовательно, ГКРНХПИР ориентирована на решение следующих задач:

- поддержка программ, проектов, мероприятий и субъектов деятельности в сфере народных художественных промыслов;

- организация системы информационных, маркетинговых, финансовых (в том числе гарантийных) и мер правовой помощи в области сельского декоративно-прикладного искусства;

- обеспечение обмена информацией с государственными органами, органами местного самоуправления и другими учреждениями и организациями по сохранению, восстановлению и развитию народного декоративно-прикладного искусства;

- подготовка предложений по разработке мер поддержки в области народно-прикладного искусства страны, рекомендации по совершенствованию правового регулирования в этой сфере и многие другие [5, с. 82].

ГКРНХПИР может выступать в качестве организации-разработчика и выполнять взятые на себя обязательства по оказанию финансовой и иной поддержки субъектам деятельности в сфере НХП, субъектам Российской Федерации и всем формам

местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации; предоставлять ссуды, субсидии, осуществлять взносы в капитал, предоставлять различные виды капитальной аренды (лизинга).

Кроме того, ГКРНХПИР должна осуществлять функции оператора субсидий и грантов, предоставляемых на сохранение, возрождение и развитие НХП, на поддержку производства и реализации изделий НХП. Для комплексного решения обозначенных задач в сфере НХП предлагается применить новую технологию коммуникаций на базе ГКРНХПИР создания Единого центра НХП (рисунком 1) с цифровой платформой НХП [6, с. 25].

С учетом требований российского законодательства ГКРНХПИР должна осуществлять полномочия собственника в отношении художественно-стилевых особенностей народных художественных промыслов, а также при необходимости – и в отношении иных объектов ИС, связанных со сферой НХП и представляющих особую художественную ценность.

Формирование и ведение Реестра художественно-стилевых особенностей народных художественных промыслов и произведений народных художественных промыслов Российской Федерации осуществляется ГКРНХПИР в порядке, установленном Правительством РФ. Заявка на регистрацию художественно-стилевых особенностей народных художественных промыслов и произведений народных художественных промыслов, которые являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, может быть подана их правообладателем в течение срока действия исключительного права на соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

На ГКРНХПИР может быть возложено ведение Общероссийского реестра художественно-стилевых особенностей НХП и Общероссийского реестра изделий, типовых образцов и произведений НХП, Общероссийского реестра зарегистрированных образцов изделий НХП признанного художественного достоинства, Государственного реестра мест традиционного бытования НХП.

Необходимо поручить Правительству Российской Федерации в лице учредителей утвердить целевые показатели эффективности поддержки субъектов деятельности в сфере сельских промыслов и ремесел за счет средств, выделяемых из федерального бюджета.

Автор статьи предлагает создать на федеральном уровне ГКРНХПИР для реализации основных направлений политики страны в области коренных ремесел.

В то же время необходимо отметить, что лимитирующим фактором инновационного процесса в системе отношений государственной собственности является узость полномочий органов власти, что выражается, в том числе, в ужесточении бюджетных ограничений и сверхзависимости от бюрократии.

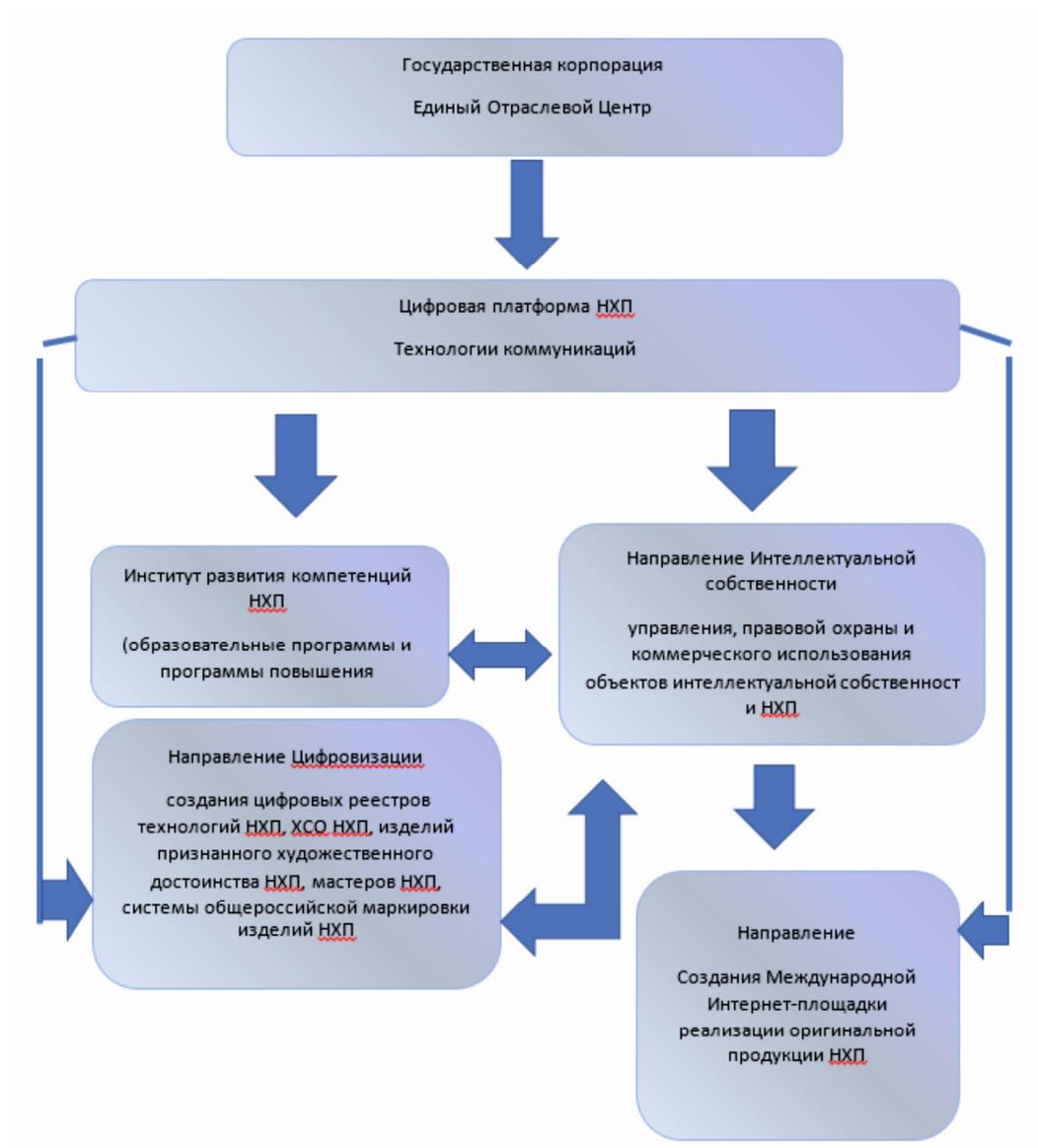


Рисунок 1. Новая технология коммуникаций на базе ГКРНХПиР [составлено автором исследования]

Создание государственных предприятий на местах имеет правовой статус, позволяющий им расширить свою экономическую свободу по сравнению с другими предприятиями и нормально работать, не ориентируя свою деятельность на максимизацию прибыли.

Таким образом, роль ГКРНХПиР должна состоять в осуществлении ее деятельности в качестве института развития в сфере народных художественных промыслов. Данная государственная корпорация должна войти в состав инфраструктуры поддержки деятельности в области народных художественных промыслов как основной институт.

Роль ГКРНХПиР должна состоять в осуществлении ею деятельности в качестве института развития в сфере НХП и вхождении в состав инфраструктуры поддержки деятельности в области НХП в качестве основного института.

Литература

1. Абалкин Л. И. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6. С. 9.

2. Ручкина Г. Ф., Ручкин О. Ю. Имущественная основа деятельности государственных корпораций в Российской Федерации: правовой аспект // Юридический мир. 2008. № 6. С. 26–30.

3. Сильвестров С. Н., Зельднер А. Г., Ширяева Р. И. Государственные корпорации: проблемы и перспективы // Экономика и политика. 2010. № 8(69). С. 9.

4. Зеер, Э. Ф. Ремесленная профессиональная деятельность: психологический аспект / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. Известия Урал. отд. Рос. Акад. образования. – 2003. – № 1(19). – С. 87–88.

5. Курбанов, Р. А. Вопросы охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на евразийском пространстве / Р. А. Курбан // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 82–86.

6. Мазаев, Д. В. Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства / Д. В. Мазаев // Общество и право. – 2013. – № 4(46). – С. 25–29.

Specialized state corporation of folk art crafts: essence and peculiarities of legal regulation of certain types of relations

Zhigalova I.V.

Law Firm Gorodissky and Partners LLC

Folk arts and crafts are a special area of material and non-material creative labor. In this regard, folk art crafts, despite their actualization outside of time and space, are currently acquiring a special legal status as a complex sphere of social relations, which is in constant transformation based on modern requirements for it. The article proposes to create the State Corporation for the Development of Folk Arts and Crafts (GKRNHPIR) at the federal level. The role of the SCRNC&R should be to carry out its activities as an institution for the development of the NCP sector and to be a key element of the infrastructure for supporting entrepreneurial activities in the NCP sector. The main tasks of the SCRNC&R should be: support for programs, projects, activities and subjects of activity in the field of NCP.

Keywords: state corporation, art crafts, regulation, specialization.

References

1. Abalkin L. I. The role of the state in the formation and regulation of the market economy // Questions of Economics. 1997. No. 6. S. 9.
2. Ruchkina G. F., Ruchkin O. Yu. Property basis of state corporations in the Russian Federation: legal aspect // Legal world. 2008. No. 6. S. 26–30.
3. Silvestrov S. N., Zeldner A. G., Shiryayeva R. I. State corporations: problems and prospects // Economics and Politics. 2010. No. 8(69). S. 9.
4. Zeer, E. F. Craft professional activity: psychological aspect / E. F. Zeer // Education and science. Izvestia Ural. otd. Ros. Acad. education. - 2003. - No. 1 (19). – P. 87–88.
5. Kurbanov, R. A. Issues of protection and protection of rights to objects of intellectual property in the Eurasian space / R. A. Kurban // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 6. - P. 82–86.
6. Mazaev, D. V. Correlation between the categories of "legal protection" and "legal protection" in the context of branches of Russian law and legislation / D. V. Mazaev // Society and Law. - 2013. - No. 4 (46). – P. 25–29.

Защита прав граждан на социальное обеспечение: правовой аспект

Холина Ирина Сергеевна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
EvreinovalS@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО Московский международный университет,
Kuleshovgeorge2@gmail.com

Чинарян Елизавета Амаяковна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
ChinarlanEA@rgsu.net

Чижикова Вера Викторовна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
ChizhikovaVV@rgsu.net

Конституция РФ гарантирует социальное обеспечение и социальную защиту каждому человеку по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Политика российского государства в соответствии с Основным законом должна обеспечивать свободное развитие и достойную жизнь каждого гражданина. В своем ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. глава государства В.В. Путин выступил с предложением установления конкретных мер по повышению уровня социальной обеспеченности российских граждан, в том числе семьям с маленькими детьми. Исходя из этого реализацию предложенных мер социальной поддержки российских граждан в обязательном порядке следует обеспечить эффективными мерами защиты прав граждан на социальное обеспечение.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальное государство, меры социальной поддержки, материнский капитал, судебные примирители, государственная инспекция труда.

Всеобщая декларация прав человека (статья 2) признает и закрепляет права и свободы каждого человека, независимо от пола, языка, расы, цвета кожи, вероисповедания, социального или национального происхождения, политических или иных убеждений, сословного, имущественного положения или иных положений.

В статье 23 Всеобщей декларации прав человека закреплено право каждого человека трудиться, свободно выбирать работу, иметь благоприятные и справедливые трудовые условия, быть защищенным от безработицы. Каждый работающий человек вправе получать удовлетворительное и справедливое вознаграждение за свой труд, которое обеспечивает ему достойное существование и которое, по мере необходимости, может быть дополнено прочими мерами социальной защиты [1].

Непосредственно социальному обеспечению посвящена статья 25 Всеобщей декларации прав человека, которая закрепляет право каждого человека на необходимый уровень жизни, медицинскую помощь, социальное обеспечение и обслуживание себя и членов семьи в случае наступления ухудшения здоровья, потери работы, инвалидности, старости, потери кормильца и иных непредвиденных случаях [1].

В соответствии со статьей 7 Конституции РФ Россия имеет статус социального государства, что предполагает гарантию социально-экономических прав и свобод человека и гражданина и обязанность государства создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь граждан. В первую очередь это касается пенсионеров, безработных, лиц с инвалидностью, малоимущих граждан [8].

Сегодня не существует определенного значения термина обозначающего социальное государство. В рамках настоящей научно-исследовательской работы имеет место быть такое определение социального государства, в котором все сферы общественной жизни основываются на гуманитарных постулатах социальной справедливости, общественном единогласии и равенстве, а социально-экономические права и свободы человека и гражданина гарантируются и охраняются. Политическая и идеологическая направленность социального государства опирается на интересы, прежде всего, народа, а не правительства.

Требования к социальному государству закреплены в Концепции формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества, согласно которой социальное государство представлено как правовое демо-

кратическое государство, в котором человек является высшей ценностью. Согласно данной Концепции социальное государство создает условия для благополучия граждан, обеспечения достойного уровня жизни, самореализации свободного развития творческого (трудового) начала каждого человека. В Концепции также обозначены критерии «социальности» государства, среди которых: обеспечение стандартов достойной жизни для большинства граждан; сокращение и устранение бедности; адресная поддержка наиболее уязвимых слоев и групп населения; социальная справедливость общества; права и гарантии, направленные на укрепление семьи [9].

Страны Запада еще в 1940-е гг. заявили о доступности социального обеспечения для всех граждан. Этот всесторонний социальный подход нашел отражение в рекомендациях МОТ 1944 г. "Об обеспечении дохода" N 67 [14] и "О медицинском обслуживании" N 69 [15]. Данные рекомендации способствовали закреплению права на социальное обеспечение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 22) [1], в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 9) [11], Конвенции N 102 Международной организации труда "О минимальных нормах социального обеспечения" 1952 г. [4] и нашли отражение в Принципе ответственности общества за социальное благополучие людей, подтвержденным Всемирным саммитом 1995 г. по устойчивому социальному развитию, провозглашением ООН в 2000 г. целей развития тысячелетия, Всемирной встречей на высшем уровне ООН 2005 г. и т.д.

В России в соответствии с ч. 1 ст. 39 Конституции РФ каждому человеку гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом [8]. Конституционный Суд РФ отмечает: хотя социальное обеспечение может охватывать различные виды помощи и поддержки граждан, однако по смыслу конституционных норм основное его содержание заключается в материальном обеспечении, предоставлении человеку средств к существованию.

Социальное обеспечение граждан является ведущим направлением социальной политики государства и оказывается в случае возникновения определенных социальных (страховых) случаев. Социальная политика государства представляет собой одну из функций государства, направленную на жизнеобеспечение, социальное благополучие и развития населения, осуществляемую с помощью конкретных мер и мероприятий. Создавая благоприятные условия для нормальной жизнедеятельности людей, государство, путем осуществления социальной политики, обеспечивает минимальный уровень социальных гарантий.

Рассмотрим социальную политику государства в двух смыслах: в узком смысле слова и в широком. В узком смысле слова социальная политика вклю-

чает в себя социальную защиту, социальное обеспечение и государственную поддержку социально незащищенных категорий граждан.

На наш взгляд данное определение значительно сужает функциональное содержание социальной политики государства, позволяя обойти конституционное предписание по созданию условий, которые обеспечивают свободное развитие человека и достойное проживание.

В широком смысле социальная политика представляет собой систему государственных мер по регулированию отношений между разными социальными категориями населения в целях улучшения уровня и качества жизни населения, повышения общественного благосостояния, эффективного использования трудовых ресурсов и на этой основе роста экономического потенциала государства.

Для решения данных задач в нашей стране были установлены стандарты социального обеспечения, закреплённые в Конвенции МОТ 1952 г. N 102 "О минимальных нормах социального обеспечения" [4], которые являются важной отличительной чертой цивилизованного государства. Под стандартами социального обеспечения понимаются социальные принципы и нормы, которые обеспечивают реализацию гарантированных социальных прав граждан. В большинстве западных стран, признанных социальными государствами, государственные социальные стандарты выполняют роль ориентиров в построении и реализации социально-экономической политики государства.

О наличии у нас принятых во всем мире ориентиров развития системы социального обеспечения свидетельствуют и другие ратифицированные Россией базовые конвенции в области социального обеспечения – Конвенция N 118 "О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения" 1962 г. [5], Конвенция N 128 "О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца" 1967 г. [6] и Конвенция N 157 "Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения" 1982 г. [7]

Государственные социальные стандарты в России действует и в сфере трудовых отношений. Например, установленные в Трудовом кодексе РФ в ст. 133 и 133.1 стандарты по минимальному размеру оплаты труда, стандарты по продолжительности ежегодного основного оплачиваемого отпуска в ст. 115 и т.д. [16].

Обращаясь 15 января 2020 г с Посланием к Федеральному Собранию РФ, Президент предложил «не откладывая решать социальные задачи» для обеспечения достойного уровня жизни российских граждан, решать демографические проблемы в стране, отметил, что именно низкие доходы в семьях представляют собой прямую угрозу для демографического будущего нашего государства [2].

Существенными средствами оказания государственной социальной поддержки сегодня являются система пенсионного обеспечения, система пособий льгот и выплат компенсационного характера.

Обозначим ряд мер по оказанию социальной поддержки российских семей с детьми, предложенных Президентом РФ. В первую очередь, это касается денежных выплат семьям с детьми: увеличение размера ежемесячных выплат до достижения ребенком 3-х лет с января 2020 г., установление ежемесячных выплат на детей от 3-х до 7-ми лет для тех семей с детьми, доходы которых не превышают одного прожиточного минимума на человека. Вторых – это продление программы материнского капитала до 31 декабря 2026 г., а также расширение прав отцов на материнский капитал, которые в одиночку воспитывают детей после смерти их матери, имевшей иностранное гражданство.

Сумма материнского капитала при рождении первого ребенка с 1 февраля 2022 году составляет 524,5 тыс. руб. При рождении второго ребенка размер материнского капитала составляет 693,1 тыс. руб., при условии, что семья ранее не оформляла материнский капитал на первого ребенка. Если семья уже получала материнский капитал на первого ребенка, то при рождении второго будет доплата к материнскому капиталу в размере 168,6 тыс. руб. Средства материнского капитала можно потратить на улучшение жилищных условий, на ежемесячные выплаты на второго ребенка до 3-х лет, образование ребенка, в том числе на занятия ребенка в кружках, секциях или бассейне, оплату социальной реабилитации для детей с инвалидностью и накопительную часть будущей пенсии матери.

30 апреля 2022 г. Президент РФ подписал закон, расширяющий основания для получения материнского капитала отцами-одиночками после смерти матери детей – гражданки иностранного государства. Отец, в том числе и усыновитель, может претендовать на данную меру социальной поддержки в первом случае, если он в одиночку воспитывает 2-го, 3-го ребенка или последующих детей, рожденных после 1 января 2007 года, в случае смерти матери, имевшей иностранное гражданство. Во втором случае, если отец в одиночку воспитывает первого ребенка, рожденного после 1 января 2020 года, в случае смерти их матери, имевшей иностранное гражданство. При этом у детей должно быть российское гражданство.

Также закон устанавливает возможность перехода права на материнский капитал к ребенку или детям в равных долях в случае смерти мужчины-отца, воспитывающего одного, двух и более детей. Помимо смерти, распределение средств маткапитала между детьми возникает, если отец оставил ребенка, дал письменное согласие на усыновление своего ребенка другим мужчиной, был лишен родительских прав, в том числе права на усыновление, совершил в отношении детей преступление. Такое право сохраняется за детьми до достижения ими 23-ти летнего возраста [17].

С 2022 года право на материнский капитал было также признано Конституционным судом РФ за отцами, воспитывающих детей, рожденных суррогатными матерями. Ранее данное правило право распространялось только на супружеские пары, кото-

рые воспользовались услугами суррогатной матери. Конституционный суд РФ разъяснил, что, если в семьях изначально в качестве единственного родителя детей, рожденных суррогатной матерью, судом был признан их биологический отец, а затем, после заключения брака, дети были усыновлены его супругой, у этой женщины право на получение материнского капитала не возникает, поскольку данные дети приходится ей падчерицами или пасынками [12].

Заметим, что суррогатное материнство впервые было обозначено в Приказе Минздрава России от 30.08.2012 N 107н (ред. от 01.02.2018) "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению"[13]. До 2012 года суррогатное материнство законодательно не регулировалось. В настоящее суррогатное материнство регулируется на основании ст. 55 (применение вспомогательных репродуктивных технологий) федерального закона от 21.11.2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" и ст. 51 (запись родителей ребенка в книге записей рождений) Семейного кодекса Российской Федерации.

Следует отметить, что законодательство о социальном обеспечении не имеет единого кодифицированного акта, что значительно затрудняет поиск нужных нормативных актов в системе социального обеспечения, а также способствует возникновению пробелов и коллизий в праве социального обеспечения.

Так в Постановлении Конституционного суда РФ от 29.06.2021 N 30-П "По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области" по делу об отказе отцу детей, рожденных суррогатной матерью и его супруге, усыновившей (удочерившей) его детей, было признано, что часть 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 671 (часть 4), в той мере, в какой она не предоставляет права на получение материнского (семейного) капитала указанным лицам [12].

Конституционный суд РФ постановил, что федеральному законодателю надлежит внести соответствующие изменения в законодательство, регулирующим данный вопрос на основании вышеуказанного Постановления Конституционного суда РФ от 29.06.2021 N 30-П.

Таким образом, при восстановлении прав граждан на социальное обеспечение и разрешении юридических споров Конституционный суд РФ вынужден был восполнить пробел, имеющийся в действующем законодательстве о социальном обеспечении в вопросе, связанном с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (суррогатного материнства), и тем самым сформировать правоприменительную практику в данном вопросе.

Решение данной правовой проблемы Конституционным судом РФ говорит об эффективности судебной защиты прав граждан на социальное обеспечение и в тоже время свидетельствует о разобщенности, непоследовательности, противоречивости законодательных норм в сфере социального обеспечения. Данное положение дел приводит к недостатку тождественности правоприменительной практики и ее противоречивости, что приводит к образованию потока жалоб со стороны граждан, которые считают свое право на социальное обеспечение нарушенным [3].

Еще одними средствами восстановления и защиты нарушенного права в сфере социального обеспечения, помимо судебного является возможность обращения к судебному примирителю, в прокуратуру, в государственную инспекцию по труду, а также возможность воспользоваться помощью медиатора.

Отметим, что в праве социального обеспечения отсутствуют репрессивные санкции, тогда как имеются правоограничительные и правовосстановительные.

В системе социального обеспечения в настоящее время реализуется правило, согласно которому излишне выплаченные в результате недобросовестности граждан суммы пособий, пенсий и иных денежных подлежат возмещению органу соцзащиты, по решению которого они предоставлялись. По мнению Маслова С., юридической ответственностью в праве социального обеспечения является фактическое претерпевание правонарушителем лишений имущественного характера, предусмотренных санкцией, вследствие нарушений предписаний норм права социального обеспечения, с целью восстановления нарушенного права [10].

Следует отметить, что социально-обеспечительные гарантии распространяется на всех граждан России, а проблемы в сфере социального обеспечения привлекают особое внимание и являются наиболее дискуссионными в обществе. Это касается проблем очень низкого уровня выплат социальных пособий в регионах, особенно детских, необоснованно ужесточенных условий для их выплаты; несовершенства пенсионного законодательства; непоследовательное развитие законодательства о социальной защите инвалидов и иных субъектов права социального обеспечения.

Так постоянные изменения пенсионного законодательства и нестабильность пенсионной системы привели к тому, что большинство граждан не ориентируется в требованиях пенсионного законодательства, сомневается в его надежности и эффективности, сознательно избегает уплаты страховых платежей, что приводит к теневой занятости и увеличению числа работающих граждан, неоформленных по трудовому договору. Также касается и правовой незащищенности работавших по срочному трудовому договору работниц-матерей, которые могут не получить детские пособия и подлежат увольнению, в связи с истечением срока трудового договора.

В настоящее время выплата пособия по беременности и родам, пособия по временной нетрудоспособности, пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет рассчитываются исходя не из фактически утраченного застрахованным заработка как раньше, а из суммы заработка, полученной в течение 2-х календарных лет, предшествующих году наступления страхового случая, что существенно понижает размер выплат. Если при введении компенсационной выплаты работницам-матерям, находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет (1994 г.), ее размер составлял 50% от минимального размера оплаты труда, то в настоящее время дана сумма составляет всего лишь 50 руб.

Таким образом, защита прав граждан на социальное обеспечение реализуется в обязанности государства предоставить необходимые блага каждому человеку в указанных Конституцией случаях, о чем упоминается и в решениях Конституционного Суда РФ. Предписание Конституции РФ (ст. 39) о гарантированности права на социальное обеспечение обязывает государство выполнять соответствующую функцию всеми возможными способами, включая правовое регулирование. Поскольку реализация социальных прав зависит от деятельности государства, государственных органов и учреждений, законодателем должна быть конкретизирована и усилена юридическая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение корреспондирующих с этими правами обязанностей.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. N 67.
2. Гусев А.Ю. Проблемы защиты права российских граждан на социальное обеспечение // Социальное и пенсионное право. 2020. № 2.С.14-17.
3. Ерофеева О.В. Защита прав граждан на социальное обеспечение: отдельные аспекты судебной практики // Социальное и пенсионное право. 2008. № 1.С.23-28.
4. Конвенция № 102 Международной организации труда "О минимальных нормах социального обеспечения" (Заклучена в г. Женеве 28.06.1952 г.) // Собрание законодательства РФ. 08.06.2020. N 23. Ст. 3589.
5. Конвенция №118 Международной организации труда "О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения" (Заклучена в г. Женеве 28.06.1962 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1330 - 1337.
6. Конвенция № 128 Международной организации труда "О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца" (Вместе с "Международной стандартной промышленной классификацией всех отраслей хозяйственной деятельности") (Заклучена в г. Женеве 29.06.1967 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Междуна-

родной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1531 - 1552.

7. Конвенция № 157 Международной организации труда "Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения" (Заключена в г. Женеве 21.06.1982 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957 - 1990. Т. II.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1971 - 1982.

8. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 21.10.2022 г.)

9. Концепция формирования правовых основ и механизмов реализации социального государства в странах Содружества (Принята в г. Санкт-Петербурге 31.05.2007 г. Постановлением 28-6 на 28-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 40. С. 153 - 193.

10. Маслов С., 2007, Понятие и виды юридической ответственности субъектов отношений по социальному обеспечению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 N 30-П "По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области" // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision543098.pdf> (дата обращения 21.10.2022 г.)

13. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 N 107н (ред. от 01.02.2018) "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 N 27010) // Российская газета. 2013. Спецвыпуск, N 78/1.

14. Рекомендация N 67 Международной организации труда "Об обеспечении дохода" (Вместе с "Руководящими принципами") (Принята в г. Филадельфии 12.05.1944 на 26-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919 - 1956. Т. I.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 591 - 612.

15. Рекомендация N 69 Международной организации труда "О медицинском обслуживании" (Принята в г. Филадельфии 12.05.1944 на 26-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной

конференцией труда. 1919 - 1956. Т. I.- Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 616 - 633.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.

17. Федеральный закон от 30.04.2022 N 116-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 02.05.2022. N 18. Ст. 3002.

Protection of the right of citizens to social security: legal aspect
Kholina I.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.A., Chizhikova V.V.

RSSU College RSSU

The Constitution of the Russian Federation guarantees social security and social protection for every person by age, in case of illness, disability, loss of a breadwinner, for raising children and in other cases established by law. The policy of the Russian state, in accordance with the Basic Law, must ensure the free development and decent life of every citizen. In his annual Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on January 15, 2020, Head of State V.V. Putin came up with a proposal to establish specific measures to improve the level of social security of Russian citizens, including families with small children. Based on this, the implementation of the proposed measures of social support for Russian citizens must be ensured by effective measures to protect the rights of citizens to social security.

Keywords: social security, welfare state, social support measures, maternity capital, court mediators, state labor inspectorate.

References

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // Rossiyskaya gazeta. 1995. N 67.
2. Gusev A.Yu. Problems of protecting the right of Russian citizens to social security // Social and pension law. 2020. No. 2. S.14-17.
3. Erofeeva O.V. Protection of the rights of citizens to social security: certain aspects of judicial practice // Social and pension law. 2008. No. 1. S.23-28.
4. Convention No. 102 of the International Labor Organization "On the minimum standards of social security" (Concluded in Geneva on June 28, 1952) // Collected Legislation of the Russian Federation. 06/08/2020. N 23. Art. 3589.
5. Convention No. 118 of the International Labor Organization "On the equality of citizens of the country and foreigners and stateless persons in the field of social security" (Concluded in Geneva on June 28, 1962) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1957 - 1990. Vol. II. - Geneva: International Labor Office, 1991. S. 1330 - 1337.
6. Convention No. 128 of the International Labor Organization "On Disability, Old Age and Survivor Benefits" (Together with the "International Standard Industrial Classification of all branches of economic activity") (Concluded in Geneva on 06/29/1967) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1957 - 1990. Vol. II. - Geneva: International Labor Office, 1991. S. 1531 - 1552.
7. Convention No. 157 of the International Labor Organization "On the establishment of an international system for the preservation of rights in the field of social security" (Concluded in Geneva on June 21, 1982) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1957 - 1990. Vol. II. - Geneva: International Labor Office, 1991. S. 1971 - 1982.
8. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access 10/21/2022)
9. The concept of the formation of the legal foundations and mechanisms for the implementation of the social state in the Commonwealth countries (Adopted in St. Petersburg on May 31, 2007 by Resolution 28-6 at the 28th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of States Members of the Commonwealth of Independent States. 2007. No. 40. S. 153 - 193.
10. Maslov S., 2007, The concept and types of legal liability of subjects of social security relations: author. dis. ... cand. legal Sciences.
11. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted on 12/16/1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. N 17. Art. 291.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2021 N 30-П "On the case of checking the constitutionality of Article 3 of the Federal Law "On additional measures of state support for families with children" in connection with the request of the Konakovo City Court of the Tver Region" // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision543098.pdf> (Accessed 21.10.2022)
13. Order of the Ministry of Health of Russia of August 30, 2012 N 107n (as amended on February 1, 2018) "On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on February 12, 2013 N 27010) // Rossiyskaya Gazeta. 2013. Special issue, N 78/1.
14. Recommendation N 67 of the International Labor Organization "On Income Security" (Together with the "Guidelines") (Adopted in Philadelphia on

- 05/12/1944 at the 26th session of the ILO General Conference) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1919 - 1956. T. I. - Geneva: International Labor Office, 1991. S. 591 - 612.
15. Recommendation N 69 of the International Labor Organization "On Medical Care" (Adopted in Philadelphia on May 12, 1944 at the 26th session of the ILO General Conference) // Conventions and recommendations adopted by the International Labor Conference. 1919 - 1956. T. I. - Geneva: International Labor Office, 1991. S. 616 - 633.
16. Labor Code of the Russian Federation "of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on November 4, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 7, 2002. N 1 (part 1). Art. 3.
17. Federal Law of April 30, 2022 N 116-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 05/02/2022. N 18. Art. 3002.

Правовое обеспечение развития возобновляемой энергетики в России

Черных Наталья Анатольевна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
ChernykhNA@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО Московский международный университет,
Kuleshovgeorge2@gmail.com

Лутовинова Наталья Викторовна
старший преподаватель кафедры общей юриспруденции,
ФГБОУ ВО РГСУ

Чижикова Вера Викторовна
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ,
ChizhikovaVV@rgsu.net

В современном мире, с учетом роста уровня производства и потребления наиболее остро стоит вопрос перехода на возобновляемые источники энергии. Создание современной правовой базы, регулирующей вопросы качества окружающей среды, является основным и приоритетным вопросом государственной политики Российской Федерации.

В статье рассмотрены вопросы правового обеспечения возобновляемой энергетики в России, проанализировано законодательство в данной области, дан анализ проблем развития законодательства в сфере возобновляемой энергетики; сформулированы пути совершенствования правового регулирования отношений в указанной сфере.

Ключевые слова: устойчивое развитие, возобновляемые источники энергии, ВИЭ, зеленая энергетика, правовые стимулы, нормативное регулирование.

В современном мире, с учетом роста уровня производства и потребления наиболее остро стоит вопрос перехода на возобновляемые источники энергии.

В России вопрос развития возобновляемой энергетики является достаточно сложным. На сегодняшний момент, без учета гидроэнергетики, электрическая энергия из восстанавливаемых источников занимает лишь малый процент в общем соотношении производимой и расходуемой электрической энергии. В настоящее время Российская Федерация не уступает по уровню выработки возобновляемой энергии США, Китаю, Германии, Испании, а также некоторым другим странам. В этих странах уже многие годы существуют законодательные акты, направленные на производство возобновляемой энергии [9].

Стоит отметить, что «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия) к основным угрозам относит, в том числе факторы, связанные с глобальным изменением климата [6].

В соответствии с данным документом к основным угрозам и вызовам экономической безопасности помимо всего прочего относятся:

- динамика изменения общей структуры спроса в мире на энергетические ресурсы и особенности их потребления в обществе, развитие специализированных энергосберегающих технологий и уменьшение материалоемкости, развитие «зеленых технологий»;

- снижение экспортно-сырьевой тенденции развития экономики, уменьшение роли обычных факторов обеспечения роста экономики и производства, связанные с научно-технологическим развитием.

С учетом вышесказанного, создание современной правовой базы, регулирующей вопросы качества окружающей среды, является основным и приоритетным вопросом государственной политики Российской Федерации.

Следует признать, что необходимо всеобъемлющее развитие инфраструктуры в области энергетики, эффективное введение в производственный цикл перспективных технологий, позволяющих сэкономить энергетические ресурсы, повышение общей результативности в области переработки энергетических ресурсов и расширение ассортимента продукции с обязательной переориентацией их на новые рынки сбыта. Кроме того внедрение на уровне государства низкоуглеродной модели эко-

номики с учетом мирового опыта перехода на возобновляемые источники энергии с перспективой расширения производства на экспорт.

В ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) "Об электроэнергетике" обозначено, что электроэнергетика является одной из отраслей российской экономики, которая включает в себя экономические отношения, возникающие в процессе передачи и производства электроэнергии, комбинированной выработки тепловой и электрической энергии, потребления и сбыта оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике, потребления и сбыта электроэнергии с использованием производственных и иных имущественных объектов. Электроэнергетика является важной составляющей жизнеобеспечения населения и экономики страны [8].

Электроэнергетика относится к энергетическим ресурсам и оказывает влияние на окружающую среду. Основным законом в данной области является Федеральный закон от 10.01.2002 г. N 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022 г.) "Об охране окружающей среды", которым введена обязательность финансирования юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, мер по предотвращению и (или) уменьшению негативного воздействия на окружающую среду, устранению последствий этого воздействия [7].

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» предусматривает специальную плату за негативное воздействие на окружающую природную среду. Данная плата взимается с юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, занимающихся хозяйственной и иной деятельностью, которая оказывает негативное воздействие на окружающую среду [7]. Одной из государственных мер стимулирующего характера является установленный законодательно вычет из суммы платы за негативное воздействие на окружающую среду затрат на реализацию мероприятий по минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду, произведенных предприятиями и организациями, обязанными перечислять плату. К числу затрат на осуществление мероприятий по минимизации отрицательного воздействия на окружающую среду относятся расходы на финансирование мероприятий, входящих в программу повышения экологической эффективности и в план мероприятий по охране окружающей среды, а также расходы на реализацию мероприятий по обеспечению использования и утилизации попутного нефтяного газа

Стратегически важной целью государственной политики по экологическому развитию, установленной в основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г., является решение социально-экономических задач, обеспечивающих право каждого на благоприятную окружающую среду, экологически направленное развитие экономики, сохранение природных ресурсов и биоразнообразия для утоления

нужд людей, обеспечение экологической безопасности и укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды, а также иные задачи [4].

Следует отметить, что отсутствие специального законодательства, такого как федерального закона, регулирующего использование возобновляемых источников энергии, существенно тормозит формирование "зеленого" права. Считаем, что поправки в законы об энергетике и другие акты законодательства в сфере экономики должны отражаться в Концепции правового обеспечения "зеленой" экономики. Более того, данная Концепция должна включать в себя следующее:

- приоритеты, этапы развития и принципы "зеленой" экономики в РФ, в том числе формирование новых подотраслей права с учетом социально-экономических, региональных и географических признаков федеративного государства, что позволяет реализовать конституционный принцип совместного ведения, установленный в ст. 72 Конституции РФ [1];

- основные понятия, отраженные в Концепции, которые упорядочивают нормативную базу и инструменты "зеленой" экономики;

- систему правового регулирования, благополучного инвестиционного климата и средств экономического стимулирования развития "зеленой" экономики;

- правовой механизм решения стратегических задач, учитывая особенности правоотношений субъектов в области "зеленой" экономики;

- координационный аппарат и иные составляющие [3].

Таким образом, на сегодняшний момент возобновляемая энергетика в России сможет конкурировать с традиционной энергетикой только при условии всесторонней поддержки. Исходя из этого следует развивать действующие и создавать принципиально новые механизмы правового регулирования обеспечения и поддержки данных технологий, принимая во внимание, в том числе и зарубежный опыт.

Меры поддержки возобновляемой энергетики должны включать стимулирование на федеральном, региональном, муниципальном уровнях власти.

Например, мировым лидером по объему инвестиций в "зеленую" энергетику и экономику является Китай. В 2018 г. общие инвестиционные вложения, включающие государственное и частное финансирование, научные разработки, а также запуск мощностей, составили в Китае \$91,2 млрд., что вдвое больше, чем инвестировали США, что составляет примерно треть общих инвестиционных вложений в мире. В итоге в 2018 г. "единственным" фактором снижения мировых инвестиций в данную отрасль оказалась политика Китая, поскольку продолжительный период времени "зеленая" энергетика держалась на огромных государственных субсидиях, закладываемых в сумму коммунальных платежей конечного потребителя. В малонаселенных китайских районах развернулись протяжные поля солнечных батарей, где для таких мощностей

не было ни необходимой инфраструктуры, ни потребности. В мае 2018 г. китайские власти значительно сократили размер субсидий, из-за чего инвестиции в солнечную энергетику Китая по итогам года составили \$40 млрд. против \$89 млрд. в 2017-м, что снизило общий рост финансирования "зеленой" энергетики в мире в 2018 г [2].

Большинство денежных средств перечисляется на поддержку отрасли, развитие солнечной энергетики (48% всех инвестиций) и ветряной энергетики (46% вложений). Опять же, в настоящее время это сопоставимые цифры — \$139 млрд. и \$134 млрд. соответственно, но в предыдущие годы солнечные батареи привлекали гораздо больше денежных средств, чем ветряки. Вышеописанные события в Китае снизили мировой рынок инвестиций в солнечную энергетику на 22%, в то время как рынок ветровых установок повысился в прошлом году на 2%.

Таким образом, считаем необходимым развивать производство не только электрической, но и тепловой энергии на основе возобновляемых источников энергии (в основном в режиме когенерации, там, где это экономически и технологически обосновано), внедрять технологии возобновляемой энергетики в жилищное строительство, транспорт и энергоемкие отрасли промышленности (производство цемента, металлургия и прочие) [5].

Для решения проблемы неэффективности механизма платы за мощность Правительством РФ были приняты решения, направленные на продление сроков (на 2025 - 2035 гг.) применения механизма платы за мощность, предусматривающие совершенствование этого механизма за счет уточнения критериев предоставления поддержки (снижение затрат на единицу электрической энергии, повышение коэффициента использования установленной мощности, увеличение процента локализации производства, установление требования по экспорту оборудования) в целях снижения стоимости электрической энергии, производимой генерирующими объектами на основе ВИЭ, и прекращения с 2036 г. субсидирования возобновляемой энергетики через механизмы оптового рынка [10].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения: 25.10.2022 г.).
2. Макаренко Г. Откуда берет средства "зеленая" экономика. URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d64f35a9a794733fce7791a> (дата обращения 25.10.2022 г.).
3. Новикова Е.В. Концептуальные основы правового регулирования "зеленой" экономики в России / Е.В. Новикова. URL: <http://juridcons.com/article/29114> (дата обращения: 25.10.2022 г.).

4. "Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года" (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2022 г.).

5. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. № 9. С.53-67.

6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года" // Собрание законодательства РФ. 2017. N 20. Ст. 2902.

7. Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" // СЗ РФ. 2002. N 2. Ст. 133.

8. Федеральный закон от 26.03.2003 г. N 35-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) "Об электроэнергетике" (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. N 13. Ст. 1177.

9. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. // СПС "КонсультантПлюс".

10. <https://minenergo.gov.ru/node/489> / – Министерство энергетики РФ

The legal nature of contracts on the implementation of technological connection to electric networks

Chernykh N.A., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Lutovinova N.V., Chizhikova V.V.

RSSU

In the modern world, taking into account the growth in the level of production and consumption, the most acute issue is the transition to renewable energy sources. The creation of a modern legal framework regulating environmental quality issues is the main and priority issue of the state policy of the Russian Federation.

The article examines the issues of legal support of renewable energy in Russia, analyzes legislation in this area, analyzes the problems of development of legislation in the field of renewable energy; formulated ways to improve the legal regulation of relations in this area.

Keywords: sustainable development, renewable energy sources, renewable energy sources, green energy, legal incentives, regulatory regulation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // URL: <http://pravo.gov.ru>, 10/06/2022 (date of access: 10/25/2022).
2. Makarenko G. Where does the "green" economy get its money from? URL: <https://www.rbc.ru/trends/green/5d64f35a9a794733fce7791a> (accessed 10/25/2022).
3. Novikova E.V. Conceptual bases of legal regulation of "green" economy in Russia / E.V. Novikov. URL: <http://juridcons.com/article/29114> (accessed 10/25/2022).
4. "Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030" (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012) // SPS "ConsultantPlus" (accessed on October 27, 2022).
5. Symbolokov O.A. Legal support for the development of technologies for the use of renewable energy sources // Journal of Russian law. 2020. No. 9. P.53-67.
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 N 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. N 20. Art. 2902.
7. Federal Law of January 10, 2002 N 7-FZ "On Environmental Protection" // SZ RF. 2002. N 2. Art. 133.
8. Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003 (as amended on June 11, 2022) "On the Electric Power Industry" (as amended and supplemented, effective from September 10, 2022) // Collection Russian legislation. 2003. N 13. Art. 1177.
9. Yakovlev V.F. Legal state: issues of formation. M.: Statute, 2012. // ATP "ConsultantPlus".
10. <https://minenergo.gov.ru/node/489> – Ministry of Energy of the Russian Federation

Защита конкуренции в условиях цифровой экономики на примере стран Европейского Союза

Чинарян Елизавета Амаяковна

преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ, магистрант, РАНХИГС, ChinarlanEA@rgsu.net

Цифровая экономика – это новейший вид социальных и в первую очередь, экономических отношений, который все больше внедряется во все отрасли мирового рынка и не сбавляя темп продолжает активно развиваться. Высокая экономическая концентрация в условиях цифровой экономики становится новым вызовом для антимонопольных органов как России, так и зарубежных стран. Совершенствование антимонопольного законодательства стран – участниц Европейского союза, направленное на развитие конкурентного предпринимательства и ограничение монополистической деятельности, создание равных для всех хозяйствующих субъектов условий на товарном и финансовом рынках признано европейским сообществом определяющей предпосылкой успешной инновационной деятельности.

Статья посвящена исследованию механизмов защиты конкуренции в условиях цифровой экономики. Предложены инструменты правового регулирования с учетом обобщения опыта стран Европейского союза.

Ключевые слова: цифровая экономика; конкуренция; правовое регулирование; антимонопольное законодательство; государство; право; экономические отношения.

XXI век - век информационных технологий, благодаря стремительно развивающемуся инфокоммуникационным технологиям возникло понятие «цифровая экономика». Данное определение трактуется в разных научных трудах по-разному. Для более точного понимания данного термина, необходимо обратиться к утвержденной в России «Стратегии развития цифровой экономики до 2035 года.» В данной программе термин «цифровая (электронная) экономика» рассматривается как: некая совокупность общественных отношений, которая складывается при внедрении и использовании электронных технологий, создании электронной инфраструктуры, оптимизации производства, и в целом, повышения уровня социально-экономического развития государств с помощью новейших технологий [6].

Цифровая экономика – это новейший вид социальных и в первую очередь, экономических отношений, который все больше внедряется во все отрасли мирового рынка и не сбавляя темп продолжает активно развиваться. В ближайшее время цифровая экономика может стать главным видом товарно-денежных отношений.

Основой современного экономического развития является непрекращающиеся производство и совершенствование новых технологий, а также экспорт высокотехнологичной продукции, что сложно представить без реальной конкуренции внутри данного сектора экономики [1], но с внедрением инновационных технологий мы сталкиваемся со следующими сложностями: определить границы рынка, которые постоянно меняются под влиянием инноваций и цифровых технологий; посчитать объем такого товарного рынка и доли его участников; как в условиях цифровой экономики производить оценку обстоятельств, влияющих на состояние конкуренции, в том числе условий доступа на товарный рынок, долей хозяйствующих субъектов на рынках определенного товара; и наконец точно определить в условиях цифровой экономики, занимает ли компания доминирующее положение на рынке [5].

Высокая экономическая концентрация в условиях цифровой экономики становится новым вызовом для антимонопольных органов как России, так и зарубежных стран. В странах с развитой рыночной экономикой действует активная антимонопольная политика. В XX веке в большинстве данных стран одно из самых распространенных экономических преступлений был монополизм. Законодательство было направленно на предотвращение или

ослабление отрицательных последствий монополизации рынков.

На сегодняшний день страны-лидеры создают комфортные условия для глобального развития компаний цифрового сектора, при этом сталкиваясь с необходимостью создания международных инструментов управления конкуренцией и ограничения монополий в секторе цифровой экономики. Антимонопольное регулирование работает в отдельных странах и союзах, таких как ЕС.

Страны ЕС обеспокоены тем, что цифровые рынки (ОС, программных приложений, интернет-поиска, социальных сетей, онлайн-рекламы) характеризуются крайне высокой степенью концентрации [8].

Согласно статистике, которую приводит Netmarketshare, в 2016 г. супергигантом на рынке интернет-поиска стала компания Google, на долю которой приходится 95% рынка мобильных поисковых систем и 74% рынка десктопных поисковых систем. На рынке ОС для персональных устройств доминирующее положение занимает компания Microsoft: 91% у ОС Windows (Microsoft), 6,2% у ОС Mac (Apple) и 2,3% у ОС Linux. Чуть менее концентрированным является рынок мобильных ОС: 64% у ОС Android (Google), 31% у ОС IOS (Apple) и только 1,5% составляет доля ОС Windows (Microsoft) [7]. На сегодняшний день, эти показатели выше.

Совершенствование антимонопольного законодательства стран – участниц Европейского союза, направленного на развитие конкурентного предпринимательства и ограничение монополистической деятельности, создание равных для всех хозяйствующих субъектов условий на товарном и финансовом рынках признано европейским сообществом определяющей предпосылкой успешной инновационной деятельности [3].

Благодаря использованию антимонопольных процедур которые были введены на основании постановления регламента Совета ЕС от 16 декабря 2002 г. No 1/2003 о реализации правил конкуренции, установленных в ст. 81 и 82 договора, с дополнениями от 25 мая 2009 г. No 487/2009 [4], удается поддерживать конкуренцию и обеспечивать более эффективное применение ЕС антимонопольной практики в интересах потребителя и производителя. В ЕС для защиты конкуренции и предотвращения монополии, есть несколько антимонопольных органов, в том числе: Европейская комиссия и национальные суды. Для повышения эффективности антимонопольного регулирования, чтобы исключить возможность злоупотребления органами, для ускоренного обмена информацией, в том числе конфиденциальной создана единая система европейской конкуренции. Данная система зарекомендовала себя как весьма эффективная для борьбы с нарушением правил антимонопольной практики [2].

В целом, ознакомившись с опытом Европейского Союза можно сказать, что защита конкуренции и эффективное антимонопольное регулирование являются основой для надлежащего функционирования всего экономического пространства [2].

Европейский Союз введет активную антимонопольную политику. Создает благоприятные условия для развития бизнеса для всех компаний, ведущих деятельность на территории Европы. Компании равноправно конкурируют, причем независимо от территориального расположения как своего головного офиса, так и филиалов. Тем самым, исключая возможность возникновения монополий.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с конкурентным правом Европейского союза предоставление недостоверной информации является серьезным правонарушением, и размер штрафа может достигать 1% от годового мирового оборота компании. Напротив, в России санкции за предоставление недостоверной информации являются незначительными, и компании нередко предпочитают предоставить антимонопольному органу не соответствующий действительности информацию и согласовать сделку, рискуя быть оштрафованными. У антимонопольного органа есть возможность признать сделку недействительной через суд, но в случае принудительной отмены сделки негативные последствия для экономики могут быть значительными. Более правильным представляется усиление ответственности хозяйствующих субъектов за предоставление недостоверной информации антимонопольному органу, что соответствует общемировому подходу к решению данной проблемы.

Важным вопросом, имеющим самостоятельное значение, является развитие сотрудничества и взаимодействия ФАС России с зарубежными антимонопольными ведомствами, в том числе в рамках процедуры отказа от конфиденциальности. Государственная задача по развитию цифровой экономики потребует дальнейшей активизации сотрудничества информационного взаимодействия как со странами ЕАЭС и БРИКС, так и с другими зарубежными странами.

Литература

1. Нуреев Р.М., Иншакова А.О., Сорокожердьев В.В. Стратегия модернизации России: проблемы становления правового государства и эффективной инновационной экономики / Р. М.Нуреев [и др.]. М.: Современная экономика и право, 2012.
2. Петров Э.Ю., Гринберг Е.С. Антимонопольная политика Европейского союза и Евразийского экономического союза: взгляд изнутри // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №6. С.244.
3. Право Европейского Союза: учебник для вузов / А. Я. Капустин [и др.]. М.: Юрайт, 2013. С. 182–202.
4. Регламент N 1/2003 Совета Европейского Союза "Об имплементации правил конкуренции, установленных в Статьях 81 и 82 Договора" [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 16.12.2002)(с изм. и доп. от 25.09.2006) // Official Journal of the European Communities N L 1. 04.01.2003. P. 1. (<http://eur-lex.europa.eu/>).

5. Четвернина А.В. 2018. 04. 034. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защитить конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Нац. Исслед. Ун-т "Высшая школа экономики"; ФАС России; под. Ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова и Е. А. Войниканис. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. – 311 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2018. № 4. С.57.

6. <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf/> – Развитие цифровой экономики. Программа до 2035 года.

7. [https://www.netmarketshare.com/search-engine-market-share.aspx?qprid=4&qpcustomd=0&qpsp=2016&qpnp=2&qptimeframe=Y./](https://www.netmarketshare.com/search-engine-market-share.aspx?qprid=4&qpcustomd=0&qpsp=2016&qpnp=2&qptimeframe=Y/) – Статистика компании веб-аналитики Netmarketshare. Market Share

8. Statistics for Internet Technologies.

9. <https://www.project-syndicate.org/commentary/high-monopoly-profits-persist-in-markets-by-joseph-e--stiglitz-2016-05/russian/> – Stiglitz J. Monopoly's New Era.

Protection of competition in the digital economy on the example of the countries of the European Union

Chinaryan E.A.

College RSSU

The digital economy is the latest type of social and, first of all, economic relations, which is increasingly being introduced into all sectors of the world market and continues to develop actively without slowing down. High economic concentration in the digital economy is becoming a new challenge for the antimonopoly authorities of both Russia and foreign countries. Improvement of the antimonopoly legislation of the member countries of the European Union, aimed at developing competitive entrepreneurship and limiting monopolistic activity, creating equal conditions for all economic entities in the commodity and financial markets, is recognized by the European community as a determining prerequisite for successful innovation.

The article is devoted to the study of competition protection mechanisms in the digital economy. The instruments of legal regulation are proposed taking into account the generalization of the experience of the countries of the European Union.

Keywords: digital economy; competition; legal regulation; antimonopoly legislation; state; law; economic relations.

References

1. Nureev R.M., Inshakova A.O., Sorokozherd'ev V.V. Russia's Modernization Strategy: Problems of the Formation of a Legal State and an Effective Innovative Economy / R. M. Nureev [et al.]. Moscow: Modern Economics and Law, 2012.
2. Petrov E.Yu., Grinberg E.S. Antimonopoly policy of the European Union and the Eurasian Economic Union: a view from the inside // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. №6. P.244.
3. Law of the European Union: a textbook for universities / A. Ya. Kapustin [and others]. M.: Yurayt, 2013. S. 182–202.
4. Regulation N 1/2003 of the Council of the European Union "On the implementation of the competition rules established in Articles 81 and 82 of the Treaty" [rus., eng.] (Adopted in Brussels on 16.12.2002) (as amended and supplemented on 25.09. .2006) // Official Journal of the European Communities N L 1. 04.01.2003. P. 1. (<http://eur-lex.europa.eu/>).
5. Chetvernina A.V. 2018. 04. 034. Antitrust regulation in the digital age: how to protect competition in the context of globalization and the fourth industrial revolution / Nat. Research University "Higher School of Economics"; FAS Russia; under. Ed. A. Yu. Tsarikovskii, A. Yu. Ivanov, and E. A. Voinikanis. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2018. - 311 p. // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract Journal. 2018. No. 4. P.57.
6. <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf/> - Development of the digital economy. Program until 2035.
7. [https://www.netmarketshare.com/search-engine-market-share.aspx?qprid=4&qpcustomd=0&qpsp=2016&qpnp=2&qptimeframe=Y./](https://www.netmarketshare.com/search-engine-market-share.aspx?qprid=4&qpcustomd=0&qpsp=2016&qpnp=2&qptimeframe=Y/) – Netmarketshare web analytics company statistics. Market share
8. <https://www.project-syndicate.org/commentary/high-monopoly-profits-persist-in-markets-by-joseph-e--stiglitz-2016-05/russian/> – Stiglitz J. Monopoly's New era.

Принципы организации системы повышения квалификации судей

Вуколова Александра Романовна

аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Российский государственный университет правосудия, avukolova@list.ru

Повышение квалификации судей обусловлено потребностью обеспечить соответствие квалификации судей изменяющимся условиям их профессиональной деятельности, характеру общественных отношений, правовым нормам. Требуется совершенствование правового регулирования повышения квалификации судей в целях эффективности реализации принципов, лежащих в основе организации системы повышения квалификации судей, путем внесения соответствующих изменений в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации. В статье также установлено, что имеется объективная потребность в закреплении новых принципов, которые будут определять систему повышения квалификации судей. При этом внедрение такого принципа как единство в организации системы повышения квалификации судей приведет к существенному изменению правового регулирования повышения квалификации судей.

Ключевые слова: повышение квалификации судей, профессиональная деятельность судей, правовое регулирование повышения квалификации судей, система повышения квалификации судей

Повышение квалификации судей обусловлено потребностью обеспечить соответствие квалификации судей изменяющимся условиям их профессиональной деятельности, характеру общественных отношений, правовым нормам.

Учитывая значимость функций, которые осуществляют судьи, и роль судебной власти, повышение квалификации судей не может представлять собой какое-либо формальное явление. Ведь от их профессиональной подготовки зависит качество правосудия.

Более того, как отметили Сенякин Н.Н. и Балашова И.Н., «высокий уровень профессиональной квалификации судьи является гарантом надлежащего исполнения обязанностей по осуществлению правосудия» [1].

Поэтому представляется важным определить в ходе анализа правовых положений, регламентирующих организацию системы повышения квалификации судей в Российской Федерации, принципы, которые лежат в основе организации этой системы, выявить проблемы, препятствующие реализации указанных принципов, и выработать пути разрешения данных проблем.

Ключевые положения, закрепляющие систему повышения квалификации судей в Российской Федерации, содержатся в статье 20.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. От 16 апреля 2022 года) «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закона «О статусе судей в Российской Федерации») [2].

Согласно пункта 2 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» судья обязан повышать квалификацию.

Из указанного законодательного положения вытекает принцип обязательности прохождения судьями повышения квалификации.

Совершенно очевидно, что принцип обязательности выражается не только в обязанности судей повышать свою квалификацию в период замещения ими судейской должности, но и в обязанности соответствующих структур создавать условия, позволяющие судьям исполнять свою обязанность по повышению квалификации.

Однако в действующем законодательстве Российской Федерации подобная обязанность отсутствует, что можно считать определенным упущением.

На данную проблему также указывает и Колосовский В.В. По его мнению, закрепление такой обязанности в законе стало бы гарантией для исполнения судьями своих обязанностей в части по-

вышения квалификации, и в свою очередь, повысило бы гарантии соблюдения прав и свобод человека в ходе выполнения судьями своих профессиональных функций, связанных с применением права [3].

Следовательно, в законодательство Российской Федерации о статусе судей требуется в целях надлежащей реализации принципа обязательности прохождения судьями повышения квалификации внести изменения, закрепляющие за соответствующими государственными структурами полномочия, в части организации и создания условий для выполнения судьями обязанности по повышению своей квалификации.

Подобные изменения могут выражаться в положении на Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации обязанностей по обеспечению формирования списков судей федеральных судов, которым требуется пройти повышение квалификации в образовательных организациях, а на суды общей юрисдикции обязанности по организации представления соответствующих данных о потребности в повышении квалификации судей этих судов в Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, а также организации повышения квалификации судей в форме прохождения стажировок в этих судах.

Таким образом, принцип обязательности прохождения судьями повышения квалификации не может быть реализован в отсутствие условий, обеспечивающих возможность судьям повышать свою квалификацию.

Отсюда можно сформулировать такой принцип, как гарантированность прохождения судьями повышения квалификации, состоящий в наличии установленных в правовых актах возможностей различного рода, позволяющих судьям выполнять свои обязанности по повышению квалификации.

Данные возможности предполагают закрепление в законодательных и иных нормативных правовых актах порядка прохождения судьями повышения квалификации, сроков повышения квалификации, форм повышения квалификации, создание и наличие соответствующих структур (учебных заведений), осуществляющих повышение квалификации судей, наличие программ повышения квалификации судей и утвержденного порядка их разработки.

Порядок прохождения судьями федеральных судов повышения квалификации установлен в положении о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года).

Кроме того, в указанном Положении предусмотрено, что реализация дополнительных профессиональных программ повышения квалификации судей федеральных судов осуществляется федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (далее – Российский государственный университет правосудия) [4].

В соответствии с пунктом 3.3. положения о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года), программы повышения квалификации судей федеральных судов разрабатываются Российским государственным университетом правосудия.

Гарантированность прохождения повышения квалификации не может быть обеспечена без существования четкой, конкретной системы повышения квалификации судей.

Значит, следующий важный принцип – принцип конкретности системы повышения квалификации судей.

Данный принцип заключается:

- в четкой регламентации порядка прохождения судьями повышения квалификации;
- в закреплении конкретных форм повышения квалификации судей;
- в установлении строго определенных сроков прохождения судьями повышения квалификации;
- в наличии специализированных учебных структур, осуществляющих повышение квалификации судей.

Анализ статьи 20.1. Закона «О статусе судей в Российской Федерации» и положения о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года), позволяет прийти к заключению, что в действующих правовых актах имеются недостатки, препятствующие реализации принципу конкретности системы повышения квалификации судей в полной мере.

Так из пункта 2 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» усматриваются две формы повышения квалификации судей: повышение квалификации в образовательных организациях, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей, и стажировка в суде.

Вместе с тем, в указанном пункте предусмотрено, что порядок, сроки и иные формы прохождения судьями повышения квалификации определяются Верховным Судом Российской Федерации.

Следовательно, помимо названных форм прохождения судьями повышения квалификации, должны быть и другие формы повышения квалификации.

Однако в положении о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года), нет указаний на существование каких-либо иных форм прохождения судьями повышения квалификации.

Более того, выше указанные правовые акты четко не регламентируют процедуру прохождения судьями повышения квалификации, а лишь содержат общие положения по данному вопросу.

Также в них отсутствуют сроки повышения квалификации судей.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что данные недостатки являются существенными, поскольку отсутствие четко регламентированного порядка прохождения судьями повышения квалификации, перечня конкретных форм повышения квалификации и строго определенных сроков повышения квалификации могут привести к формальному подходу в прохождении судьями повышения квалификации, что в итоге сведет значение процесса повышения квалификации к минимуму.

Таким образом, избежать такого формального подхода можно путем подробной регламентации процесса прохождения судьями повышения квалификации, установления в законодательных актах Российской Федерации строго определенных сроков прохождения судьями повышения квалификации, закрепления полного перечня форм повышения квалификации.

Однозначно, что подробная правовая регламентация порядка прохождения судьями повышения квалификации исходя из анализа содержания положения о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года, (ред. от 22 июля 2020 года) будет заключаться, прежде всего, в закреплении в указанном Положении:

- четкого перечня форм повышения квалификации;
- строго определенных сроков повышения квалификации;
- порядка определения потребностей в повышении квалификации и их учета, представления сведений о потребностях в повышении квалификации в Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации;
- порядка организации направления судей на обучение по программам повышения квалификаций в Российский государственный университет правосудия;
- более подробной процедуры разработки Российским государственным университетом правосудия программ повышения квалификации судей;
- более детального порядка повышения квалификации судей, в том числе в форме стажировки в судах.

Другими принципами, лежащими в основе организации системы повышения квалификации судей, являются такие взаимосвязанные принципы как непрерывность и периодичность прохождения судьями повышения квалификации.

Смысл данных принципов находит свое выражение в пункте 2 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» и состоит в том, что повышение квалификации судей федеральных судов осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в три года.

Стоит заметить, что указанная законодательная формулировка содержит в себе недостаток в силу своей определенной абстрактности.

Абстрактность формулировки связана с использованием словосочетания «по мере необходимости». Подобное словосочетание сразу вызывает ряд вопросов о том, при каких условиях возникает

данная необходимость, каким образом и кем определяется эта необходимость.

Однако ни в Законе «О статусе судей в Российской Федерации», ни в положении о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года), не даются ответы на поставленные выше вопросы.

Подобное представляется не правильным, поскольку формальное закрепление словосочетания «по мере необходимости» в законодательном акте Российской Федерации без его дальнейшей конкретизации в законе или иных нормативных правовых актах приводит к невозможности реализации данного законодательного положения в практической деятельности в виду отсутствия указания на конкретные условия, необходимые для реализации этого положения закона.

Поэтому требуется либо конкретизировать формулировку «по мере необходимости», либо исключить ее из закона.

Необходимо учитывать, что ни все ключевые принципы в организации системы повышения квалификации судей нашли свое отражение в законодательстве Российской Федерации.

В связи с этим в законодательные акты Российской Федерации требуется внести существенные изменения, которые закрепят в нем новые принципы в организации системы повышения квалификации судей, способные привести к совершенствованию качества системы повышения квалификации судей.

Так, в настоящее время отсутствует единство в организации системы повышения квалификации судей.

Такое положение объясняется тем, что согласно пунктов 2 и 3 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» порядок, сроки и иные формы прохождения судьями федеральных судов повышения квалификации определяются Верховным Судом Российской Федерации, а порядок, сроки и формы получения дополнительного профессионального образования мировыми судьями и судьями конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации определяются законами субъектов Российской Федерации [5].

Следовательно, отсутствует единство в системе повышения квалификации судей федеральных судов и судей судов субъектов Российской Федерации.

На мой взгляд, подобное противоречит предусмотренному Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 года) «О судебной системе Российской Федерации» принципу единства судебной системы.

Фоков В.П. высказывал позицию о целесообразности закрепления в законодательстве Российской Федерации принципа единства в организации системы повышения квалификации судей федеральных судов и мировых судей, путем внесения соответствующих изменений в Закон «О статусе судей в Российской Федерации» [6].

Закрепление единства в системе повышения квалификации судей федеральных судов и судей

мировых судов должно поспособствовать формированию единообразной судебной практики и, как следствие, повышению качества правосудия.

При этом порядок, сроки и формы получения дополнительного профессионального образования судьями конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации должны будут, по-прежнему, определяться законами субъектов Российской Федерации в силу специфики деятельности указанных судей.

Также необходимо отметить, что единство в организации системы повышения квалификации судей подразумевает под собой необходимость осуществления финансирования дополнительного профессионального образования судей федеральных судов и мировых судей за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета.

В настоящее же время, повышение квалификации мировых судей в соответствии с пунктом 4 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» осуществляется за счет ассигнований бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации, из-за чего, по мнению Сиротюк А.З., в силу недостаточного финансирования дополнительного профессионального образования из бюджетов в ряде субъектов Российской Федерации страдает его качество [7].

Поэтому представляется существенным при закреплении принципа единства в организации системы повышения квалификации судей предусмотреть финансирование повышения квалификации судей федеральных судов и мировых судей из единого бюджета.

Подобное изменение будет в полной мере согласовываться с положением статьи 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 года) «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается, в том числе путем финансирования федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета.

Однозначно, что в настоящей статье были рассмотрены не все ключевые принципы организации системы повышения квалификации судей.

Так остались без внимания, такие важнейшие принципы, лежащие в основе системы повышения квалификации судей, как качество и независимость [8]. Это свидетельствует лишь о потребности для дальнейшего более глубокого изучения данной темы.

Кроме того, было выяснено, что требуется совершенствование правового регулирования повышения квалификации судей в целях эффективности реализации принципов, лежащих в основе организации системы повышения квалификации судей, путем внесения соответствующих изменений в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Также установлено, что имеется объективная потребность в закреплении новых принципов, которые будут определять систему повышения квали-

фикации судей. При этом внедрение такого принципа как единство в организации системы повышения квалификации судей приведет к существенному изменению правового регулирования повышения квалификации судей.

Литература

1. Сенякин Н.Н., Балашова И.Н. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации судей: Комментарий к статье 20.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Юрист. 2011. № 19. С. 11–16. СПС Консультант Плюс.

2. СПС Консультант Плюс.

3. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут. 2011. СПС Консультант Плюс

4. СПС Консультант Плюс.

5. СПС Консультант Плюс.

6. Фоков А.П. Мировой судья в России и за рубежом: проблемы и перспективы развития // Мировой судья. 2018. № 1. С. 8–12. СПС Консультант Плюс.

7. Сиротюк А.З. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка судей: нормативно-правовое регулирование и отдельные аспекты реализации // Мировой судья. 2018. № 6. С. 12–17. СПС Консультант Плюс.

8. Лузина А.Н. Профессиональное образование в области правосудия в России и Франции: вопросы подготовки, переподготовки и повышения квалификации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 2. С. 163.

Principles of organizing a system for advanced training of judges Vukolova A.R.

Russian State University of Justice

Further training of judges is due to the need to ensure that the qualifications of judges correspond to the changing conditions of their professional activities, the nature of social relations, and legal norms. It is necessary to improve the legal regulation of advanced training of judges in order to effectively implement the principles underlying the organization of the advanced training system for judges, by introducing appropriate changes to legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation. The article also establishes that there is an objective need to consolidate new principles that will determine the system of advanced training for judges. At the same time, the introduction of such a principle as unity in the organization of the advanced training system for judges will lead to a significant change in the legal regulation of advanced training for judges.

Keywords: advanced training of judges, professional activities of judges, legal regulation of advanced training of judges, system of advanced training of judges

References

1. Senyakin N.N., Balashova I.N. Professional retraining and advanced training of judges: Commentary on Article 20.1 of the Law of the Russian Federation

“On the Status of Judges in the Russian Federation” // Lawyer. 2011. No. 19. P. 11–16. SPS Consultant Plus.

2. ATP Consultant Plus.

3. Kolosovsky V.V. Theoretical problems of qualification of criminal acts: monograph. M.: Statute. 2011. SPS Consultant Plus

4. ATP Consultant Plus.

5. ATP Consultant Plus.

6. Fokov A.P. Magistrate in Russia and abroad: problems and development prospects // Magistrate. 2018. No. 1. S. 8–12. SPS Consultant Plus.

7. Sirotyuk A.Z. Advanced training and professional retraining of judges: legal regulation and certain aspects of implementation // Magistrate judge. 2018. No. 6. P. 12–17. SPS Consultant Plus.

8. Luzhina A.N. Professional education in the field of justice in Russia and France: issues of training, retraining and advanced training // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature: IAZH. Ser. 4: State and law. 2022. No. 2. P. 163.

Способы разрешения конституционно-правовых коллизий: судебные и внесудебные процедуры

Ячменев Юрий Васильевич

д.ю.н., профессор, профессор кафедры правоведения, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, turbo-62@mail.ru

Лисаченко Сергей Сергеевич

аспирант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», serg040596@yandex.ru

В условиях активно развивающихся общественных отношений именно утверждение новых нормативно-правовых актов представляется целесообразным и наиболее действенным направлением совершенствования законодательства. В процессе динамичного развития законодательства неминуемо возникают противоречия между действующими правовыми актами, называемые коллизиями. В статье рассматривается понятие и причины появления конституционно-правовых коллизий, анализируются способы их разрешения: судебные и внесудебные процедуры. В завершении формулируются рекомендации по улучшению способов преодоления коллизий. Исходя из анализа судебных и внесудебных процедур как способов разрешения конституционно-правовых коллизий, предлагаются следующие рекомендации по их улучшению: утверждение статуса коллизионных норм как механизма разрешения коллизий между нормами права в разрабатываемом Федеральном Законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»; совершенствование законодательства: отмена или изменение отдельных нормативно-правовых актов, разработка и принятие новых нормативных правовых актов.

Ключевые слова: конституционно-правовые коллизии, правовое регулирование, противоречия, коллизионные нормы, судебные процедуры, согласительные процедуры, внесудебное урегулирование.

Правовое регулирование общественных отношений подразумевает утверждение определенных правил поведения во взаимоотношениях между субъектами права и отсутствие разногласий и каких-либо инцидентов. Однако правовые системы, какими бы совершенными они ни были, не способны предупредить возникновение противоречий между действующими правовыми актами, называемых коллизиями.

Конституционно-правовые коллизии – это закрепленные в нормативных документах противоречия, затрудняющие применение закона и требующие разрешения [1, с. 191]. Среди причин, обуславливающих возникновение коллизий, выделяют объективные, например, внесение изменений в законодательство в связи с активным развитием общественных отношений, и субъективные, такие как недостаточная проработка законодательных предписаний, нечеткое разделение нормотворческих функций [2, с. 28].

Современное российское законодательство включает достаточное количество статей и пунктов нормативно-правовых актов, имеющих конституционно-правовые коллизии, ввиду того что процесс законотворческой деятельности характеризуется противоречивостью содержания и оформления, проявляющейся в некорректной или неподходящей формулировке норм, повторении и искажении терминологии, игнорировании системных связей [3, с. 17]. Ключевым механизмом повышения эффективности правового регулирования общественных отношений является преодоление конституционно-правовых коллизий.

Способы преодоления конституционно-правовых коллизий можно разделить на два вида: судебные процедуры и внесудебное урегулирование [4, с. 69].

Разрешение коллизий посредством судебных процедур подразумевает:

– признание нормативно-правовых актов не соответствующими Конституции России Конституционным Судом Российской Федерации, толкование Конституции Российской Федерации (согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, высшей юридической силой на территории Российской Федерации обладает Конституция РФ, все законы и иные правовые акты не должны ей противоречить [5, с. 307]);

– признание нормативных актов недействующими судами общей юрисдикции и арбитражными судами;

– разрешение Конституционным Судом Российской Федерации споров о компетенции.

В судебном правоприменении для разрешения коллизии судья определяет норму права, подлежащую применению к спорному случаю, действует ли норма права самостоятельно или имеются другие

регулирующие эти же отношения правовые нормы, определяет юридическую силу нормы права [6, с. 133].

Судебные процедуры по их правоприменительной деятельности можно отнести скорее к способам именно преодоления конституционно-правовых коллизий. Внесудебное урегулирование (внесудебные процедуры), связанное с правотворческой деятельностью, правильно отнести к способам устранения коллизий.

Преодоление конституционно-правовых коллизий через внесудебные процедуры предполагает:

- отмену Президентом Российской Федерации постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации;

- отмену Правительством Российской Федерации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти;

- приостановление Президентом Российской Федерации действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

- внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты;

- применение коллизионных норм;

- согласительные процедуры.

Коллизионные нормы представляют собой нормы, содержащие в себе правило разрешения коллизий норм права [7, с. 136]. Сегодня значительная часть коллизий преодолевается именно посредством применения коллизионных норм права. При этом, стоит отметить, статус коллизионных норм как механизма разрешения коллизий между нормами права законодательно не закреплён.

Также в настоящее время приоритетной формой переговорного процесса по устранению конституционно-правовых разногласий становятся согласительные процедуры. Согласительные процедуры – это особый свод правил взаимодействия субъектов, имеющих разногласия. Данная процедура представляется предпочтительной в сравнении с судебным урегулированием, так как позволяет субъектам свободно выбирать наиболее приемлемый для них в конкретной ситуации вариант разрешения конституционно-правовой коллизии и избежать предъявления правовых претензий в суд [8, с. 125].

Важно резюмировать, что универсального способа преодоления конституционно-правовых коллизий нет. Установить конституционно-правовую коллизию можно только в каждом конкретном случае при определении нормы права, регулирующей спорные отношения, и в зависимости от вида конституционно-правовой коллизии разрешить ее путем подходящей процедуры. Вместе с тем, внесудебное урегулирование представляется более предпочтительным способом преодоления конституционно-правовых коллизий, судебная процедура, так как подразумевает не правоприменительную, а правотворческую деятельность, то в большей степени способствует не преодолению, а устранению коллизий.

Таким образом, исходя из анализа судебных и внесудебных процедур как способов разрешения

конституционно-правовых коллизий, предлагаются следующие рекомендации по их улучшению:

- утверждение статуса коллизионных норм как механизма разрешения коллизий между нормами права в разрабатываемом Федеральном Законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [9];

- совершенствование законодательства: отмена или изменение отдельных нормативно-правовых актов, разработка и принятие новых нормативных правовых актов.

В условиях активно развивающихся общественных отношений именно утверждение новых нормативно-правовых актов представляется целесообразным и наиболее действенным направлением совершенствования законодательства.

Литература

1. Кузнецов А.П. Коллизии в праве: теоретическое исследование // Юридическая техника, 2017. № 11. С. 190-195 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-prave-teoreticheskoe-issledovanie> (дата обращения: 24.11.2022).

2. Любушкин В.А., Махмудов П.Х. Коллизии правовых норм и способы их разрешения: теоретико-правовой аспект // Контентус, 2017. № 12(65). С. 26-34 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35411443> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Кожокарь И.П. Коллизии правовых норм как изъян системы российского права // Юридическая наука, 2019. № 4. С. 15-22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-pravovyh-norm-kak-izyan-sistemy-rossiyskogo-prava> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве: учебное и научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2017. 77 с.

5. Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного праворегулирования). В 3-х ч. Ч. 1. М.: Норма, 2019. 512 с.

6. Гук П.А. Преодоление коллизий законодательными органами: теория, техника, практика // Юридическая техника, 2017. № 11. С. 132-134.

7. Милинчук Д.С. Коллизии как одна из причин препятствий для создания единообразного применения норм права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. № 3. С. 133-139 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-kak-odna-iz-prichin-prepyatstviy-dlya-sozdaniya-edinoobraznogo-primeneniya-norm-prava-v-rossii> (дата обращения: 24.11.2022).

8. Сороколетова М.А. Согласительные процедуры и коллизионные правоотношения: специфика конституционно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права, 2018. № 8. С. 123-128.

9. ФЗ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (проект) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:

<https://docs.cntd.ru/document/420243605> (дата обращения: 24.11.2022).

Ways to resolve constitutional and legal conflicts: judicial and extrajudicial procedures

Yachmenev Yu.V., Lisachenko S.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg State Agrarian University

In the conditions of actively developing social relations, it is the approval of new legal acts that seems to be the most appropriate and most effective direction for improving legislation. In the process of dynamic development of legislation, contradictions inevitably arise between existing legal acts, called conflicts. The article discusses the concept and causes of the emergence of constitutional and legal conflicts, analyzes the ways to resolve them: judicial and extrajudicial procedures. In conclusion, recommendations are formulated for improving ways to overcome collisions. Based on the analysis of judicial and extrajudicial procedures as ways to resolve constitutional and legal conflicts, the following recommendations are proposed for their improvement: approval of the status of conflict rules as a mechanism for resolving conflicts between the rules of law in the Federal Law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation" being developed; improvement of legislation: the abolition or amendment of certain regulatory legal acts, the development and adoption of new regulatory legal acts.

Keywords: constitutional and legal conflicts, legal regulation, contradictions, conflict of law rules, judicial procedures, conciliation procedures, out-of-court settlement.

References

1. Kuznetsov A.P. Collisions in law: theoretical study // Legal technique, 2017. No. 11. P. 190-195 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-v-prave-teoreticheskoe-issledovanie> (date of access: 11/24/2022).
2. Lyubushkin V.A., Makhmudov P.Kh. Collisions of legal norms and ways to resolve them: theoretical and legal aspect // Contentus, 2017. No. 12(65). P. 26-34 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35411443> (date of access: 11/25/2022).
3. Kozhokar I.P. Collisions of legal norms as a flaw in the system of Russian law // Legal Science, 2019. No. 4. P. 15-22 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-pravovyh-norm-kak-izyan-sistemy-rossiyskogo-prava> (date of access: 11/25/2022).
4. Petrov A.A., Tikhonravov E.Yu. Gaps and collisions in law: educational and scientific-practical guide. M.: Prospekt, 2017. 77 p.
5. Serkov P.P. Legal relationship (Theory and practice of modern law regulation). In 3 hours. Part 1. M.: Norma, 2019. 512 p.
6. Guk P.A. Overcoming collisions by legislative bodies: theory, technique, practice // Legal technique, 2017. No. 11. P. 132-134.
7. Milinchuk D.S. Collisions as one of the reasons for the obstacles to creating a uniform application of legal norms in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky, 2018. No. 3. P. 133-139 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizii-kak-odna-iz-prichin-prepyatstviy-dlya-sozdaniya-edinoobraznogo-primeneniya-norm-prava-v-rossii> (date of access: 24.11.2022).
8. Sorokoletova M.A. Conciliation procedures and conflict of law relations: the specifics of constitutional and legal regulation // Issues of Russian and International Law, 2018. No. 8. P. 123-128.
9. Federal Law "On normative legal acts in the Russian Federation" (draft) [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420243605> (date of access: 11/24/2022).

«Злостность» как основной признак составов преступлений, связанных с неисполнением приговора суда, решения суда или иного судебного акта

Бархо Владимир Юрьевич

аспирант, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», v.barkho@mail.ru

В настоящее время в Российской Федерации прослеживается негативная тенденция в сфере исполнимости вынесенных судами России судебных актов. Помимо гражданско-правовых, административно-правовых средств, обеспечивающих исполнение судебных актов, уголовно-правовые средства занимают особое место, поскольку именно путем привлечения виновного лица к уголовной ответственности достигается исправление лица, превентивное воздействие на лица в целях превенции совершения новых преступлений. Однако, в практической деятельности правоохранительных и правоприменительных органов нередко возникают сложности при применении как общих (ст. 312, 315 Уголовного кодекса Российской Федерации), так и специальных составов преступлений (статьи 157, 169, 177, 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). При этом, сложности возникают при определении «злостности» совершенных деяний на стадии проверки сообщений о преступлениях и решении вопроса о возбуждении уголовного дела, что и обусловило цель исследования в настоящей статье. В заключении хотелось бы отметить, что неисполнение судебных решений нарушает базовые основы управления правосудия в Российской Федерации, следовательно, должно караться по закону.

Ключевые слова: злостность, преступления против правосудия, исполнение судебных актов, приговор суда, решение суда.

ВВЕДЕНИЕ

Эмиль Дюркгейм в своей книге «О разделении общественного труда» указывал, что уголовному праву отведена особая роль: именно оно возникло первым среди других отраслей, и только оно защищает ту фундаментальную «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», посягательства на которые не допускаются даже на ментальном уровне. Правила, установленные в отношении этих «чувств» общеизвестны и общеприняты, вот почему, отмечает Э.Дюркгейм, «уголовные правила отличаются своей ясностью и точностью» [6, с. 183].

Как верно отметил Салтыков-Щедрин М.Е. «строгость законов повсеместно компенсируется полным их игнорированием». В большинстве случаев, имеющееся вступившее в законную силу судебное постановление вовсе не означает восстановление прав заявителя и своевременную «материализацию» справедливости, в связи с тем, что добиться возвращения присужденного имущества и других материальных благ, компенсации нематериальных благ, невозможно [10, с. 72]. С учетом таких обстоятельств, в Уголовный кодекс РФ была введена статья 315 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта.

В последнее время, стремительное развитие уголовно-правовых отношений вызвало многочисленные дискуссии относительно многих институтов уголовного права, разрешение которых имеет важный практический характер.

Проблема положения преступлений против нормального функционирования судебной системы в системе уголовного законодательства является одной из наиболее актуальных в современном правовом дискурсе. Причины такого явления заключаются в том, что нормально функционирующая судебная система является одним из центральных институтов государства, обеспечивающая разрешение социальных конфликтов на основе правовых норм, возникающими между государственными органами и гражданами, гражданами и юридическими лицами, гражданами, а также контроля за конституционностью законов, принятых на территории РФ. Ведь неслучайно среди признаков любого государства выделяют судебную власть как самостоятельную ветвь государственной власти.

ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКА «ЗЛОСТНОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (сокращенно и далее по тексту – УК РФ), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобренный Советом Федерации 5 июня 1996 года и введенный в действие с 1 января 1997 года Федеральным законом от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ, в Особенной части содержит несколько составов, предусматривающих уголовно-правовую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение актов правосудия. В частности, такие составы преступлений описывают преступные деяния, направленные на дестабилизацию нормальной работы судебных органов: статья 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», статья 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», статья 312 УК РФ «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», статья 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». Также к преступлениям, посягающим на нормальную работу органов правосудия можно отнести квалифицированные составы преступлений, предусмотренные статьей 169 УК РФ (часть 2) «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», а также статьей 282.2 УК РФ (часть 2) «Организация деятельности экстремистской организации», поскольку данные деяния также направлены на нарушение процедуры исполнения судебных актов в рамках принудительного исполнения [2].

Проводя анализ указанных выше статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовно-правовую ответственность за совершение деяний, квалифицируемых по вышеназванным статьям, неясным и не отраженным в законодательстве является проблема законодательного закрепления понятия «злостность».

Необходимо указать, что данная дефиниция не является чем-то новым для современного уголовного законодательства. В частности, в ранее действовавшем Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, понятие «злостность» использовалось в нескольких составах преступлений, например в статье 188.3 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», в статье 197.1 «Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР», в статье 206 «Хулиганство» и др. [1].

Определение «злостности» ни в тексте закона, ни в других нормативных правовых актах, ни в правоприменительной практике, в частности в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации не приведено, что определенным образом приводит к неясности и затруднениям при квалификации преступных деяний как злостных и доказывании данного признака составов преступлений, так как значение данного понятия трактуется каждым правоприменителем по своему усмотрению в рамках правоприменительной дискреции.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗЛОСТНОСТЬ»

Доктрина уголовного права содержит различные подходы к определению данной дефиниции.

Летягина Е.А. определяет «злостность» как отсутствие у лица намерения по исполнению судебного акта в течение определенного срока с учетом наличия реальной возможности его исполнения [7].

В свою очередь, по мнению Устиновой Т.Д. и Четвертаковой Е.Ю. «злостность» уклонения от исполнения судебного акта представляет собой отсутствие действий лица по исполнению судебного акта, на которого таким постановлением возложена какая-либо обязанность. Вместе с тем следует учитывать, что помимо неоднократности неисполнения, соответствующее требование должно быть оформлено надлежащим образом и сделано уполномоченным органом [8].

Вместе с тем, по мнению А.С. Горелик для определения значения данной дефиниции необходимо обращаться к пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» от 19 марта 1969 года № 46, в котором характеризуется злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи средств на содержание детей [9].

Как отмечал Лебедев В.М., председатель Верховного Суда Российской Федерации, «при установлении факта злостного уклонения от исполнения вступившего в законную силу судебного акта, суду необходимо учитывать следующие обстоятельства: реальная возможность исполнения должником требований судебного акта, выражающаяся в наличии у него денежных средств (по искам о взыскании денежных средств), наличия или отсутствия факта заключения обязанным лицом сделок по отчуждению имущества, совершение действий, направленных на невозможность обращения взыскания на заложенное имущество, невозможность взыскания денежных средств и т.п. [10, с. 74].

Несмотря на разносторонний подход к определению термина «злостность», единства позиций в научном сообществе и правоприменительной практике так и не было достигнуто.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКА «ЗЛОСТНОСТЬ»

Признак «злостность» как основной конструктивный признак предусмотрен в диспозициях статей 177 и 315 УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта соответственно.

Вместе с тем, ранее диспозиция ст. 157 УК РФ также содержала прямое указание на признак «злостности», хотя в дальнейшем данный признак и был исключен. В настоящее время условием, необходимым для привлечения к уголовной ответственности на основании ст. 157 УК РФ является неоднократность объективной стороны. По нашему

мнению, в данном случае, под неоднократностью следует понимать совершение лицом соотносящегося по субъективным и объективным признакам деяния, за которое такое лицо ранее привлекалось к административной ответственности. На наш взгляд, исключение из диспозиции указанной статьи признака «злостности» было вызвано намерением законодателя предупредить ситуации, когда виновными лицами с целью уклонения от выплаты алиментов, производились частичные выплаты, при оценке которых правоприменитель не мог трактовать такие действия как злостные.

В последнее время высказывается мнение о необходимости в каждой конкретной ситуации исходить из правоприменительного прецедента, то есть разрешать проблемы применения категории злостности исходя из сложившейся практики правоохранительных и судебных органов. Необходимо отметить, что складывающаяся практика разрешения проблемных вопросов при квалификации преступлений, предусматривающих «злостность» в качестве квалифицирующего признака на территории Российской Федерации неодинакова. Например, в Московской области достаточным для возбуждения уголовного дела по статье 315 УК РФ будет являться факт неисполнения судебного акта, вступившего в законную силу и наличие возможности фактического исполнения. Напротив, в Республике Бурятия для возбуждения уголовного дела по статье 315 УК РФ помимо факта неисполнения судебного акта, необходимо вручение не менее двух письменных предупреждений с требованием об исполнении судебного акта.

Таким образом, можно утверждать, что «злостность» является оценочной категорией, следовательно, наличие или отсутствие злостности в действиях подозреваемого устанавливается правоприменителем на основании внутреннего убеждения и юридических познаний.

Анализируя сформировавшуюся практику органов ФССП России, в подследственность которой входят расследования преступлений, предусмотренных статьями 177 и 315 УК РФ, а также судов, можно прийти к выводу, что злостность неисполнения требования судебного акта всегда сопряжена с наличием письменных уведомлений обязанного лица о необходимости исполнения требования судебного акта, а также с наличием фактической возможности исполнения такого судебного акта.

В утвержденном заместителем генерального прокурора РФ В.Я. Гринем и директором ФССП России А.О. Парфенчиковым Обзоре практики привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 315 УК РФ указано об отсутствии возможности формулирования универсальных критериев злостности неисполнения судебного акта. Несмотря на это, имеется возможность определить примерный перечень действий (бездействий) обязанного лица, характеризующих злостность относительно определенных составов преступлений: реальная возможность исполнения требований судебного акта или наличие препятствующих исполнению обстоятельств; наличие или

отсутствие действий, совершаемых обязанным лицом, свидетельствующих о намерениях исполнения требований судебного акта; указание в судебном акте срока, по истечении которого лицо обязано исполнить требования судебного акта; объем неисполненной части требований судебного акта (если такое измерение возможно); количество врученных обязанному лицу письменных уведомлений с требованием исполнения судебного акта [4].

На наш взгляд, нельзя связывать количество таких письменных предупреждений с возможностью привлечения обязанного лица к уголовной ответственности. При квалификации преступного деяния как злостного необходимо учитывать все критерии в совокупности: двукратное и более письменное уведомление обязанного лица с требованием исполнения судебного акта, наличие реальной, фактической возможности исполнения, отсутствие препятствий к исполнению судебного акта, а также длительность неисполнения требований судебного акта.

ВЫВОДЫ

Обращая внимание на все вышеизложенное, представляется необходимым законодательное закрепление категории «злостность» в Уголовном кодексе РФ. По нашему мнению, под злостностью необходимо понимать невыполнение обязанным лицом возложенных на него вступившим в законную силу судебным актом действий (или воздержание от совершения определенных действий) в срок, указанный в таком акте (в случае наличия такого срока) после вручения ему двух и более письменных уведомлений о необходимости исполнения требований судебного акта и предупреждения об уголовной ответственности за неисполнение, при наличии реальной возможности у такого лица исполнения судебного акта и отсутствия адекватных мер реализации судебного акта в рамках принудительного исполнения, инициированного заинтересованной стороной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, неисполнение требований судебных актов правомерно признано законодателем основанием наступления уголовной ответственности для виновных субъектов. В доктрине уголовного права высказывается мнение о том, что значительные сложности в данном вопросе связаны с определением признака «злостности» в условиях квалификации деяний по ст.ст. 177 и 315 УК РФ [9, с. 160]. Уголовное законодательство, соответственно, не дает надлежащего определения категории злостности. В этой связи представляется целесообразным на законодательном уровне определить понятие злостности в соответствующих нормах УК РФ. По нашему мнению, существование злостности как уголовно-правовой категории напрямую зависит от продолжительности неисполнения должником обязанностей, которые возложены на него судом.

Подводя итоги изложенному, можно отметить, что возникающие при квалификации преступлений,

предусматривающих признак злостности, проблемы нуждаются в поиске скорейшего разрешения, которое будет возможным при внесении изменений в действующий Уголовный кодекс РФ. Законодательное закрепление понятия «злостность» будет способствовать более качественному и правильному разрешению вопросов на стадии возбуждения уголовного дела, что приведет к повсеместному соблюдению принципа законности.

Литература

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). Документ утратил силу // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.04.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2022).
3. Информационное письмо ФССП России «Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения: 11.04.2022).
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б.Гофмана, прим. В.В.Сапова – М.: Канон, 1996. С. 432.
5. Лetyagina E.A. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: автореферат дисс. канд.юр.наук: 12.00.08. <https://research.sfu-kras.ru/node/4088#sel=2:1:FA4,2:12:wD5> // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2022).
6. Устинова Т.Д., Е.Ю. Четвертакова. Злостность как конструктивный признак состава преступления против правосудия/ <https://base.garant.ru/999826/> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: монография. Издательство «Юридический центр Пресс» 2005 год. <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/219731736-455023648> (дата обращения: 12.04.2022).
8. Мурзабулатов У.М. Проблемы примирения сторон в исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 10-18.
9. Гуреев В.А., Гушин В.В. Исполнительное производство: Учебник (4-е изд., исправл. и доп.). М.: Статут, 2021. С. 588.
10. Пастухов В. Б. Революция и конституция в посткоммунистической России : государство диктатуры люмпен-пролетариата. М. : ОГИ, 2018. С. 446.

«Maliciousness» as the main feature of the elements of crimes related to non-execution of a court verdict, court decision or other judicial acta Barkho V.Yu.

Rostov State Economic University (RINH)

Currently, there is a negative trend in the Russian Federation in the field of enforceability of judicial acts issued by Russian courts. In addition to civil, administrative and legal means to ensure the execution of judicial acts, criminal law means occupy a special place, since it is by bringing the guilty person to criminal responsibility that the correction of a person and preventive influence on persons in order to prevent the commission of new crimes are achieved. However, in the practical activities of law enforcement and law enforcement agencies, difficulties often arise in the application of both general (Articles 312, 315 of the Criminal Code of the Russian Federation) and special elements of crimes (Articles 157, 169, 177, 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, difficulties arise in determining the «maliciousness» of the committed acts at the stage of verification and reporting of crimes and deciding on the initiation of criminal proceedings, which determined the purpose of the study in this article. In conclusion, I would like to note that non-execution of court decisions violates the basic foundations of the administration of justice in the Russian Federation, therefore, should be punished by law.

Keywords: maliciousness, crimes against justice, execution of judicial acts, court verdict, court decision.

References

1. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on July 30, 1996). The document has become invalid // Reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 04/12/2022).
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 03/25/2022) // ConsultantPlus legal reference system (date of access: 04/11/2022).
3. Information letter of the Federal Bailiff Service of Russia "On the review of the practice of applying article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Reference legal system "ConsultantPlus" (date of access: 11.04.2022).
4. Durkheim E. On the division of social labor / Per. from fr. A.B. Hoffman, approx. V.V. Sapova - M.: Kanon, 1996. S. 432.
5. Letyagina E.A. Criminal liability for non-execution of a court verdict, court decision or other judicial act: abstract of diss. Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. <https://research.sfu-kras.ru/node/4088#sel=2:1:FA4,2:12:wD5> // ConsultantPlus legal reference system (date of access: 04/11/2022).
6. Ustinova T.D., E.Yu. Chetvertakova. Maliciousness as a constructive sign of a crime against justice / <https://base.garant.ru/999826/> (date of access: 04/12/2022).
7. Gorelik A.S., Lobanova L.V. Crimes against justice: monograph. Publishing house "Legal Center Press" 2005. <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/219731736-455023648> (date of access: 04/12/2022).
8. Murzabulatov U.M. Problems of reconciliation of the parties in enforcement proceedings // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). pp. 10-18.
9. Gureev V.A., Gushchin V.V. Enforcement Proceedings: A Textbook (4th ed., Revised and added). M.: Statut, 2021. S. 588.
10. Pastukhov V. B. Revolution and constitution in post-communist Russia: the state of the dictatorship of the lumpen proletariat. M. : OGI, 2018. S. 446.

Тактико-специальная подготовка сотрудников полиции

Ковалев Сергей Михайлович

преподаватель, кафедра тактико-специальной подготовки Сибирский юридический институт, krok505@mail.ru

Бордачев Александр Юрьевич

преподаватель, кафедра тактико-специальной подготовки, Сибирский юридический институт, fff30101970@yandex.ru

В последние годы происходят существенные изменения в правоохранительной системе России и правовом регулировании деятельности правоохранительных органов, в частности подразделений полиции, с целью приведения их работы к современным европейским стандартам. Поэтому исполнение полицейскими своих обязанностей по обеспечению публичного порядка и безопасности граждан, противодействию административным и уголовным правонарушениям должно учитывать эти тенденции и основаны на высоком профессионализме, существенной частью которого является тактико-специальная подготовка полицейских. Сейчас существенно меняются внешние условия выполнения подразделениями полиции своих функций. Имеется в виду законодательный процесс по внедрению в России рынка гражданского огнестрельного оружия и боеприпасов, что, безусловно, существенно повлияет на формирование экстремальных ситуаций для реализации полицейских полномочий. Представляется, что это обстоятельство обусловит возникновение значительно чаще ситуаций, когда сотрудникам полиции во время исполнения своих обязанностей придется иметь дело с вооруженными и неадекватными (психически неуравновешенными, нетрезвыми или просто возбужденными лицами. Такая ситуация будет требовать срочного принятия решения о применении специальных средств (в т. ч. табельного оружия) для защиты себя и окружения. Представляется, что это обстоятельство требует определенной коррекции ранее сформулированных положений и рекомендаций по тактико-специальной подготовке кадров для полиции России.

Ключевые слова: тактико-специальная подготовка, полиция, исследование, тренировка.

Составной частью каждого вида обучения полицейских является тактическая подготовка – комплекс мероприятий, направленный на приобретение и совершенствование полицейским навыков практического применения теоретических знаний относительно правильного оценивания конкретных событий с последующим принятием правомерных решений и психологической готовности к действиям в ситуациях различных степеней риска [2].

Практика показывает, что полицейские не всегда бывают достаточно подготовленными к экстремальным ситуациям, в их действиях отсутствуют четкость, слаженность и оперативность. Допускаются серьезные ошибки в расстановке сил и средств, организации управления нарядами и поддержания с ними связи, в материально-техническом обеспечении, не уделяется должного внимания защите личного состава [3].

Система «Тактической подготовки» построена на сочетании структурных элементов (тактики профессиональной деятельности, специальной тактики, гражданской защиты, военной топографии, тактической медицины) и позволяет досконально изучить вопрос управления, всестороннего обеспечения действий личного состава в типовых и экстремальных ситуациях и выработать практические рекомендации по их решению [4].

Подготовка полицейских к действиям в особых условиях осуществляется в системе служебной подготовки отдельных категорий полицейских, а также на специальных занятиях: оперативно-тактических, тактико-специальных, командно-штабных учениях, штабных тренировках, практических тренировках.

Вопросы деятельности и органами управления полиции в особых условиях изучаются в высших учебных заведениях со специфическими условиями обучения (курсы специальной тактики или тактико-специальной подготовки, основ управления органами полиции и др.) Эти вопросы также включаются в учебные планы подготовки, повышения квалификации, переподготовки, стажировки, служебной подготовки по месту службы и изучаются самостоятельно.

Тактико-специальная подготовка является самой динамичной частью отрасли социальных и специальной части знаний в сфере обеспечения внутренней безопасности государства от противоправных посягательств. Изменения в теоретических положениях и практических рекомендациях тактико-специальной подготовки происходят благодаря усовершенствованию средств вооруженной борьбы, профессионализации преступности, увеличению угрозы террористических проявлений, а также под влиянием изменений в законодательстве [5].

«Тактико-специальная подготовка» охватывает две составные части – специальную тактику и тактику профессиональной деятельности. Специальная тактика охватывает разработку и внедрение в практику применения превентивных и принудительных полицейских средств, типичных способов, методов и приемов действий личного состава органов и подразделений в целом в экстремальных ситуациях, выбор наиболее рациональных вариантов группировок сил (боевого порядка) для каждой конкретной ситуации, планирование действий всех сил, привлекаемых к решению такой ситуации, и непосредственное управление ими в ходе специальных операций. Тактика профессиональной деятельности включает вопросы несения службы отдельными нарядами (экипажами) полиции, основные задачи, порядок организации и несения службы полицейскими из охраны публичного порядка, обеспечения общественной безопасности.

Из военной сферы термин «тактика» распространился на другие сферы человеческой деятельности и в самом общем толковании стал обозначать набор способов активного противодействия одного лица (группы лиц) другому лицу (группе лиц). Со временем к такому пониманию добавились характеристики этих лиц как конфликтующих или тех, между которыми происходит конфронтация любого вида и масштаба.

В современном русском языке этот подход привел к появлению слова «противник»: 1. Тот, кто враждебно, отрицательно относится к кому-, чему-либо, противодействует кому, чему; противник. 2. Тот, кто выступает против другого в драке, поединке. 3. Вражеское войско, неприятельские вооруженные силы; неприятель [4].

Все это в полной мере нашло отражение в деятельности правоохранительных органов в рамках борьбы с преступностью, однако само слово «противник» получило чисто условный характер и служит для подчеркивания обстоятельств такой деятельности в условиях противодействия. Рассматривая специальную тактику как силовую составляющую борьбы с преступностью, следует отметить, что она выступает как часть или отдельный фрагмент военной тактики, и вместе с тем она как отрасль научных знаний сформировалась на базе общей теории и законы государственного управления.

Предметом военной тактики является подготовка к ведению боя, бой и выход из боевого столкновения. В практике полиции применение понятия «бой» является неуместным, однако применение огнестрельного оружия, прежде всего активное применение огнестрельного оружия в сочетании с тактико-техническими характеристиками отдельных видов вооружения и военной или специальной техники, отвечает большинству характеристик «боя».

С точки зрения военной терминологии, «бой» – это организованное вооруженное столкновение воюющих сторон, имеющая целью уничтожения, разгрома или взятия в плен противника, а также оборона, удержание или захват важных районов (рубе-

жей, объектов). Такое понимание боя соответствует задачам сил охраны правопорядка в особый период, в т. ч. период военного времени.

В мирное время (во время разрешения кризисных ситуаций разного уровня), когда преступники не оказывают организованного вооруженного сопротивления полицейским, который подобен действиям воинского подразделения в обороне, предпочтение отдается ненасильственным методам воздействия, в частности ведению переговоров. При этом, верно выбранная тактика переговоров позволяет выиграть время и свести к минимуму потери в ходе проведения специальной силовой операции.

Как учебная дисциплина "Тактико-специальная подготовка" напрямую связана с рядом военных дисциплин. Поскольку в ходе боевых действий приходится проводить различные построения подразделений, разворачиваться из походных колонн в предбоевые и боевые порядки, специальная тактика связана со строевой подготовкой; с огневой подготовкой, поскольку успех боя зависит от мастерского владения его участниками огнестрельным оружием; связана с военной топографией, поскольку для принятия правильного тактического решения надо учитывать тактические свойства местности, уметь читать и использовать боевые графические документы, уметь ориентироваться; она связана с общефизической и специальной физической подготовкой, поскольку боевые действия связаны с большим физическим напряжением и требуют навыков владения приемами борьбы. Специальная тактика отличается от общевойсковой специфическим составом сил и средств, характером взаимодействия, а также способами достижения целей в условиях сложной оперативной обстановки.

Именно этим и объясняется употребление термина «специальная».

«Тактико-специальная подготовка» связана с юридическими дисциплинами, в частности с административной деятельностью, криминологией, основами управления, уголовным правом и уголовным процессом и правосудием. Незнание норм права может привести к нарушениям законности, неправомерному применению оружия, специальных средств, физической силы и, в конечном итоге, повлечь тяжелые последствия. Как учебная и научная дисциплина "Тактико-специальная подготовка" связана также с другими юридическими, социально-экономическими, управленческими, техническими, военными науками и тому подобное.

Соискатели высшего образования в высших учебных заведениях со специфическими условиями обучения изучают учебную дисциплину «Тактико-специальная подготовка» в объеме 12 академических кредитов одновременно с дисциплинами «Огневая подготовка», «Специальная физическая подготовка» в соотношении 1:1:1 часов обучения.

Обеспечения личной безопасности работника полиции обусловлена его индивидуально-психологическими особенностями, уровнем физического развития и интеллекта, нравственными устоями личности, уровнем и содержанием виктимности,

навыками и умением решать конфликтные ситуации, способностью к самостоятельному анализу профессиональной деятельности с целью разработки новых элементов стратегии и тактики, совершенствование средств и приемов эффективного исполнения оперативно-служебных задач.

В некоторых научных источниках утверждается, что потерпевшими от уголовных нападения чаще всего становятся люди, считающие вероятным или просто предполагающие мысль о возможности стать жертвой преступления. Создавая соответствующие образы в своем воображении, мысленно обращаясь снова и снова к возможной опасной ситуации, представляя трагические и страшные детали, такие люди формируют в своем подсознании склонность к несчастным случаям и получение определенных повреждений (физических или психологических).

Эта позиция как гипотеза может быть приемлемой, но наблюдения свидетельствуют, что сотрудникам полиции более присуще игнорирование опасности, умышленное блокирование мыслей о ней, что является крайне вредным. Во время встречи с реальной опасностью (экстремальная ситуация) такие лица теряют самообладание и контроль, наблюдается демобилизация психической деятельности, что приводит к неадекватному реагированию.

Кроме этого, работнику полиции не стоит забывать, что он является ценным средством получения информации, необходимой преступникам. Это требует формирования у работников сознательных установок безопасного поведения и овладения специфическими приемами личной защиты и безопасности, и нет другой альтернативы в современных реалиях для эффективного решения оперативно-служебных задач.

Анализ опыта специалистов полиции, которые успешно действуют в различных экстремальных и психологически сложных ситуациях во время исполнения служебных обязанностей, и знакомство с рекомендациями зарубежных психологов позволяет предложить советы и рекомендации, усвоение и соблюдение которых позволит сформировать соответствующую установку «на выживание».

Наличие прочной установки «на выживание» дает возможность поддерживать адекватную профессиональную самооценку, соответствующий эмоционально-волевой настрой и прогнозируемый алгоритм поведения, а также стремление к разумному и мотивированному риску, осторожности, бдительности, эффективности и надежности действий в опасных ситуациях.

Для формирования установок безопасного поведения можно рекомендовать, в частности, использование руководителем или наставниками определенных положений с многократным ритмическим повторением вслух или мысленно.

Овладевая профессией, необходимо постоянно работать над созданием «персональной» совокупности средств и приемов безопасности.

Примером могут служить следующие наставления:

1. Проверь собственное физическое и эмоциональное состояние перед службой.

2. Проверь оружие, экипировку, транспорт перед работой.

3. Отработай навык быстро доставать и перезаряжать оружие (на ходу, в темноте, в автомобиле и других сложных условиях).

4. Держи наготове запасные средства («фирменное средство») нападения и обороны, запасные элементы экипировки.

5. Обеспечь возможность использования резервного связи (в частности, мобильный телефон и телефонную карточку).

6. Всегда обдумывай и оценивай все, что происходит во время экстремальной ситуации, отработывай умение предвидеть собственные действия и противника на шаг вперед.

7. Всегда помни об эффекте "туннельного видения" (восприятие искривляется под воздействием стресса и из-за ограниченной возможности адекватной оценки ситуации).

8. Учитывай время «запаздывания» (промежуток времени между мыслью и действием) и время на выстрел.

9. Научись контролировать окружающее пространство (звуки, предметы, людей, движения).

10. Всегда следи за сохранностью оружия и спецсредств.

11. Выбирай и используй собственное местонахождение как позицию для создания преимущества в определенной ситуации.

12. Придерживайся планов, разработанных лично и совместно с коллегой (напарником).

13. Контролируй ситуацию в пространстве вокруг своего местонахождения, условно поделив его на сектора, согласовывая свои действия с напарником.

14. В случае большого риска вызывай поддержку.

15. Используй по необходимости для передачи информации кодовые слова, фразы и жесты.

16. Никогда не выпускай подозрительную личность из поля зрения. Убери лишние предметы из зоны ее досягаемости.

В опасной или непредсказуемой ситуации соблюдай следующие правила:

- контролируй пространство над собой;
- полностью открывай дверь, прежде чем войти;

- не заглядывай за угол на уровне глаз;
- не стой прямо перед дверью или окном, на открывшемся пространстве;

- прежде чем двигаться, выбери другую позицию;

- выбирай позицию, у которой спина будет всегда защищена;

- принимай меры от рикошета;

- двигайся короткими рывками, зигзагами, убедившись в безопасности;

- не стой на одной линии между напарником и подозреваемыми;

– двигайся в такт с напарником, действуйте вместе, прикрывая друг друга;

– надень на преступника сначала наручники, потом проводится поверхностный осмотр, обыскивай как можно тщательнее.

17. Избежание столкновения для вас – это всегда выиграна ситуация; не провоцируй стрельбу, оружие – последний козырь.

18. Не применяй угроз, если не можешь ее реализовать.

19. Преступника сложно определить только по признакам внешности, поэтому ожидай непредсказуемого.

20. Избегай стандартных действий.

21. В случае опасности активно действуй, не замирай и не опускай руки».

22. Всегда помни об осторожности, не расслабляйся слишком быстро.

23. Помни, что ключ к победе – умение, а не высокомерие и гордыня.

24. Помни, что тебя ждут живым и здоровым дома.

Во время несения службы необходимо придерживаться тактических принципов:

1. Мыслить как победитель: никогда не сдавайтесь, вы можете победить в любом конфликте; используйте оборудование уверенно, с наибольшим удобством для себя; думайте по модели «Если – тогда (предварительное планирование с возможным развитием ситуации); избегайте самоуверенности.

2. Прикрытие, укрытие, защита: прикрытие (щит) – любой предмет, которым можно прикрыться, защититься от угрозы; укрытие – конструкция или ее элементы, предметы, которые дают полицейскому возможность спрятаться от угрозы; защита – средства и мероприятия, которые обеспечивают вашу безопасность, даже от пули.

3. Соотношение «Время : расстояние: чем больше расстояние от правонарушителя, тем больше времени есть у полицейских для реагирования на ситуацию.

4. Правило «1+1»: если полицейский заметил одну угрозу, он должен ожидать следующей; если полицейский находит одну единицу оружия, он должен ожидать, искать еще.

5. Сигналы опасности, угрозы: признаки, которые демонстрирует человек. Признаки, которые обнаруживает субъект. К ним относятся: сказанное, как именно сказано; движения; нервозность; беспокойство.

6. Деэскалация – разрядка конфликтной ситуации: полицейский может разрядить ситуацию, используя лишь вербальные средства (путем переговоров). Мощная демонстрация силы иногда может разрядить ситуацию, если попытка сделать это вербальными средствами оказалась неудачной.

7. Устные команды: имейте свидетелей вашего общения с правонарушителем; обеспечьте расстояние между свидетелями и правонарушителем; постоянно говорите протяжении всего инцидента; говорите уверенно, авторитетно, по сути и профессионально.

Основные варианты передвижения во время несения службы:

1) пешее передвижение (обход);

2) передвижение на транспортном средстве.

Пешее передвижение

Пешее передвижение происходит в местах, где невозможен подъезд на транспортном средстве.

Полицейский осуществляет проверку подъездов домов, чердаков и подвальных помещений с целью выявления лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений, пресечению преступлений и других правонарушений.

Полицейский выбирает маршрут передвижения так, чтобы обеспечить личную безопасность и иметь возможность контролировать ситуацию, в частности предупредить совершение преступления и другие правонарушения.

Во время передвижения парой или втроем необходимо соблюдать определенный порядок движения и секторов наблюдения.

В заключении можно отметить, что тактико-специальная подготовка должна внедряться не только для защиты жизни полицейского, но также и для снижения возможных угроз жизни населению при проведении специальных полицейских операций. Это также позволит повысить в принципе авторитет полицейской работы в обществе и в условиях внешнего давления на страны снизить преступность на 2-5% в течение 1-2 лет.

Литература

1. Баишев ИИ. Педагогическое сопровождение физической подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов // Теория и практика физической культуры. 2009. № 2. С. 54-56.

2. Броев А.Х. Особенности физической подготовки сотрудников полиции в рамках первоначального обучения // Успехи современной науки. 2016. Т. 1, № 9. С. 30-32.

3. Буданов А. В. Педагогика личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД. - М., 1997 г., с. 11 - 23.

4. Вельский К.С., Зайцева Л.А. Педагогический процесс в юридическом вузе: цикл материалов по вузовской педагогике. Ч. 1 // Юридическое образование и наука. 2009. № 1. С. 4.

5. Дралло Ю. Л. Организация деятельности подразделений органов внутренних дел при ликвидации последствий падения воздушных судов: учебно-методическое пособие / Ю. Л. Дралло, М. А. Ворожцов, С. А. Иванов, А. В. Данеев, А. В. Кожин, Д. Б. Кавецкий. — Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2007. — 80 с.

6. Караяни А.Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов, М., 2019. 593 с.

7. Киселев А.М. Профессиональная подготовка курсантов (слушателей) образовательных учреждений УИС Минюста России и пути ее совершенствования при изучении специальной тактики: дис. ... канд. пед. наук. - Рязань, 2001. - 145 с.

8. Красилов О.В., Мананников С.В., Клочков Р.В. Физическая подготовка курсантов образова-

тельных организаций системы МВД России: перспективы и инновации/ Вестник Барнаульского юридического института МВД России, 2017. № 1 (32). С. 52-53.

9. Кужевская Е.Б., Смык Е.И., Панурова Н.С. Формирование морально-психологической устойчивости у сотрудников правоохранительных органов, выполняющих служебные обязанности в особых условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 52-54.

10. Непомнящий, С. В. Подходы к совершенствованию служебно-боевой деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции / С. В. Непомнящий, В. И. Медведев // Совершенствование боевой и физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений силовых ведомств : материалы Международной научно-практической конференции. - Иркутск : Сибирский институт МВД России, 2013. - С. 152-154.

11. Овчинников, В. А. Профессионально важные физические способности сотрудников органов внутренних дел России / В.А. Овчинников, В.Н. Галкин, А.Ю. Плешивцев // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2013. - № 4. - С. 172-176.

12. Тактико-специальная подготовка: Учебник. В 2 ч. Ч. 1. - М.: ДКСК 1. МВД России, 2011. - 368 с.

13. Хвастунова Е.М. Огневая подготовка сотрудников ОВД России с использованием современных технических средств обучения, формирующая готовность к применению огнестрельного оружия в практической деятельности/ Молодежь - Барнаулу: материалы ХВП-ХІХ городской научно-практической конференции молодых ученых / гл. ред. Ю.В. Анохин. Ч. XVIII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 1902 с.

Tactical and special training of police officers

Kovalev S.M., Bordachev A.Yu.

Siberian Law Institute

In recent years, there have been significant changes in the Russian law enforcement system and the legal regulation of the activities of law enforcement agencies, in particular police units, in order to bring their work to modern European standards. Therefore, the performance by police officers of their duties to ensure public order and the safety of citizens, countering administrative and criminal offenses should take into account these trends and are based on high professionalism, an essential part of which is the tactical and special training of police officers. Now the external conditions for the police units to perform their functions are changing significantly. This refers to the legislative process for the introduction of the civilian firearms and ammunition market in Russia, which, of course, will significantly affect the formation of extreme situations for the implementation of police powers. It seems that this circumstance will cause the occurrence of situations much more often when police officers during the performance of their duties will have to deal with armed and inadequate (mentally unbalanced, drunk or simply excited persons. Such a situation will require an urgent decision on the use of special means (including service weapons) to protect yourself and your surroundings. It seems that this circumstance requires a certain correction of the previously formulated provisions and recommendations on tactical and special training for the Russian police.

Keywords: tactical and special training, police, research, training.

References

1. Baishev II. Pedagogical support of physical training of future law enforcement officers // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2009. No. 2. S. 54-56.
2. Broev A.Kh. Features of physical training of police officers in the framework of initial training // *Successes of modern science*. 2016. V. 1, No. 9. S. 30-32.
3. Budanov A. V. Pedagogy of personal professional security of police officers. - M., 1997, p. 11 - 23.
4. Velsky K.S., Zaitseva J.I.A. Pedagogical process in a law school: a series of materials on university pedagogy. Part 1 // *Legal education and science*. 2009. No. 1. P. 4.
5. Drallo Yu. L. Organization of activities of departments of internal affairs bodies in the aftermath of the fall of aircraft: teaching aid / Yu. L. Drallo, M. A. Vorozhtsov, S. A. Ivanov, A. V. Daneev, A. V. Kozhin, D. B. Kavetsky. - Irkutsk: VSI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2007. - 80 p.
6. Karayani A.G. Military psychology: textbook and workshop for universities, M., 2019. 593 p.
7. Kiselev A.M. Vocational training of cadets (listeners) of educational institutions of the penal system of the Ministry of Justice of Russia and ways to improve it in the study of special tactics: dis. ... cand. ped. Sciences. - Ryazan, 2001. - 145 p.
8. Krasilov O.V., Manannikov S.V., Klochkov R.V. Physical training of cadets of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: prospects and innovations / *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017. No. 1 (32). pp. 52-53.
9. Kuzhevskaya E.B., Smyk E.I., Panurova N.S. Formation of moral and psychological stability among law enforcement officers performing official duties in special conditions // *Psychology and Pedagogy of Service Activities*. 2020. No. 1. S. 52-54.
10. Nepomnyashchiy, S.V. Approaches to improving the service and combat activities of police patrol officers / S.V. Nepomnyashchiy, V.I. Medvedev // *Improving the combat and physical training of cadets and students of educational institutions of law enforcement agencies: materials of the International scientific and practical conference*. - Irkutsk: Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. - S. 152-154.
11. Ovchinnikov, V.A. Professionally important physical abilities of employees of internal affairs bodies of Russia / V.A. Ovchinnikov, V.N. Galkin, A.Yu. Pleshivtsev // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2013. - No. 4. - S. 172-176.
12. Tactical and special training: Textbook. At 2 h. Part 1. - M.: ДКСК 1. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. - 368 p.
13. Khvastunova E.M. Fire training of police officers of Russia using modern technical training aids that form readiness for the use of firearms in practical activities / *Youth - Barnaul: materials of the ХВП-ХІХ city scientific and practical conference of young scientists / ch. ed. Yu.V. Anokhin. Ch. XVIII. Barnaul: Alt. un-ta, 2017. 1902 p.*

Личное доверие и его значение в правовом регулировании семейных отношений

Рутковская Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Московского университета имени А.С. Грибоедова, Login8@mail.ru

В статье обосновывается необходимость учета особой лично-доверительной природы семейных правоотношений, благодаря которой между членами семьи и другими родственниками возможен высокий уровень доверия, проявляющийся при решении вопросов как неимущественного, так и имущественного характера. Отмечается, что высокий уровень личного доверия приводит к тому, что члены семьи и другие родственники могут не уделять достаточного внимания надлежащему оформлению сделок, не учитывать правовые последствия своих действий, не принимать своевременно меры для защиты своих прав.

Автором делается вывод о том, что законодательство и судебная практика должны рассматривать данные обстоятельства в качестве фактора риска для исключения случаев злоупотреблений и нарушений прав и законных интересов участников семейных правоотношений.

Ключевые слова: семья, семейное право, семейные правоотношения, семейное законодательство, доверительный характер, принципы семейного права, личное доверие

При анализе семейных правоотношений в советской юридической литературе в качестве их основы рассматривались прежде всего лично-правовые отношения [1, С. 74], существующие между их участниками, предполагалось, что имущественные отношения между членами семьи представляют собой следствие лично-правовых связей, а не самостоятельное правовое явление. По мнению О.С. Иоффе, имущественные отношения должны были признаваться производными от личных и подчиняться им, поскольку возникновение имущественных отношений между членами семьи является результатом создания семьи как личного союза [4, С. 176-177]. Данный подход позволял отчетливым образом определять специфику семейных правоотношений, однако накладывал существенные ограничения на развитие доктринальных взглядов на регулирование имущественной составляющей возникающих отношений между членами семьи, родственниками и другими лицами, особые связи между которыми вытекают из наличия между ними родственных или иных семейных оснований, не всегда базирующихся на их личном выборе и являющихся результатами «личного союза» участвующих в них лиц. Так, например, если при характеристике отношений между мужем и женой следует, как правило, исходить из осознанного выбора каждого из них и цели создания семьи, то при анализе отношений родителей и детей, братьев и сестер и других родственников приходится учитывать, что возникновение таких отношений для значительной части их участников является следствием обстоятельств, которые не зависели от их выбора и на которые они не могли повлиять. Тем не менее, наличие между такими лицами родственных связей во многих случаях способствует возникновению доверительных отношений между ними. В постсоветский период семейные правоотношения стали рассматриваться в значительной степени как отношения имущественные, что, по мнению М.В. Антокольской, объясняется ограниченными возможностями правового регулирования личных неимущественных отношений [2, С. 12]. Следствием произошедших изменений в доктринальных подходах стал, в частности, отказ от учета особой лично-доверительной природы семейных правоотношений при рассмотрении многих связанных с ними вопросов. Так, М.В. Антокольская отмечает, что в отличие от гражданского права и, прежде всего, договорного права, в котором лично-доверительные отношения в ряде случаев имеют важнейшее значение, например, для отношений, возникающих в рамках договора доверительного управления имуществом или

договора поручения, в семейном праве лично-доверительный элемент не имеет особого правового значения при решении имущественных вопросов [2, С. 17-18]. В обоснование данного вывода отмечается, что потребность в реализации норм семейного права возникает в случае утраты доверия между членами семьи и другими субъектами семейного права, когда создается ситуация конфликта, возникает потребность в предусмотренном правом вмешательстве в отношении между указанными субъектами [1, С. 74]. Данная аргументация представляется спорной, так как ее признание и применение по аналогии к другим правоотношениям логичным образом приводило бы нас к выводу о том, что любое правовое регулирование имеет значение только как основа для разрешения конфликтных ситуаций и проявляет себя только в таких ситуациях. Между тем очевидно, что вступая в договорные, семейные или иные правоотношения субъекты гражданских прав должны иметь возможность ориентироваться на определенные установленные законодательством требования, закрепляемые им права и обязанности, существующие вне зависимости от наличия или отсутствия конфликтной ситуации. При возникновении последней законодательство должно обеспечивать возможность защиты прав и законных интересов субъектов, но его роль не исчерпывается только данной функцией.

Необходимо учитывать, что семейные правоотношения всегда имеют личный характер, возникают между людьми в силу существующих между ними особых связей, признаваемых семейным правом. Особые отношения, существующие в рамках семьи, являются во многом исторически обусловленными, связанными с базовыми человеческими потребностями и поведенческими особенностями, включая «продолжение рода, защиту потомства и иных родственников» [5, С. 17].

Важнейшей характеристикой семейных правоотношений является их лично-доверительная природа, так как особый уровень доверия между членами семьи и другими родственниками обычно предполагается, презюмируется при решении вопросов не только неимущественного характера, но и связанных с осуществлением имущественных прав и обязанностей. Законодательство исходит из того, что первичным основанием для возникновения семейных отношений между супругами является личный выбор каждого из них, являющийся, как правило, следствием возникновения между ними особых чувств, предполагающих высокий уровень личного доверия. Утрата доверия служит одним из оснований для прекращения семейных правоотношений, что проявилось, в частности, во время пандемии коронавирусной инфекции, когда, как отмечает В.В. Богдан, родственники зачастую стали узнавать ранее неизвестную им информацию друг о друге, например, о ведении членом семьи бизнеса в социальных сетях и получении им скрываемого от других членов семьи дополнительного дохода [3, С. 40-41]. В отношениях между членами семьи и иными родственниками, свойственниками

высокий уровень личного доверия также предполагается ввиду имеющейся между ними общности, родственных связей, совместного владения имуществом и других обстоятельств, способствующих особому сближению между ними. Именно ближайшие родственники могут выступать в роли законных представителей в случае возникновения проблем со здоровьем у физических лиц, отстаивать интересы друг друга, оказывать друг другу материальную и моральную поддержку. Законодательство учитывает, таким образом, наличие семейных, родственных и иных связей и обусловленных ими лично-доверительных отношений в качестве особого «позитивного» фактора, позволяющего одному субъекту гражданского права отстаивать интересы другого субъекта, рассматривать в качестве общей собственности совместно нажитое супругами имущество, претендовать на получение имущества родственника в случае его смерти и т.д.

Однако необходимо также учитывать возможность «негативных» последствий наличия лично-доверительных отношений, когда одна сторона таких отношений может воспользоваться ими для нарушения прав другой стороны, создать своими действиями угрозу имущественных потерь для другой стороны, например, при злоупотреблении алкоголем или в силу увлечения азартными играми. Именно поэтому, как представляется, законодательство признает необходимость вмешательства в решение имущественных вопросов при разделе имущества между членами семьи, при определении обязательной доли в наследстве и во многих иных случаях. Лично-доверительный характер отношений между участниками является одной из важнейших характеристик семейных отношений, именно наличие данного элемента во многом предопределяет особое значение норм морали в рассматриваемой области. Предложение о закреплении личного доверия в качестве принципа семейного права было выдвинуто Р.Е. Телегиным [6]. Данную позицию представляется возможным поддержать в контексте признания традиционной для отечественного законодательства модели семьи как продолжение закрепляемых статьей 1 Семейного кодекса Российской Федерации основных начал семейного законодательства [7]. При развитии законодательства необходимо учитывать, что члены семьи и другие участники семейных отношений, как правило, руководствуются уверенностью в наличии особых личных отношений с другими их участниками, в силу чего могут уделять меньше внимания надлежащему оформлению сделок, имущественных прав, не учитывать правовые последствия совершаемых ими действий, не принимать своевременно меры для защиты своих прав и законных интересов.

Высокий уровень доверия со стороны участников семейных правоотношений, как и любых других гражданско-правовых отношений, целесообразно рассматривать в определенных случаях в качестве фактора риска, что может учитываться судами при разрешении имущественных споров как обстоятельство, в силу наличия которого решения должны

приниматься с особым вниманием к соблюдению принципов разумности, добросовестности и справедливости при возникновении и развитии соответствующих имущественных правоотношений.

Литература

1. Алиев Т.Т. О специфике семейных правоотношений на примере анализа соотношения гражданско-правовых и семейных правоотношений // Современное право. 2014. № 11. С. 72-75.
2. Антокольская М.В. Семейное право. – М., 2002.
3. Богдан В.В. Семейный бизнес в социальных сетях // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации / Под общей редакцией О.Ю. Ильиной. - Тверь, 2020.
4. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – Л., 1965.
5. Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 16-20.
6. Телегин Р.Е. Личное доверие как принцип семейного законодательства // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2022. № 12. С. 52-61.
7. Шерстнева Н.С. Принципы семейного права: диссертация на соискание научной степени доктора юридических наук. – М., 2007. 452 с.

Personal Trust and its Significance in the Legal Regulation of Family Relations

Rutkovskaia O.A.

A.C. Griboyedov Moscow University

The article substantiates the need to take into account the special personal-trust nature of family legal relations, due to which between family members and other relatives a high level of trust is possible, manifested in solving issues of both non-property and property nature. It is noted that a high level of personal trust leads to the fact that family members and other relatives may not pay sufficient attention to the proper execution of transactions, do not consider the legal consequences of their actions, do not take timely measures to protect their rights. The author concludes that legislation and judicial practice should consider these circumstances as a risk factor to exclude cases of abuse and violations of the rights and legitimate interests of participants in family legal relations.

Keywords: family, family law, family legal relations, fiduciary character, principles of family law, personal trust

References

1. Aliev T.T. On the specifics of family legal relations on the example of the analysis of the ratio of civil law and family legal relations // Modern law. 2014. No. 11. S. 72-75.
2. Antokolskaya M.V. Family law. - M., 2002.
3. Bogdan V.V. Family business in social networks // Social and legal aspects of the transformation of the institution of the modern family in the context of the implementation of state family policy: Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation / Under the general editorship of O .YU. Ilyina. - Tver, 2020.
4. Ioffe O.S. Soviet civil law. - L., 1965.
5. Kulakov V.V. Principles of family law // Actual problems of Russian law. 2017. No. 5. S. 16-20.
6. Telegin R.E. Personal trust as a principle of family law // Proceedings of the Southwestern University. Series: History and Law. 2022. No. 12. S.52-61.
7. Sherstneva N.S. Principles of family law: dissertation for the degree of Doctor of Law. - M., 2007. 452 p.